

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Исследования и материалы

Выпуск первый

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 1. 1951 г.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Исследования и материалы

Выпуск 1

Санкт-Петербург
1993

Научный редактор Б. М. Кириков
Составитель В. А. Фролов

В сборник вошли ранее не публиковавшиеся исследования, в основном подготовленные сотрудниками ГМИ СПб. Приводятся малоизвестные сведения по политической истории, истории царской тюрьмы, архитектуре Петербурга и другим темам.

Настоящее издание открывает серию выпусков музея, посвященную истории города. Сборник рассчитан на историков, искусствоведов, краеведов и читателей, интересующихся историко-культурным наследием Санкт-Петербурга.

К 1805080000-002 без объявл.
4117(03)-93
ISBN 5-86585-002-4

© Государственный музей истории
Санкт-Петербурга, 1993
© Бородин А. И., оформление, 1993

От научного редактора

Первым выпуском «Краеведческих записок» мы начинаем публикацию научных трудов Музея истории С.-Петербурга. Исследования, проводимые нашими сотрудниками, охватывают все грани и этапы истории города. Естественно, большинство работ носит прикладной характер, так как это связано с изучением принадлежащих музею уникальных памятников и огромного собрания фондов, с подготовкой выставок и постоянных экспозиций. Сегодня в состав музея — одного из крупнейших в стране — входят Петропавловская и Шлиссельбургская крепости, бывший «Румянцевский музей» на набережной Красного флота, 44, музей-квартира А. А. Блока и музей С. М. Кирова, музей печати С.-Петербурга на Мойке, 32, Монумент героическим защитникам Ленинграда на площади Победы, а также краеведческие филиалы в Царском Селе и Ораниенбауме.

На протяжении многих лет в музее накапливались разнообразные научные материалы, которые, к сожалению, оставались неопубликованными. Причина тому — долгое пренебрежение издательской работой. Под маркой организации были выпущены лишь сборники материалов конференций «Петроградская сторона. История и архитектура» (1988) и «Заповедная зона Ленинграда: вчера, сегодня, завтра» (1989), а также несколько брошюр и буклетов к выставкам.

Столь скромные результаты совершенно не соответствуют действительному научному потенциалу коллектива. Только за последние пять лет благодаря самостоятельным усилиям сотрудников вышли в свет в разных издательствах книги А. В. Повелихиной, О. А. Чекановой, М. Э. Гизе, Л. Я. Лурье и автора этих строк, были опубликованы многочисленные работы А. М. Конечного, Г. Ю. Никитенко, П. А. Антонова, Ю. М. Голобокова, Е. П. Перовского и других. Большая группа авторов из музея приняла активное участие в подготовке энциклопедического справочника «Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград» (1992).

Настоящий сборник охватывает далеко не весь спектр ведущихся в музее исследований. Преимущественное отражение получили темы

революционного движения и политического заключения, культуры и науки, архитектуры и топонимики.

Вопросы насильственной борьбы с существующим строем и насильственного подавления этой борьбы во второй половине XIX — начале XX века рассматриваются в краеведческом и музейном аспектах М. В. Идельсон, Н. К. Дубовой, Г. П. Игнатьевой и А. И. Барабановой. Эта проблематика была и остается одной из приоритетных для музея в связи с изучением истории Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, служивших политическими тюрьмами самодержавия. Особенно следует отметить труд покойной М. В. Идельсон, которая вела в пору жестких идеологических ограничений разработку «запретной» темы — деятельности партии эсеров. В публикуемой ее статье предпринята попытка раскрыть социальные и психологические мотивы террористического движения. Большой интерес как достоверный документ, переведенный в драматургическую форму, представляет пьеса «Манифест 17 октября в "Петропавловке"», написанная заведовавшим арестантскими помещениями крепости Г. А. Иванишиным.

Малоизвестные факты ранней истории Академии наук рассматриваются в статье М. Э. Гизе, страницы петербургского периода биографии В. И. Вернадского — в работе М. П. Околызиной. Следующий тематический блок составляет группа историко-архитектурных материалов. Ю. В. Трубинов обосновывает сенсационную датировку Строгановского дворца. М. В. Нащокина характеризует творческий путь выдающегося зодчего, реставратора и педагога Н. В. Султанова. Различные аспекты развития столичной архитектуры прошлого и начала нынешнего столетия отражены в статьях Б. М. Кирикова. Наконец, Г. Ю. Никитенко рассказывает о сложном процессе возвращения исторических наименований.

Мы надеемся, что издание «Краеведческих записок» станет систематическим. Ближайший сборник будет посвящен Петропавловскому собору — важнейшему историческому памятнику города.

М. В. ИДЕЛЬСОН

Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров

В тюрьме Трубецкого бастиона находились в заключении многие участники первой русской революции, в том числе члены боевых организаций партии социалистов-революционеров. 32 человека из них пошли из крепости на виселицу, многие — на каторгу.

Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров понес большие потери по сравнению с другими отрядами — 15 его членов были казнены. Но не только этот факт привлек наше внимание к отряду. Новый, неопубликованный архивный материал дает возможность исследовать более тщательно и глубоко вопросы, которые уже давно встали перед историками, но не получили еще должного ответа.

Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров был создан летом 1906 года Альбертом Давидовичем Траубергом и подчинялся вначале Северному областному комитету партии. Деятельность отряда проходила в годы первой русской революции и в первые месяцы реакции.

А. Д. Трауберг (1880—1908), латыш по национальности, выходец из бедной крестьянской семьи, к тому времени уже имел большой опыт революционной борьбы, которую начинал как латышский социал-демократ. Трауберг был видным революционером, блестящим организатором, человеком с железной волей, целеустремленным борцом и в то же время чутким, внимательным товарищем. Член его отряда З. Клапина писала, что в нем гармонически сочтались ум, воля и чувства: «Счастьем для его чуткой, но здоровой, богатой красками, вечно звучащей души была жизнь. Он любил природу, музыку. К членам своего отряда он относился с любовью и доверием, умело воспитывал молодежь. В его отряде царила атмосфера демократии и товарищеской спайки»².

Трауберг подбирал в свой отряд таких же самоотверженных и бесстрашных революционеров, каким был он сам.

В сентябре 1907 года группой была снята у Г. Боргсэна дача в Келломяках (ныне пос. Комарово), располагавшаяся на пересечении Большой и Духовской улиц. На даче поселились Трауберг, Е. А. Ива-

нова (под именем супругов Голст) и А. Я. Шенберг. Здесь помещалась штаб-квартира отряда, лаборатория по изготовлению бомб, фотографическая мастерская, где снимали шедших на акт боевиков, а в лесу проводилось обучение бомбометанию и стрельбе из браунинга. В штаб-квартире намечались и обсуждались планы террористической борьбы против правительства³.

С момента своего возникновения отряд развернул широкую террористическую деятельность. Однако осуществить все планы не удалось. Весной 1907 года был разгромлен по доносу Азефа Боевой отряд при ЦК, которым руководил Л. И. Зильбергер (пять человек было казнено). Отряд Трауберга перешел в непосредственное подчинение ЦК⁴, бессменным членом которого был провокатор Азеф.

Азеф тормозил работу отряда Трауберга, а затем выдал его полиции. Начались аресты. Еще в начале июля 1907 года на явочной квартире Э. М. Резовской (Екатерининский пр., 15) был арестован Трауберг, однако во время составления протокола ему удалось скрыться⁵. 6 июля там же был арестован Белоцерковец. При обыске у него в носке был обнаружен план железнодорожных путей с указанием маршрутов царя и других лиц⁶. Арестовали и Эмму Резовскую. Оба они были заключены в тюрьму Трубецкого бастиона.

За дачей в Келломяках было установлено наружное наблюдение. Филеры выслеживали не только обитателей дачи, но и приезжающих туда других членов отряда — студента Н. Н. Иванова, брата Е. А. Ивановой, и их мать, дочь надворного советника М. П. Иванову.

22 ноября 1907 года на дачу нагрянула финская полиция, которую возглавил направленный петербургским охранным отделением полковник отдельного корпуса жандармов Уранов. Арестовали Трауберга, Е. Иванову и Шенберг. На даче произвели тщательный обыск, было найдено много предметов, уличающих революционеров: револьверы, патроны, жестяная оболочка от бомб, план зала заседаний Государственного совета с указанием мест каждого его члена, письмо с просьбой выдать сотруднику газеты билет для посещения заседания Государственного совета, паспортные книжки, революционные брошюры и газеты, в том числе «Знамя труда» со статьями об убийстве Иванова, Бородулина, Максимовского⁷, письма, адреса, новое мужское белье со споротыми ярлыками фирм. Кроме того, была обнаружена хорошо оборудованная фотомастерская и альбом с фотопортретами Б. Д. Маркова, Н. Егорова, Е. П. Рагозиной — ранее казненных членов отряда⁸.

Возникает вопрос: почему революционеры не соблюдали конспирации? Вероятно, Трауберг считал отряд в безопасности в автономной Финляндии. Финские власти тайно поддерживали русских революционеров, надеясь, что с их помощью после свержения самодержавия в России Финляндия получит независимость. Однако имперские власти на этот раз вмешались сами, не доверяя финской полиции.

Трауберг был заключен в тюрьму Трубецкого бастиона 7 декабря 1907 года. Директор департамента полиции потребовал от коменданта крепости, чтобы Карла⁹ «заключили в одной из камер нижнего этажа, таким образом, чтобы рядом находились с обеих сторон незанятые

камеры, и с учреждением за арестованным особо строгого надзора, который устранил бы всякую возможность каких-либо тайных сношений его с другими заключенными или внешним миром»¹⁰. Трауберга поместили в камеру № 12¹¹.

В феврале 1908 года следователь Тлустовский приступил (в присутствии товарища прокурора судебной палаты Корсака) к допросу обвиняемых. Большинство членов отряда держались на допросах достойно, не давали показаний, могущих повредить товарищам.

Трауберг на допросе 28 февраля отказался от дачи показаний и от подписи протокола¹², а в дальнейшем старался всячески заштитить от обвинения своих товарищей и взять всю вину на себя. О своей руководящей роли в отряде и подготовке террористических актов он говорил свободно и прямо, смело обосновывая их: «Павлов был убит как вдохновитель военно-полевой юстиции, как поборник винтовки и пули и главный палач правительства. Иванов, равно и целый ряд начальников других тюрем, были убиты за превращение вверенных им тюрем в камеры пыток, где правительство расправлялось со своими врагами, Максимовский — как вдохновитель подчиненной им тюремной администрации. Главного же руководителя тюремного и «правосудного» ведомств министра Щегловитова карающая рука постигнет в свое время»¹³.

Следствие по делу о Легучем боевом отряде Северной области партии социалистов-революционеров было закончено 15 марта 1908 года, преследовано прокурору С.-Петербургской судебной палаты¹⁴ и направлено в военно-окружной суд. Помощником военного прокурора полковником фон Рулахом был составлен 24 апреля 1908 года обвинительный акт. Согласно акту, члены отряда обвинялись: «Альберт Давидов Трауберг, 27 лет, Елена Александровна¹⁵ Иванова, 24 лет, Альвина Яковлева Шенберг, 24 лет, Федор Самойлов Масокин, 25 лет, Анатолий Петров Белоцерковец, 27 лет, Эмма Мильтда Янова Резовская, 18 лет, Мария Павлова Иванова, 50 лет, Николай Николаев Иванов, 20 лет — в том, что в 1907 ... они состояли членами Легучего боевого отряда Северной области партии социалистов-революционеров, заведомо для них поставившего целью своей деятельности насильственное ниспровержение путем убийства высших представителей правительственной власти, установленного в России ... правления и замены его демократической республикой»¹⁶.

7 мая 1908 года все одиннадцать обвиняемых по делу отряда предстали перед петербургским военно-окружным судом. Судебное заседание открылось в 11 часов 20 минут под председательством генерал-майора Никифорова в здании Петербургского окружного суда (Литейный пр., 4). 11 мая в 1 час 45 минут судебное следствие было закончено, и суд удалился на совещание. Вечером он вынес резолюцию, а затем приговор в окончательной форме. Согласно этим документам А. Трауберг, Е. Иванова, Ф. Масокин, А. Шенберг, Н. Иванов, А. Белоцерковец, Э. Резовская были признаны виновными «в участии в сообществе, состоявшемся для учинения тяжкого преступления», причем это сообщество имело в своем распоряжении средства для взрыва и склада оружия. Суд постановил: А. Трауберга, Е. Иванову,

Ф. Масокина и А. Белоцерковца лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. А. Шенберг, Н. Иванова, Д. Ветлугина и Э. Резовскую сослать в каторжные работы: первых двух на 15 лет и двух других — на 10 лет каждого. В. Бурьгина и М. Корнильеву сослать на поселение (вечная ссылка). Обвинение Н. Иванова в покушении на убийство Максимовского суд признал недоказанным, М. Иванову оправдал.

Защитники заявили, что подсудимые уполномочили их на подачу кассационной жалобы. Председатель суда дал на это срок до 12 часов дня 12 мая. Защитники восприняли такой короткий срок как насмешку над правосудием.

Подсудимые выслушали приговор совершенно спокойно¹⁷.

При конфирмации приговора военно-окружного суда помощником главнокомандующего войсками армии и Санкт-Петербургского военного округа смертная казнь, присужденная инженеру А. Белоцерковцу и слушательнице Высших женских курсов Е. Ивановой, была заменена ссылкой в каторжные работы (очевидно, бессрочной), а срок ссылки в каторжные работы, присужденный Н. Иванову и Э. Резовской, уменьшен на 5 лет каждому. В остальных частях приговор был утвержден без изменений¹⁸.

16 мая 1908 года Трауберг и Масокин под усиленным конвоем были отправлены особым поездом в Лисий Нос. В 4 часа утра был приведен в исполнение смертный приговор через повешение. Тела их там же были преданы земле¹⁹.

Возникает вопрос — почему был смягчен приговор?

Во-первых, это было традицией, преследующей цель показать «милость» высших властей. Кроме того, мы полагаем, что здесь была и другая причина: 17 февраля 1908 года были казнены семь членов того же отряда, среди них три женщины. Эта массовая казнь вызвала большой резонанс не только в России, но и за границей.

После ареста Трауберга с группой боевиков во главе отряда встал Всеволод Владимирович Лебединцев, проживавший по паспорту итальянского журналиста Марио Кальвино.

В. В. Лебединцев родился в 1881 году в дворянской семье. Отец его был членом Одесской судебной палаты. Бабушка со стороны матери была итальянкой, а дальний предок — римским папой. По профессии он был астрономом, работал одно время (1904) в Пулковской обсерватории. Это был блестяще образованный человек. Он в совершенстве говорил на нескольких европейских языках, любил и знал литературу, музыку, искусство, был лириком и романтиком по характеру. Товарищи вспоминают, что у него было красивое интеллигентное лицо с большими серо-синими глазами, в которых светилось что-то наивно-детское. В то же время в нем была большая духовная сила.

К революционному движению он примкнул в начале 1900-х годов. Лебединцев ушел из обеспеченной семьи и жил литературным трудом, сильно нуждаясь. Но связи с семьей не порывал, особенно любил мать, которая его воспитала. Хорошо знавшая его М. Семенова пишет, что это был один из тех редких высоконравственных людей, одно присут-

ствие которых возвышает окружающих. В Летучий боевой отряд Лебединцев вступил в 1907 году.

По заданию Центрального Комитета партии эсеров отряд готовил покушение на министра юстиции Щегловитова и великого князя Николая Николаевича. Не сочувствуя этому предприятию, Лебединцев вынужден был подчиниться²⁰. Покушением руководила Анна Михайловна Распутина, мать двоих детей, мужественная революционерка, уже имевшая в свои 32 года немалый стаж революционной борьбы. В 1895—1896 годах курсистка Высших женских курсов А. Шулятикова (девичья фамилия Распутиной) была активным деятелем «Группы народовольцев». В декабре 1896 года она была арестована, заключена в Петропавловскую крепость и в 1897 сослана административным порядком в Якутию на 5 лет. С 1907 года она являлась членом Летучего боевого отряда²¹.

В начале 1908 года организация была выдана провокатором Азефом полиции и за ее членами было установлено неотступное наблюдение. Филерами было выяснено, что участники отряда производили разведку вблизи дворца великого князя Николая Николаевича (Итальянская ул., 13) и Министерства юстиции (Екатерининская, ныне Малая Садовая ул., 1). Были выслежены следующие члены отряда: А. Распутина, Марио Кальвино, С. Баранов, А. Смирнов, В. Янчевская, А. Николаев, П. Константинов и «Жапановская»²².

Однако революционеров не арестовали. Вместо того чтобы «пресечь преступление», предупредить его, в соответствии с существующими законами, охранка ждала его наивысшего развития с тем, чтобы задержать террористов перед совершением акта, с оружием в руках, и отправить их на виселицу, получив за это чины, ордена и денежные вознаграждения. Филеры наблюдали, как 6 февраля несколько членов отряда дежурили близ подъезда Министерства юстиции, ожидая выхода Щегловитова, который не состоялся (он был предупрежден). 7 февраля боевики с бомбами и браунингами вышли на улицы для решающего нападения. Вот тогда охранка и нашла «своевременным» проинформировать ликвидацию отряда. Десять боевиков было арестовано.

В. В. Лебединцев, 27 лет, глава отряда, был арестован на углу Кирпичного переулка и Морской улицы с разрывным снарядом. Как руководитель отряда он не должен был идти на акт. Он писал: «Я не могу и не хочу предоставить самим себе тех, которые неразрывно связаны со мной. Я не хочу оставить их действовать одних. Пусть это бессмысленно, я готов это признать, но я предпочитаю действовать бессмысленно, но быть вместе с ними ... Лучше самому умереть, чем послать на смерть других»²³.

Анна Михайловна Распутина, жена крестьянина, руководитель покушения, была арестована с бомбой на углу Невского проспекта и набережной Мойки.

Лидию Августовну Стуре, 24 лет, арестовали на Михайловской улице, при этом она пыталась отстреливаться. Стуре происходила из дворянской семьи, была дочерью подполковника, окончила Смольный институт, училась на Высших женских курсах. «Нежная, хрупкая, совершенное дитя, смотревшая мечтательно своими большими синими

глазами, обранными длинными ресницами; вся худенькая, еще не сложившаяся, гибкая, с узкими острыми плечами, вытянутой шеей и длинными-предлинными двумя косами...» — так вспоминает о ней революционерка П. С. Ивановская-Волощенко²⁴.

Сергей Гаврилович Баранов, 22 лет, сын придворного егеря, был задержан на Морской улице. При личном обыске у него был найден браунинг. В 19 лет он ушел из дома, чтобы его революционная деятельность не отразилась на службе отца. Несмотря на свою молодость, он уже дважды привлекался к дознанию в 1905 году²⁵, а в 1907 году был выслан в Туруханский край на 3 года. Оттуда он бежал и в сентябре 1907 года вступил в Летучий боевой отряд Северной области. В отряде он выполнял ответственные обязанности — распоряжался денежной частью и распределением оружия. Это был веселый и жизнерадостный молодой человек. Его высоко ценил и уважал Трауберг²⁶.

Лев Сергеевич Синегуб, 21 года, читинский мещанин, был задержан с мощной бомбой на Итальянской улице, неподалеку от дворца великого князя.

Елизавета Николаевна Лебедева, молодая девушка (она вначале не назвала ни своего возраста, ни своей фамилии), была арестована на углу Екатерингофского (ныне Римского-Корсакова) проспекта и Садовой улицы. В полицейском участке она ранила из браунинга городского.

Александр Филиппович Смирнов, 22 лет, крестьянин по документам, был арестован на Васильевском острове между 7 и 8-й линиями. При задержании он оказал вооруженное сопротивление и ранил агента охранки. При обыске на квартире у него были обнаружены две бомбы.

Вера Леонидовна Янчевская, 17 лет, дочь поручика, была задержана на Английском (ныне Маклина) проспекте. При обыске на квартире у нее были найдены браунинг, кинжал, офицерский темляк.

Афанасия Ивановна Николаева, 23 лет, студентка университета, была арестована на углу Миллионной улицы и Мошкова переулка.

Петра Константиновича Константинова, 23 лет, техника, арестовали у его дома (23-я линия, 18). У него на квартире обнаружили бомбу, детали бомбы, взрывчатые вещества, револьвер, переписку и т. п.²⁷

8 февраля все десять арестованных были заключены в тюрьму Трубецкого бастиона — мужчины и В. Янчевская в камеры первого, а две женщины — в камеры второго этажа²⁸.

11 февраля уже был составлен обвинительный акт. Боевики обвинялись прежде всего «в том, что в феврале сего года, проживая в Петербурге, состояли членами „Летучего боевого отряда Северной области“ партии социалистов-революционеров»²⁹, заведомо для них поставившего целью своей деятельности немедленное насильственное низвержение путем убийства высших представителей правительственной власти, установленного в России законом основного образа правления и замены его демократической республикой, для каковой цели имели в своем распоряжении разрывные снаряды и склады оружия».

Далее подсудимые обвинялись в «умышлении лишить жизни великого князя Николая Николаевича», покушении на министра юсти-

ции Щегловитова, отдельные члены отряда — в ранении агентов и полицейских.

14 февраля 1908 года в помещении тюрьмы Трубецкого бастиона (в бывшей квартире смотрителя тюрьмы) состоялся военно-окружной суд. Председательствовал на нем генерал-майор Никифоров.

Главным нарушением законности явилось то, что, как отметила защита, дело было неподсудно военному суду: положение о государственной охране, в условиях которой дело только и могло быть передано в военный суд, прекратило свое действие, так как «высочайшее повеление» о его продлении не было внесено на обсуждение Государственной думы в указанный 87 статьей Основных законов срок — два месяца. Но этот отвод защиты был оставлен судом без последствий³⁰.

Защитник Земель указал на то, что присутствие в числе подсудимых иностранного подданного обязывает суд отнестись с особой осторожностью к возбуждаемому вопросу. На это председатель грубо ответил, что подсудимый Кальвино, не называющий своей настоящей фамилии, должен считаться русским подданным хотя бы «из Шклова или Бердичева». Заявление защитника Шнитикова о недостатке времени, предоставленного защите для ознакомления с делом, было тоже оставлено без последствий.

В 8 часов вечера суд удалился для совещания. В 9 часов 30 минут была вынесена резолюция: А. М. Распутина, В. В. Лебединцев, Л. А. Стуре, Е. Н. Лебедева, С. Г. Баранов, Л. С. Синегуб и А. Ф. Смирнов были приговорены к смертной казни через повешение; А. И. Николаева, В. Л. Янчевская и П. К. Константинов — к каторжным работам на 15 лет каждый³¹.

На другой день, 15 февраля, в 2 часа дня приговор был объявлен в окончательной форме без каких-либо изменений. После его прочтения осужденным было предложено подать кассационную жалобу, на что было дано всего два часа. Осужденные на смертную казнь подали жалобу, которая была основана на неподсудности дела военно-окружному суду³². Приговор был подтвержден с уменьшением срока каторги Янчевской до 5 лет. В отношении других подсудимых он остался без изменений³³.

В ночь на 17 февраля 1908 года осужденных вывели из камер, чтобы отправить на казнь. Тюремная не спала. Заключенные (среди них была и группа Трауберга) провожали стуком, прощальными возгласами и пением своих товарищей, идущих на смерть. Осужденные запели похоронный марш³⁴.

17 февраля на рассвете в поселке Лисий Нос был приведен в исполнение смертный приговор над семью революционерами³⁵.

Эта казнь вызвала волну возмущения в прогрессивных кругах русского общества и за рубежом. Для Леонида Андреева она послужила поводом для написания «Рассказа о семи повешенных». Л. Н. Андреев был знаком с В. В. Лебединцевым. Но рассказ не являлся документальным и на документальность не претендовал. Это был страстный протест против смертной казни. Писатель послал свой рассказ матери Лебединцева с теплой надписью.

Напомним взгляды на индивидуальный террор В. И. Ленина. В

литературе встречается утверждение, что Ленин был против индивидуального террора. В такой категорической форме это неточно. Ленин признавал индивидуальный террор, осуществляемый вместе с массами в ходе партизанской войны (убийство шпионов, активных черносотенцев, начальствующих лиц полиции, армии, флота и других насильников). Это отражено в решениях IV съезда РСДРП. Но Ленин осуждал индивидуальный террор, являющийся делом интеллигентов-заговорщиков, не связанных с массами³⁶.

В документах партий, включивших в свою тактику индивидуальный террор (народовольцы, социалисты-революционеры), он никогда не изображался как главный метод борьбы. Наоборот, подчеркивалось его вспомогательное значение. Но такова закономерность развития террористической организации, что террор оттягивал на себя лучшие силы и основные средства, выдвигаясь на первый план, нанося этим ущерб другим важным видам деятельности: пропагандистской, агитационной, издательской.

В партийных документах эсеров можно также найти ответ на вопрос о том, какую роль должен играть террор в революционном движении: устрашать и дезорганизовывать правительство; революционизировать общество; воспитывать революционеров на примере гражданской доблести террористов.

Мы не будем сейчас приводить общеизвестные опровержения этих положений. Нас интересует, как к террору относились сами боевики, каким путем они к нему шли.

В военно-историческом архиве имеются документы, позволяющие ответить на эти вопросы. Это протоколы допросов трех боевиков и предсмертные письма некоторых из них. Обратимся к этим документам.

Протоколы допросов А. Д. Трауберга³⁷ от 4—6 марта 1908 года и членов его отряда А. Я. Шенберг³⁸ и Е. А. Ивановой³⁹ от 7 марта являются не столько показаниями по разбираемому делу, сколько рассказами о том, как они пришли в революцию, почему выбрали именно террор. Все три протокола написаны самими подсудимыми.

А. Д. Трауберг, выходец из очень бедной латышской крестьянской семьи, закончил городское училище и поступил на службу сначала в полицейское управление, затем в съезд мировых судей, а после — в окружной суд письмоводителем судебного следователя. Там он постоянно наблюдал социальное неравенство людей, несправедливость, царящую в жизни. Чтобы разобраться в этом, начал изучать общественные науки. «Все понемногу разъяснилось, — пишет он, — просвещение, развитие классового самосознания и соединенная с ним борьба, а там вдали светлое будущее. Далеко оно, нет слов. Люди когда-то до него доберутся. Но не тут-то было: за просвещение и развитие классового самосознания — ссылки в Сибирь, за изучение общественных наук хватали ночью с постели и сажали в предварилку ... Самодержавное правительство не терпело ни одной свободной мысли, преследовало за первое свободное слово».

Трауберг пришел к выводу, что бороться надо против правительства, и примкнул к Балтийской социал-демократической организации

(позднее ставшей социал-демократической партией), которая отрицала целесообразность террора как средства борьбы. И далее Трауберг объясняет, что собственный взгляд на террор заставил его изменить жизнь: средства борьбы у противоположных сторон оказались неравными: у правительства — оружие и карательные органы, у социал-демократов — устное и печатное слово. Трауберг лично наблюдал кровавую расправу правительства с рабочими во время так называемых «рижских беспорядков». Тогда у него впервые мелькнула мысль о терроре — действительно ли он так нецелесообразен? Два террористических акта — убийство министра просвещения Боголепова Карповичем (1901) и министра внутренних дел Сеягина Балмашевым (1902) — показали, с его точки зрения, «громадное значение террора, как средства, расковыливающего накопившиеся общественные силы, превращающего потенциальную энергию в кинетическую». Трауберг утверждал, что после этих актов революционные организации, независимо от их отношения к террору, вынуждены будут выступить более активно.

Трауберг раскрыл свое понимание значения террора: «Помимо того, террор нагонял спасительный страх на власть имущих и заставлял их хоть некоторым образом сдерживать себя. Далее: удары террористов расстраивали правительственный механизм и таким образом давали возможность развернуться как революционным организациям, так и более широкому обществу». Он считал, что особенно ясно эти свойства террора проявились после убийства В. К. Плеве.

В январе 1904 года Трауберг был арестован. Решив для себя твердо, что индивидуальный террор целесообразен, он много думал в тюрьме о том, сможет ли он сам стать террористом. Январские события 1905 года в Петербурге, Риге и других городах положили конец его колебаниям. После освобождения из тюрьмы в октябре 1905 года он вошел в Латышский социал-демократический союз, более близкий идейно к партии социалистов-революционеров (возник в 1904 году). В 1905 году Трауберг стал одним из руководителей Тукумского восстания и свидетелем его безмерно жестокого подавления (известно, что каратели особенно свирепствовали на национальных окраинах). Вынужденный эмигрировать, Трауберг вернулся в апреле 1906 года в Ригу, чтобы убит по заданию Латышского социал-демократического союза главных карателей: Орлова, Сологуба и Бекмана, но его отвлекла организационная работа. Летом 1906 года, когда союз был разгромлен, Трауберг приехал в Петербург и предложил себя в качестве террориста партии социалистов-революционеров, близкой ему по духу.

Трауберг разработал свою тактику террористической борьбы, необходимую, по его мнению, в условиях наступавшей реакции: «Удары должны следовать один за другим с короткими промежутками времени, или должен последовать ряд ударов одновременно в разных местах, или же удары должны быть наносимы целыми группами, так называемый «оптовый террор»».

Какие выводы можно сделать из этих «показаний» Трауберга об его отношении к индивидуальному террору, обосновании его необходимости, значения, которое он ему придавал?

Прежде всего ясно, что Трауберг — убежденный сознательный тер-

рорист, что он выбрал этот путь обдуманно, являясь активным участником революционной борьбы и свидетелем кровавой расправы с народными выступлениями. К террору он пришел, разочаровавшись в других видах революционной работы — в устной и печатной пропаганде, в вооруженном восстании. Трауберг решил, что бороться надо против самодержавного правительства, что силе надо противопоставлять силу, но такой силой он считал не вооруженный народ, а отряды боевиков. Трауберг был знаком с социалистической литературой (какой именно — неизвестно), но теорию научного социализма не принял. Человек дела, сильный и бесстрашный, он стал претворять в жизнь индивидуальный террор, придавая ему главенствующее значение и рассматривая террористов как авангард партии социалистов-революционеров. Итак, о значении индивидуального террора в революционной борьбе он говорит то же, что пишут в партийных документах, и если сравнить последние с высказываниями Трауберга, то ясно, что разница между ними только в формулировках.

Как указывалось, Трауберг разработал свою тактику террора и пытался применить ее на практике. Но эти смелые до дерзости планы не были осуществлены. И не только из-за провокаторства и предательства. Планы не осуществились потому, что кучка храбрецов не могла выдержать удары мощной государственной машины, не могла расшатать устои самодержавия.

А. Я. Шенберг на допросе 3 марта отказалась от дачи показаний, а 7 марта рассказала о своем пути в террор после ознакомления с показаниями Трауберга и в значительной степени аналогично им. Она тоже происходила из крестьянской латышской семьи, была свидетельницей бесчинств карателей в латышском крае. Она описывала ужасающую картину кровавой расправы с латышским народом в 1905 году. Писала, что после этого она «окончательно была проникнута идеей индивидуального террора». О роли индивидуального террора в борьбе с самодержавием она не говорила. Почему она избрала именно этот путь, объясняет одна ее фраза: «...всеобщее вооруженное восстание — вещь в высшей степени необходимая, но только это отложение дела в долгий ящик, в то время, когда правительство не дремлет». Кроме того, несомненно влияние на нее Трауберга, с которым она была давно и близко знакома (она была его гражданской женой). Шенберг рассказала далее о своей деятельности в боевом отряде, в который вступила в ноябре 1906 года.

Путь в революцию Е. А. Ивановой был обычным для русского интеллигента, который не может мириться со страданиями своего народа и вступает в борьбу за его освобождение. Иванова не признала себя виновной на допросе 3 марта. 7 марта она подробно рассказала, как она, девушка из интеллигентной обеспеченной семьи, увлекавшаяся искусством, литературой, решившая посвятить свою жизнь науке, бросила все и ушла в революцию. Начался этот переход со знакомства с тяжелой жизнью народа, а решающим ударом, потрясшим ее, было Кровавое воскресенье. Она обратилась к книгам и поняла, что самодержавие является врагом народа и никогда не пойдет на уступки. Дальнейшие карательные действия правительства подтвердили это. До

того считавшая право на жизнь священным, Иванова пришла к неизбежности революционного насилия: «с грубой, дикой силой борьба возможна только силой ... лучше убивать, чем покорно переносить унижения».

Осенью 1905 года Е. А. Иванова приехала в Петербург, поступила на Высшие женские курсы и одновременно стала на митингах и по литературе знакомиться с революционными партиями. Через два месяца она, не колеблясь, выбрала партию социалистов-революционеров: «...программа партии социал-революционеров вполне меня удовлетворила, тактика и весь партийный дух мне нравились, мое философское мировоззрение было всегда с-р-овское». Она вступила в эту партию, занималась сначала технической работой, затем — пропагандистской. «За это время окончательно оформился мой взгляд на единичный террор», — продолжала она. И дальше Иванова объясняла свой взгляд на индивидуальный террор: она отрицает его как наказание и месть и признает только как средство защиты. Он имеет и другие значения, например агитационное, но это следствие, а не причина совершения акта над данным лицом. «Кроме того, — пишет Иванова, — террор тогда имеет значение, когда он осуществляет „волю народа“». В качестве примеров таких актов она приводила убийство М. Спиридоновой жестокого карателя Лужновского, а затем ее палачей — Абрамова и Жданова; убийство Н. Егоровым главного военного прокурора Павлова — «дикого и кровожадного чудовища», наделенного огромной властью. (Она напомнила, что Дума тупетно требовала его удалить.) «Если бы я и сомневалась раньше в огромном значении террора, то дело Павлова окончательно разрушило бы все сомнения. Таков мой взгляд (и взгляд всей партии, прибавлю) на террор, и таков мой путь, которым я пришла к нему», — утверждала революционерка. Но она ошибалась, считая этот свой взгляд взглядом всей партии.

Проверив себя, взвесив свои возможности и способности, Иванова вступила в 1906 году в отряд Трауберга, которого глубоко уважала и ценила. В конце сентября она поселилась в Келломяках и стала принимать участие во всей деятельности отряда. Далее Иванова характеризует ряд деятелей самодержавного правительства, казенных отрядом, объясняя, за что они были убиты.

Характерно, что в показаниях всех трех боевиков и даже самого крупного из них — Трауберга, террор первоначально не рассматривался в общей системе методов революционной борьбы. Думается, что для боевиков постепенно террор превратился в самоцель.

Таковы суждения трех боевиков об их отношении к террору.

Возникает вопрос: почему эти революционеры дали аналогичные показания? Эти трое были наиболее близкими между собой людьми в отряде и, вероятно, еще на воле договорились о характере своих ответов, если дело будет раскрыто следствием.

Какова же цель таких показаний?

Они, в основном, были обращены не к следователю, а к обществу, может быть, и к истории. Боевики надеялись, что их взгляды и действия будут правильно поняты и оценены. Во-первых, они хотели доказать необходимость тактики индивидуального террора. Во-вторых,

они защищали от клеветы и показывали высокий моральный уровень и добрые человеческие качества террористов. Трауберг всегда заботился об этом: в Келломяках была оборудована фотомастерская, где снимали боевиков, идущих на акт (потом с фото делали открытки и распространяли их). По просьбе Трауберга они писали предсмертные письма, которые публиковались в революционной печати. К этому вопросу мы еще вернемся, когда будем говорить о второй части показаний Трауберга и Ивановой.

Но было еще одно положение в письмах трех боевиков, обращенное к следователю, а через него — к самодержавному правительству. Это утверждение, что террор растет и будет расти, что число террористов неисчислимо, на смену одним идут в возрастающем количестве другие. Боевики пытались еще раз утешить таким образом правительство. Оснований для этого не было. Расправившись с Летучим боевым отрядом, в 1906 году царское правительство уничтожило последнюю центральную боевую действующую организацию партии социалистов-революционеров.

Посмотрим теперь, как относились к террору другие члены отряда. Здесь мы располагаем, к сожалению, довольно скудными сведениями.

Известно, что Лебединцев отрицательно относился ко всяким теориям: «Я долго думал над этим вопросом и пришел к заключению, что в моем характере есть те черты, которые необходимы террористу: это самообладание и хладнокровие»⁴⁰. Лебединцев не рассуждает о значении террора, он лишь обдумывает свою способность к нему.

Баранов, иносказательно сообщая сестре Кате о том, что он вступил в боевую организацию, пишет: «Сейчас я настоятельно переполнен ненавистью, что могу только разрушать, уничтожать старое, предоставив другим заняться проповедью новых начал». Очевидно, агитационно-пропагандистская работа среди рабочих, которой он занимался ранее, его не удовлетворяла, и он решил сразиться со старым миром с оружием в руках.

Нам не удалось больше найти материалов, свидетельствующих об оценке боевиками отряда места террора в революционной борьбе. Можно сделать вывод, что большинство боевиков об этом глубоко не задумывались, что эмоции у них преобладали при выборе пути борьбы, что террор им казался высшей формой этой борьбы. Мы знаем, что они страстно стремились в боевой отряд. Например, Стуре говорила, что если ее не примут в боевую организацию, она покончит с собой⁴¹. Лебединцев вспоминает, как появилась первый раз Рагозникова на явочной квартире: «Она влетает как бомба, радостная, веселая; прыгала, скакала как ребенок ... Она говорила, что берется исполнить какое угодно террористическое дело, какое ей будет поручено»⁴².

Следует отметить, что в боевой отряд вступить было трудно, и предложение, как правило, превышало спрос. Приходилось долго ожидать, пока революционер-новичка признают достойным стать боевиком.

Почему же молодые революционеры так рвались в боевой отряд (а в нем, как правило, была молодежь)?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, как относились к

террору в партии социалистов-революционеров. Террор считался святыней. В партии был создан культ героев террора. Они были окружены ореолом славы⁴³, и приобщиться к этой славной когорте было высокой честью. При таком взгляде на террористов у молодежи создавалось впечатление, что самое большее, что они могут сделать для народа, для революции, — это принести на ее алтарь свою жизнь. Ведь боевики знали, что, участвуя в терактах, идут на верную смерть. (Боевики часто даже не пытались бежать с места покушения, а выкрикивали революционные лозунги, чтобы было ясно, что это убийство политическое.) Они считали, что и судебным процессом над ними, и смертью своей продолжают служить делу революции, делу народа. Они измеряли пользу, которую приносят ему, размером своей жертвы: «Прости, мой народ, — говорила перед казнью Коноплянникова, — я так мало могла тебе дать: только одну свою жизнь». Она считала, что большего она для народа сделать не могла. И так думало большинство террористов.

Постараемся теперь ответить на вопрос: какими морально-психологическими качествами обладали революционеры, шедшие на террор, на верную смерть. Для этого мы дополним уже данные нами характеристики боевиков рассказами о них в показаниях Трауберга и Ивановой и предсмертными письмами казненных. В своих показаниях Трауберг и Иванова отмечают неверные бытовые представления или клеветнические высказывания о террористах и показывают их такими, какими они были на самом деле. Мы вкратце приведем их свидетельства.

Трауберг пишет, что террорист не является «аморальным явлением, уродом», «общественным выродком», «жестоким кровопийцем». По природе он человек не жестокий. К жестокости его вынуждает правительство. Другого выхода нет, и приходится идти на террор. «Много ли людей с душами столь тонко развитыми, как Балмашева, Каляев, Измайлович, Коноплянникова и др.? Рагозникова до боли любила красоту и природу, имела музыкальные дарования. А на какую жестокость решилась она!» Сильная воля дает террористу возможность идти туда, куда зовет его убеждение, делать то, что требует необходимость. «Летом 1907 года Распутина, уходя на несостоявшийся акт <...>, при прощании сказала мне: „Поцелуй от меня детей моих, я очень люблю их, и скажи им, что мамаша о них думала, стоя уже на табуретке с петлей на шее“. Слезы показались на ее глазах». И далее Трауберг свидетельствует: «Террористам приходится готовиться к смерти и смотреть ей в глаза не один раз. Егоров выступал семь раз, Лебедева — шесть раз, а Синегуб — пятнадцать раз <...> Жить все время приходится под виселицей <...> Борьба так тяжела, что силы вести ее дает только непоколебимое убеждение»⁴⁴.

В фондах департамента полиции сохранились предсмертные письма осужденных. Их нахождение свидетельствует, что они не были посланы по назначению: полиция боялась их опубликования в революционной печати. Это мужественные, спокойные, сердечные письма, с выражением любви к близким, с желанием утешить, поддержать. Приведем фрагменты из них.

Письмо Сергея Баранова сестре:

«Дорогая Катя!

Посылаю через тебя свой последний привет всем близким. Когда вы получите и прочтете это письмо, меня уже не будет в живых.

Жаль, что после долгой разлуки мне приходится давать о себе такое тяжелое для вас известие, но это уже не моя вина.

Прощайте, мои дорогие, не плачьте, не горюйте, а, главное, не осуждайте меня. Утешьте маму и папу.

Крепко целую всех

Сергей»⁴⁵.

На последнем свидании с матерью Сергей сказал ей, что если бы он начал жизнь сначала, то пошел бы по тому же пути»⁴⁶.

Из письма Елизаветы Лебедевой:

«Дорогие мои старички, не огорчайтесь, если узнаете, что я покончила свое земное существование. Ведь рано или поздно мы все умрем! Что из того, что я молода?.. Я не боюсь смерти, дорогие!

Одно мучит меня, что на земле так много-много горя и совсем не нужных страданий и уничтожить их трудно <...> Прощайте, дорогие, прощайте, поймите меня и не вините за те муки, какие я вам доставила»⁴⁷.

Из письма Лидии Стуре:

«Дорогие мои, сейчас будет суд. Я вполне спокойна. Если будет смерть — встречу ее бодро. На всякий случай прощайте. Мне жаль тебя, мамочка, но исполни мою просьбу — будь сильной, не падай духом <...> Папа, если хочешь и можешь — посылай в Общество вспоможения слухат[елей] В[ысших] Ж[енских] К[урсов] каждый месяц в продолжение 3-х лет по 10 [рублей] <...> Передайте сердечный привет всем, кто вспомнит меня <...> Целую всех много раз. Бабушка и мама, не плачьте. Папа, милый, поддержи их, покажи, как надо принимать удары жизни»⁴⁸.

Предсмертные письма А. М. Распутиной к матери и мужу были переданы через адвоката Леонтьева. Они не сохранились. У ее родных осталось лишь письмо к детям, написанное, очевидно, перед покушением (даты нет).

Из письма Распутиной к детям (у нее было две девочки):

«Мои дорогие птички! Ваша мама обнимает и целует вас крепко-крепко. Не забывайте меня. Мне так хочется почувствовать на своей шее ваши маленькие ручки и услышать ваши голоса, зовущие меня таким приятным именем — мама, но мне никак нельзя приехать теперь к вам <...> Ребяточки вы мои родные! Будьте веселенькими, добрыми и умными. Я вас очень-очень люблю <...> Еще раз целую моих ненаглядных детишек. Мама»⁴⁹.

В литературных источниках приводится предсмертное письмо Е. Рагозиной. Вот отрывок из него:

«Верьте мне, что легко умирать мне. Только высший долг заставил меня идти туда, куда пошла я. Нет, даже не долг, а любовь, большая-большая любовь к людям. Как хорошо любить людей! Сколько сил дает такая любовь! Все невзгоды свои кажутся маленькими, ничтожными в сравнении с человеческими задачами»⁵⁰.

В. В. Лебединцев передал через защитника записку отцу:

«Смерти не боюсь, избежать ее не желаю. По-прежнему вас люблю. Скорблю, что так вышло, но иначе поступить не мог»⁵¹.

Так встречать смерть могли только люди, глубоко убежденные в правоте своего дела.

Нас интересует, кто шел в террор. Здесь была своеобразная закономерность.

Г. В. Плеханов писал, что каждое идейное течение находит своего наиболее подходящего психологического выразителя. Это глубокая мысль о связи между социальной и психологической сферами.

А. В. Луначарский как бы конкретизирует это положение, говоря, что тот, кто был склонен к теоретизированию, но не способен к решительным практическим действиям, шел в меньшевики; тот, кто не увлекался теоретическими изысканиями, но был готов к решительным практическим действиям, шел в эсеры; в большевики шел тот, кто сочетал теорию с практикой. Луначарский добавлял, что эсеры были романтиками.

Большинство из боевиков, как отмечалось, мало интересовались теорией и были смелы и решительны в своей практической деятельности. Вся обстановка, в которой они жили и боролись, была романтической: тайна, заговор, бомбы, револьверы. Но эту характеристику следует расширить.

В боевики шли те, кого не удовлетворяла будничная кропотливая работа в массах (пропаганда, агитация), шли те, кто хотел сразу, быстро увидеть осязаемый результат своей деятельности, шли нетерпеливые, повышенно эмоциональные, экзальтированные.

Думается, что боевиков можно назвать фанатиками террора. Глубокая вера в террор, как в высшую форму революционной борьбы, давала им силы преодолеть не только страх, не только любовь к жизни, но давала силы этим нежным девушкам и молодым людям преодолеть жалость, отвращение к убийству.

Характерной психологической чертой многих террористов была жертвенность: желание и готовность принести себя в жертву своему народу, пожертвовать собой ради счастья других. Вероятно, это чисто русская черта, присущая героям Достоевского, Гаршина. Это понимал Трауберг, который говорил своим товарищам: «Вы, русские, умрете счастливыми, а я умру спокойным». Умереть за свой народ было для многих боевиков высшим счастьем.

¹ Автор выражает глубокую благодарность общественному научному сотруднику музея Татьяна Васильевне Сидоровой, большая бескорыстная работа которой в московских архивах дала нам возможность ознакомиться с документами об узниках тюрьмы Трубецкого бастиона, участниках первой русской революции.

² Кляшницкая З. Памяти А. Трауберга // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2—3. С. 59—62.

³ ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 7. Ед. хр. 5260. Л. 74; ЦГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 7164. Л. 23—25 об. См. также: Спиридович А. П. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 383—384.

⁴ С этого времени он стал называться «Северный боевой отряд партии социалистов-революционеров», но часто его продолжали именовать прежним названием.

⁵ ЦГАОР. Там же. Т. 2. Обвинительный акт.

⁶ Там же.

⁷ Жертвы террористических актов.

- 8 ЦГАОР. Там же. Л. 74 об.; ЦГВИА. Там же.
- 9 Партийный псевдоним Трауберга.
- 10 РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 1386. Л. 79, 79 об.
- 11 Там же.
- 12 ЦГВИА. Там же. Л. 115, 116.
- 13 Там же. Л. 158.
- 14 Там же. Л. 193.
- 15 Вероятно, разные отчества детей М. П. Ивановой объясняются тем, что у них были разные отцы.
- 16 ЦГАОР. Там же. Т. 2. Обвинительный акт.
- 17 Там же. Т. 2. Л. 285—303 об.
- 18 Там же. Л. 305.
- 19 Там же. Л. 316.
- 20 Зильберштейн Я. В. В. Лебединцев // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39); Семёнова М. В. В. Лебединцев // Былое. 1909. № 11—12.
- 21 ЦГАОР. Там же. Л. 51—54.
- 22 Там же. Л. 1.
- 23 Цит. по: Семёнова М. Указ. соч. С. 11—12, 15.
- 24 Ивановская-Воложенко П. С. В боевой организации. М., 1929. С. 159—161.
- 25 ЦГАОР. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 704. 1908. Л. 74.
- 26 ЦГВИА. Там же. Л. 125 об.; ЦГАОР. Ф. МЮ-7. 1908. Ед. хр. 931. Л. 9—11 об.
- Письма С. Г. Баранова к сестре Кате.
- 27 ЦГАОР. Там же. Обвинительный акт.
- 28 РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 992. Л. 93.
- 29 См. примеч. 4.
- 30 Это нарушение было осуществлено секретным циркуляром П. А. Столыпина.
- 31 ЦГАОР. Там же. Л. 40, 40 об., 41, 58—62.
- 32 Там же. Л. 136.
- 33 Там же. Л. 75.
- 34 Зильберштейн Я. Указ. соч. С. 164.
- 35 ЦГАОР. Там же. Л. 167.
- 36 См.: Ленин В. И. От обороны к нападению // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 268—271; его же. К событиям дня // Там же. Т. 13. С. 363—367.
- 37 Все цит. см.: ЦГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 7164. Л. 154—158.
- 38 Все цит. см.: Там же. Л. 172—173.
- 39 Все цит. см.: Там же. Л. 164—169.
- 40 Рукопись, копия хранится в ГМИ СПб.
- 41 Жуковский-Жук И. Памяти Л. А. Стуре // Каторга и ссылка. 1925. № 6 (19). С. 253.
- 42 Цит. по: Семёнова М. Указ. соч. С. 10.
- 43 После разоблачения Азефа партия отменила переоценку значения террора.
- 44 ЦГВИА. Там же. Л. 161—162.
- 45 ЦГАОР. Там же. Л. 113.
- 46 Устное сообщение родных С. Г. Баранова.
- 47 ЦГАОР. Там же. Л. 116, 116 об.
- 48 Там же. Л. 179, 179 об.
- 49 Фотокопия. Хранится в фондах ГМИ СПб.
- 50 Цит. по: Фридберг А. Е. Рагозникова // Каторга и ссылка. 1929. № 1 (50). С. 177.
- 51 Цит. по: Зильберштейн Я. Указ. соч. С. 164.

Маргарита Владимировна Идельсон (1915—1988) принадлежала к особому типу людей, одержимых своей работой, отдающих ей себя целиком, без остатка. Она была человеком увлекающимся, страстно влюбленным в предмет своего исследования. Вместе с тем это был прекрасный, доброжелательный товарищ, никогда не отказывавший в помощи молодым коллегам.

После окончания в 1949 году Ленинградского государственного университета М. В. Идельсон несколько лет посвятила педагогической работе. Наиболее плодотворный период ее деятельности связан с Государственным музеем истории Ленинграда, где она работала с 1961 года и более 20 лет занимала должность старшего научного сотрудника отдела истории города. За эти годы Маргарита Владимировна создала целый ряд экспозиций, была автором научных справок и исследований по революционной тематике конца XIX — начала XX века. Она была одним из инициаторов музеефикации тюрьмы Трубецкого бастиона и размещения экспозиции «История Петербурга—Петрограда. 1703—1917» в Комендантском доме. Выполняя социальный заказ, Маргарита Владимировна была создателем городских выставок, например, таких, как «Ленин в Петербурге — Петрограде», «Братья С. И. и И. И. Радченко — соратники В. И. Ленина» и др.

Основной темой ее работ была история тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости начала XX века. Она создала целую галерею очерков-портретов узников тюрьмы этого периода, в которых наряду со строгой документальностью повествования отразился интерес автора к личным качествам исторических персонажей.

Предметом ее исследований стала запретная в 1960—1970-е годы тема террора, связанная с деятельностью членов партии социалистов-революционеров. Именно эсеры составляли большинство подследственных тюрьмы Трубецкого бастиона в годы первой русской революции и последовавшей за ней реакции. Благодаря работам М. В. Идельсон, проводившимся вопреки идеологическим ограничениям, был собран и обобщен громадный пласт истории революционного движения. Но результаты этого труда остались почти не востребованными. Ей удалось опубликовать очень немного*. В основном ее научные изыскания предназначались для внутримузеевого пользования: для создания экспозиций и подготовки экскурсий.

В последние годы жизни М. В. Идельсон написала ряд работ об истории военно-полевых и военно-окружных судов 1906—1908 годов и о судьбах революционеров, прошедших через них. Эти материалы нашли воплощение в экспозиции «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 годов», размещенной в бывшей тюрьме Трубецкого бастиона (экспозиция открыта в 1984 году).

Публикуемая здесь с небольшими сокращениями статья «Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров» (1981) посвящена террористам и является частью большой исторической справки. Рукопись хранится в архиве Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

* П. Н. Лепешинский. Л., 1965; Летучий агент // Белые ночи. Л., 1974. С. 102—139.

Н. К. ДУБОВА

Записки Г. А. Иванишина — новый источник по истории Петропавловской крепости

В 1983 году ленинградский писатель В. Е. Ярмогаев передал в Государственный музей истории Ленинграда архив бывшего заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости Георгия Алексеевича Иванишина (1861—1937).

Материалы архива были разделены на четыре основные группы¹.

В первую группу документов собраны свидетельства о награждении Г. А. Иванишина орденами и почетными грамотами, объединенные фондообразователем под названием «Мои документы».

Вторую группу составили материалы по истории Петропавловской крепости: копии крепостных инструкций конца XIX — начала XX века, сведения по истории Петропавловского собора, петербургских наводнений и т. п.

Третья группа материалов — газеты и журналы с пометами Г. А. Иванишина, относящиеся, в основном, к февралю—марту 1917 года.

В четвертую группу вошли записные книжки фондообразователя и его пьеса «Манифест 17 октября в "Петропавловке"». Эти материалы представляют наибольший интерес.

Литературное наследие Г. А. Иванишина охватывает период с 1889 по май 1917 года и сосредоточено в нескольких записных книжках:

Заметки для памяти². Август 1889 — февраль 1890 года.

Записная книжка № 1. 9 февраля 1900 — 22 октября 1905 года.

Записная книжка № 3. 5 июля 1907 — 18 февраля 1910 года.

Записная книжка № 4. 4 марта 1910 — 10 марта 1911 года.

Записная книжка № 5. 23 февраля 1917 — май 1917 года.

Записная книжка № 2 утеряна, и можно только предполагать, что она содержала в себе записи конца 1905 — первой половины 1907 года.

Что же известно об авторе этих записок? Литература справочного характера, архивные документы РГИА, опрос родственников фондообразователя и изучение записных книжек помогли установить основные факты его биографии.

Георгий Алексеевич Иванишин родился 19 апреля 1861 года в семье крестьянина Минской губернии. Окончив Варшавское пехотное

юнкерское училище 25 июня 1882 года, он начал службу и был произведен в офицеры в чин подпоручика 1 сентября 1884 года³, а за последующие 26 лет дослужился до чина гвардии полковника⁴. В 1896 году штабс-капитан Иванишин служил в 88 пехотном Петровском полку Новгородской губернии. С января 1897 года, а фактически — с июля 1896 года он занимал должность адъютанта коменданта Петропавловской крепости⁵ и исполнял обязанности секретаря Управления коменданта. В должности заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости состоял с июня 1906 — временно, а с 18 декабря 1906 по март 1917 года — постоянно⁶.

За годы службы в крепости был награжден орденами и медалями: св. Станислава 3 степени, св. Анны 3 степени, св. Станислава 2 степени, болгарским орденом св. Александра 5 степени, итальянским офицерским орденом Короны⁷.

В 1891 году женился, имел шестерых детей: двоих сыновей и четырех дочерей.

Деятельность Г. А. Иванишина после мая 1917 года почти неизвестна. О ней можно судить лишь по отрывку краткой автобиографии, написанной в 1929 году и хранящейся в семье Н. Я. Иванишиной — невестки фондообразователя. Из этого документа следует, что в 1917 году полковник Г. А. Иванишин вышел в отставку, с 1918 по 1920 год служил в Отраденском земельном кооперативе (здесь и далее должности неизвестны), в 1920—1921 годах — на строительстве Петроградско-Рыбинской железной дороги, затем — в Царском Селе (название учреждения по документу разобрать не удалось). В 1922 году уволен со службы по старости. Умер на станции Поповка Ленинградской области летом 1937 года в семье дочери⁸.

Свидетельства родственников и анализ записных книжек Г. А. Иванишина позволяют составить некоторое представление об этом человеке: он был неглупым, честным, добросовестным, исполнительным, даже педантичным, неукоснительно соблюдавшим свои обязанности. Вероятно, он был хорошим семьянином, человеком нравственным, несколько сентиментальным. Увлекался театром, литературой, драматургией, отчасти нумизматикой⁹.

По политическим убеждениям Иванишин был монархистом. По записным книжкам можно отчетливо проследить его отрицательное отношение к революционному движению. Так, например, восхищаясь стойкостью Л. А. Стуре, он замечает: «Жаль, что эта девушка пошла по ложной дороге ... жаль бедных старичков (родителей Стуре. — Н. Д.), которые, боясь всей душой, растили свое дитя... чтобы воспитать в конце концов революционера!» Рассуждая о преимуществах строгой изоляции одиночного заключения (!), Иванишин делает вывод, что оно «заставит сделать переоценку всех своих действий и выпустить из своих стен или убежденного революционера, или одумавшегося гражданина». В конце 1909 года он сделал запись о затишье в Трубецком бастионе и других тюрьмах: «Наконец мы, кажется, умиротворились... Пора за работу на пользу России и ее духовного и материального обогащения, а не на разорение». Список подобных высказываний можно было бы продолжить. Видимо, на протяжении нескольких десяти-

летий политические взгляды Г. А. Иванишина не претерпевали особых изменений.

Что же представляют собой записные книжки заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости?

Внешний вид записных книжек не вызывает сомнения в их подлинности: старая бумага, чернила, орфография, сохранность переплетов свидетельствуют о том, что они заполнялись в конце XIX — начале XX века. Их общий объем составляет 661 рукописную страницу. Г. А. Иванишин вел записи в тетрадях различного формата черными чернилами.

Основной принцип изложения — хронологический, хотя иногда он нарушается. По свидетельству самого автора, записи не всегда сразу заносятся в тетрадь, а делались первоначально на четвертушках бумаги и потом переписывались. Вероятно, в таких случаях они предварительно редактировались, чем можно объяснить небольшое количество исправлений и сокращений в тексте.

Весь текст разделен на отдельные части, некоторые из них озаглавлены, например: «Нравственная этика революционера», «Любознательность солдата», «Шлиссельбургская тюрьма для политических до ее упразднения» и др.

Страницы рукописи пронумерованы карандашом, вероятно, гораздо позднее. Многие из записей датированы и напоминают дневник. Если дата в начале записи не проставлена, то из текста почти всегда можно ее установить.

Отдельные фразы выделены подчеркиванием, на полях многих страниц в начале очередной записи повторяется надпись чернилами другого цвета: «Карточка сделана». Сравнительный анализ почерков и сведения родственников дают основания предполагать, что эти пометки сделаны Г. А. Иванишиным в 1920-е годы, когда он работал над своими записными книжками с целью написать воспоминания или пьесу. Вероятно, к этому же времени относятся некоторые замечания и исправления, сделанные также чернилами другого цвета или карандашом.

По записным книжкам Г. А. Иванишина отчетливо можно проследить эволюцию его интересов. Если ранние записи сводились преимущественно к беллетристическим упражнениям, историческим анекдотам, эпизодам из жизни автора, то, начиная с 1905 года, они в подавляющем большинстве посвящены служебной деятельности. С этого времени их содержание становится наиболее последовательным, приближаясь по форме к дневнику. Именно эта часть наиболее интересна.

Несмотря на то, что здесь нет ранее неизвестных имен узников тюрьмы Трубецкого бастиона или принципиально новых данных о судебных процессах, эти материалы содержат интересные описания фактов и деталей, уточняющих наше представление о крепости, о тюрьме и, главное, о пребывании в ней заключенных.

Большая часть имен известных узников тюрьмы Трубецкого бастиона не попала на страницы записных книжек Г. А. Иванишина. По какому принципу отбирался материал для записей? Что интересовало автора в первую очередь? Прежде всего он искал ответы на вопросы,

поставленные им самим в начале записной книжки № 3: «Какие ощущения испытывают арестованные, попадая в Трубецкой бастион — их психология? Что они говорят о своем содержании в крепости?» По мере ведения записных книжек Г. А. Иванишин выходит за рамки этих задач и приводит сведения об узниках, отрывки из писем, высказывания на самые различные темы.

Можно почти с уверенностью утверждать, что на страницы записных книжек попадали события, факты, которые производили на автора сильное впечатление, были созвучны его мироощущению, нравственным и жизненным принципам, душевным качествам.

В первую очередь Г. А. Иванишина интересует психология, поведение человека перед надвигающейся смертью. Не случайно в записные книжки попали имена большинства казненных узников Трубецкого бастиона этого периода — 14 из 17 человек. Когда же речь идет о других узниках, то заведующего арестантскими помещениями главным образом волнуют чисто житейские моменты.

Так, большинство выписок из писем и высказываний Е. К. Бренко-Брешковской и Н. В. Чайковского пестрят правоучительными умозаключениями о пользе диетического питания, чтения книг, правильного образа жизни и т. п. Революционер В. П. Костенко, член военной организации партии социалистов-революционеров, интересен Иванишину в первую очередь тем, что имеет двух невест. А. В. Л. Бурягину посвящено 10 страниц записей книжки № 3 только потому, что он имел сразу двух жен. Этому сюжету предпослано замечание обобщающего характера: «Не раз указывалось, что нынешние революционеры безразличны, что у них отсутствует чувство чести к женщине и что они, завлекая в свои сети девиц якобы для целей революции, на самом деле пользуются ими прежде всего для удовлетворения своего животного инстинкта...»

Очень часто Г. А. Иванишин помещает сведения не об узниках, а о должностях, чинах, званиях их родителей и родственников. Автор записок не стремится разобраться в революционной деятельности и политических взглядах заключенных. Его больше волнуют житейская сторона их поведения и взгляды на окружающий мир. Возможно, этим объясняется принцип отбора материала об узниках рассматриваемого периода.

Записные книжки № 3 и 4 состоят из различного рода материалов и выписок, которые можно разделить на следующие группы:

- 1) записи автора, включающие в себя биографические сведения об узниках, о судебных процессах, по которым они проходили, и, в частности, о заседаниях, которые состоялись в квартире смотрителя; описание поведения узников в тюрьме, перед казнью; личные впечатления от общения с узниками и их родственниками, от их свиданий; изложение кратких сведений о тюрьме Трубецкого бастиона этого периода;
- 2) записи высказываний узников;
- 3) вырезки или выписки из газет, содержащие сведения о процессах над узниками;
- 4) выписки из писем узников тюрьмы Трубецкого бастиона.

Эти отрывки из писем — наиболее значительная по объему и ин-

тересная по содержанию часть записных книжек, так как сохранилось очень немногое из эпистолярного наследия узников. В них содержатся сведения о прошлом заключенных, их размышления о жизни, о людях, о прочитанных книгах и о тюрьме Трубецкого бастиона. Здесь имеются описания камеры, сравнения режимов различных тюрем, сведения о занятиях узников. Отдельные наблюдения, ассоциации, ощущения, впечатления, переданные в письмах, порой совершенно противоположны и дополняют сведения о пребывании узника в Петропавловской крепости.

Из письма Л. А. Суховых, члена боевой дружины партии социалистов-революционеров, от 2 ноября 1909 года: «После вечного, непрекращающегося шума и гама Харьковской тюрьмы здесь, право, можно блаженствовать. Тишина полная. Занимайся целый день. Спи напролет всю ночь. Но разве это не блаженство. Конечно, относительное. Но кто имеет блаженство абсолютное...»

Из письма В. П. Костенко невесте от 2 декабря 1910 года: «...Догадно, что нельзя видеть самого себя. Единственным средством заметить зеркало остается собственная тень на стене, когда лампочка зажжена. Пробовал смотреть в кружку с чаем, но видел только один собственный нос...»

В нескольких письмах описываются звуки, доносящиеся до заключенных. Из письма члена Летучего боевого отряда партии социалистов-революционеров Н. Н. Иванова от 19 мая 1908 года: «Окно целый день открыто ... по части звуков теперь большое разнообразие: кроме птиц, постоянно слышны завывания котов, лай собак, иногда крик каких-то ребятишек. Свистки паровозиков на Неве, свистки паровозов с Финляндской железной дороги, заводские гудки и звуки конки так явственно напоминают волю. Несколько раз слышал даже военный оркестр, вероятно, где-нибудь у крепости играет...»

Особенно ценно то, что среди этих выписок находятся отрывки из писем, которые по цензурным соображениям были уничтожены в Управлении коменданта Петропавловской крепости. В записках есть указания на три таких письма. Одно из них, написанное Е. Лебедевой, членом Летучего боевого отряда партии социалистов-революционеров, перед казнью, было обращено, по всей вероятности, к друзьям. Вот его текст: «1908. Петропавловская крепость. Дорогие черти, я уверена, что меня казнят, и потому могу сказать: *«finita la comedia»*, вам же от всей души желаю «жить и веселиться, полной чашей радость пить». Последний привет всем моим знакомым. Вот я так и сложила свою буйную головушку». Другое она написала на стене камеры, и его обнаружили после отправки Лебедевой на казнь: «14/II-08 смертный приговор 7-ми членам Северного боевого отряда партии социалистов-революционеров. Ида. Лида Якутенко». На другой стене — «Котенок».

В отличие от выписок из писем, высказывания узников и их родственников подбирались Иванишиным тенденциозно. Это необходимо учитывать при изучении источника. Г. А. Иванишин отдает явное предпочтение свидетельствам, которые содержат похвалу в адрес тюремного режима во вверенном ему Трубецком бастионе. Характерно, что из 37 высказываний, помещенных в двух записных книжках, в 17

имеется лестный отзыв о заведующем арестантскими помещениями крепости. Приведем наиболее типичные из них.

В. Л. Бурягин, член Летучего боевого отряда партии социалистов-революционеров: «Трауберг сидел в четырех тюрьмах, я — в трех, другие тоже сидели в нескольких тюрьмах, но мы в первый раз встречаем начальника, который соединяет в себе принципы законной справедливости со справедливостью и доброжелательным отношением к заключенным».

Е. К. Брешко-Брешковская, член той же партии: «Я за всю жизнь сидела в 17 разных тюрьмах и в лице вашем встретила первого заведующего, который не давит заключенных, а относится по-человечески».

Такие записи в книжках можно объяснить тщеславием Г. А. Иванишина, подсознательно стремящегося оправдать свое присутствие в должности начальника одной из самых страшных тюрем России. С другой стороны, эти высказывания имеют объективный характер, являясь естественным выражением человеческой благодарности заключенных Г. А. Иванишину, который в силу своих личных качеств не только не усугублял их пребывания в Трубецком бастионе, но и, наоборот, облегчал его дружескими беседами и справедливым отношением.

К числу одобрительных записей в адрес режима и условий тюрьмы относятся и слова Е. А. Ивановой, члена Летучего боевого отряда социалистов-революционеров, после перевода ее из Литовского замка: «...но как можно сравнить здешние порядки с тамошними: там всякий из администрации делает, как хочет ..., а здесь есть порядок, которого точно придерживаются. Я хотела бы быть или на свободе или в крепости». Или Е. Лундберг: «Здесь строгий режим, но зато знаешь, что это режим, что это порядок, а там в Киеве ... один произвол. Кормят здесь превосходно, а там в Киеве простая „уголовная“ пицца <...> — самая невозможная...»

К этой информации нужно подходить осторожно, с оговоркой, так как многие из авторов высказываний находились в тюрьме Трубецкого бастиона слишком небольшой срок, чтобы дать правильную оценку ситуации. У других даже возникало желание не покидать тюрьму, что объяснялось болезненным состоянием (например, у Л. М. Блюменфельд, члена военной организации партии эсеров, заболевшей в крепости возвратным тифом) или психологическими особенностями. В книжках Г. А. Иванишина встречаются записи и прямо противоположного содержания.

Вот выписка из прошения В. Н. Минина, находившегося в Петропавловской крепости в качестве подсудимого в течение полутора лет: «Представьте себе, что просидеть тринадцать месяцев в тюремном заключении ... вполне достаточно и вполне также сделало меня из здорового больным, из живого — мертвым ... Здесь образец порядка во всем ..., но это слишком тяжелый порядок...» Этой выписке предшествует очень интересный авторский заголовок: «Весьма характерное прошение заключенного, обрисовывающего режим Трубецкого бастиона и его воздействие на психологию арестованного, в зависимости

от свойств его характера». Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что попытка заведующего арестантскими помещениями изобразить тюрьму Трубецкого бастиона как наиболее гуманную, по сравнению с другими тюрьмами, не удалась.

Описания событий, авторские наблюдения за поведением узников составляют еще одну группу материалов. Страницы записных книжек повествуют о заключенных в Трубецком бастионе членах двух боевых групп Северного боевого отряда партии социалистов-революционеров — группы В. В. Лебединцева и А. Д. Трауберга. Многие из них были осуждены на смертную казнь¹¹. Мужественное поведение членов этой партии произвело на Г. А. Иванишвина, человека далекого от сочувствия революционному движению, очень сильное впечатление, что, вероятно, объясняет несравненно большее число страниц, посвященных им.

Описывая пребывание в тюрьме членов отряда Лебединцева, Г. А. Иванишвин прослеживает поведение узников перед казнью и воспроизводит такие детали, которые мог наблюдать только он в силу занимаемой должности. Эти страницы содержат новые и интересные подробности о состоянии осужденных в момент объявления приговора в окончательной форме и в период ожидания ответа на кассацию, об удивительных сценах прощания узников с адвокатами и друг с другом после утверждения смертного приговора, о процедуре отправки на казнь, о свиданиях, разрешенных приговоренным к смерти.

Таким образом, рассматриваемый источник дает возможность наблюдать уже известные события как бы «изнутри», дополняя их новыми подробностями. К ним относятся и краткие записи о благоустройстве тюремного двора, произведенные Иванишвиным в июне 1908 года, о систематизации им книг тюремной библиотеки, об улучшении содержания политических арестованных.

Помимо информационной значимости материалов, интересно и важно отношение автора записных книжек к заключенным. Г. А. Иванишвин дает нравственно-психологические характеристики отдельным узникам и, несмотря на различие в политических убеждениях, отмечает высокие нравственные качества революционеров, их стойкое и мужественное поведение в заключении и перед смертью.

О членах группы Лебединцева он пишет так: «Замечательно, что все осужденные очень заботились о поддержании бодрости друг в друге, <...> со стороны осужденных я <...> заметил поразительную бодрость духа».

Особенно сильное впечатление на Г. А. Иванишвина произвела Л. А. Стуре: «Она замечательно правдивая, честная, прямая, <...> из всех приговоренных к казни Стуре наиболее одаренная натура, с тонкой психикой <...> одухотворенная, талантливая».

Автора поразило поведение Трауберга перед казнью: «Из осужденных на смертную казнь по крепости духа обращают на себя внимание двое: Трауберг и Елена Иванова. Первый удивительно спокоен и читает книги, как ни в чем не бывало <...> он только осведомился у меня <...>, в котором часу вечера выводят (на казнь. — Н. Д.) и стоит ли ему раздеваться и ложиться спать».

Характерными для нравственной позиции Г. А. Иванишвина являются нижеприведенные любопытные записи. Рассказывая о нарушении С. И. Григорьевым — одним из осужденных за позорную сдачу японцам кораблей и Порт-Артура — достаточно мягкого режима Ека-терининской куртины Петропавловской крепости, он отметил: «... моряк, прослуживший 33 года на военно-морской службе <...> относится крайне враждебно к тем лицам, <...> которые точно исполняют закон. Немудрено, что он сдал свой корабль неприятелю!»

В конце 1910 года сделана запись под заголовком «Комната свиданий в Трубецком бастионе», которая говорит о многом: «Это комната слез, комната бесконечного горя отцов, матерей, жен, оплакивавших своих преступных детей, мужей <...> свидания сильно расстраивают нервы лица, дающего свидания, а это накапливается постепенно, незаметно, после нескольких лет, в связи со всем прочим по заведыванию Трубецким бастионом, замечаешь, что начала трястись голова, дрожат руки, голос стал тоже дрожащим, хриплым, прерывистым, является бессонница, апатия...» Приведенные выдержки свидетельствуют о том, что Иванишвин не был равнодушным наблюдателем происходящего. Его ревностное исполнение служебного долга сочеталось с мучительной болью и душевным переживанием.

Личность автора записок нельзя рассматривать однозначно. Как всякий человек, Г. А. Иванишвин полон противоречий. С одной стороны, он офицер, честно выполняющий свои обязанности, раз и навсегда усвоивший вредность революционных теорий и действий, с другой — он не может равнодушно относиться к горю и страданиям людей. Он отдает дань уважения героизму, самоотверженности, убежденности и стойкости узников.

Итак, исследуемые записные книжки — уникальный исторический источник, автор которых был непосредственным участником и свидетелем событий, происходивших в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

Литературное наследие Г. А. Иванишвина, хотя и не лишенное субъективизма, наполнено конкретностью, точностью деталей. Оно расширило сегодняшние представления о минувшем, обогатило его новыми подробностями, дало возможность «увидеть» людей, томившихся в стенах Петропавловской крепости, «услышать» их голоса, проникнуться их болью, заботами, радостями.

Публикуемая ниже пьеса Г. А. Иванишвина «Манифест 17 октября в „Петропавловке“» была написана в 1926 году, вероятно, под впечатлением от исторической драматургии П. Е. Щеголева¹².

В основе сюжета лежат подлинные, но малоизвестные события октября 1905 года. Автор пьесы был свидетелем проездов 15 и 17 октября через крепость председателя Комитета министров графа С. Ю. Витте, следовавшего из царской резиденции в Петергофе в свой особняк на Каменноостровском проспекте. Такой маневр граф вынужден был совершить из-за забастовки железнодорожников. Г. А. Иванишвин был участником процедуры освобождения заключенных из тюрьмы

Трубецкого бастиона по политической амнистии, последовавшей после опубликования 17 октября 1905 года манифеста¹³.

За вымышленными фамилиями персонажей пьесы легко угадываются подлинные имена многих участников событий: Деллис — комендант Санкт-Петербургской крепости А. В. Эллис; Деревкин — заведующий арестантскими помещениями С. С. Веревкин; Базильев — товарищ прокурора Санкт-Петербургской палаты Васильев; Зарубный — присяжный поверенный Зарудный; Берегелъ — старший унтер-офицер И. Берген; Мордашова — вдова унтер-офицера наблюдательной команды Мордашева и т. д. Все эти имена встречаются в записных книжках Г. А. Иванишина.

С исторической точки зрения заслуживают внимания подробные ремарки, предваряющие ту или иную картину действия. Они изобилуют подробными описаниями следственной комнаты в квартире смотрителя тюрьмы Трубецкого бастиона, кабинета коменданта крепости, тюремной камеры и т. д. Но если в описании событий Иванишин придерживается скрупулезной точности, то образы освобожденных узников собирательны. В их уста и в уста их родственников, появляющихся в конце пьесы, он вложил слова арестованных, находившихся в заключении после революции 1905 года, что подтверждается материалами его же архива.

Избрав кульминационным моментом пьесы события, происходившие в крепости 22 октября 1905 года, Г. А. Иванишин тщательно описывает условия и режим содержания, поведение узников тюрьмы, их различную реакцию на известие об освобождении.

Учитывая педантичность автора, конкретность его мышления, можно рассматривать пьесу как исторический документ и как своеобразную форму мемуарной литературы. Произведение Г. А. Иванишина, наравне с его записными книжками, может служить дополнительным источником по истории Петропавловской крепости.

1 ГМИ СПб. РДФ (Архив Г. А. Иванишина). КП — 352712, 352713.

2 Книжки озаглавлены и пронумерованы фондообразователем.

3 По другим документам — с октября 1885 года. См.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Ед. хр. 2757. Л. 46. В записной книжке № 4 также имеется упоминание об этом событии.

4 РГИА. Там же. Оп. 1. Ед. хр. 946, 949, 971, 1037, 1381; оп. 2. Ед. хр. 2757, 2933, 3273. Список подполковников по старшинству. СПб., 1908. Ч. 1—3. С. 548. Весь Петербург. СПб., 1911.

5 РГИА. Там же. Оп. 2. Ед. хр. 2757, 3273.

6 Весь Петербург. СПб., 1898. С. 2313.

7 См. 1 группу материалов.

8 ГМИ СПб. РДФ. Архив Г. А. Иванишина.

9 Со слов Н. Я. Иванишиной.

10 Коллекция монет, собранных Г. А. Иванишиным, хранится в семье его наследников.

11 Подробнее об этом отряде см.: Идельсон М. В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров. Публикуется в настоящем сборнике.

12 ГМИ СПб. РДФ (Архив Г. А. Иванишина). КП — 352515.

13 Фрагменты записных книжек Г. А. Иванишина, содержащие описание событий, которые легли в основу пьесы, впервые были опубликованы А. Д. Марголисом. См.: Марголис А. Д. Новый источник по истории революции 1905 г. в Петербурге // Новое о революции 1905—1907 годов в России. Л., 1989. С. 37—43.

Г. А. ИВАНИШИН

Манифест 17 октября в «Петропавловке» Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Генерал Деллис, комендант С.-Петербургской крепости
Генерал Дашкевич, его помощник, заведующий обороной крепости
Генерал Фрейгельс, начальник Крепостного инженерного управления
Капитан Парфенов, секретарь и адъютант Комендантского управления крепости
Капитан Андриевский, комендантский адъютант
Подполковник Деревкин, заведующий Трубецким бастионом; глуховат, ходит со слуховой трубкой
Капитан Черницкий, командир крепостной артиллерии
Подполковник Диванов, «капитан от ворот»
Граф Витте, статс-секретарь
Базильев, товарищ прокурора
Левицкий, жандармский подполковник
Зарубный, присяжный поверенный, член Союза-Союзов
Казначей, член Союза-Союзов
Доктор, член Союза-Союзов
Благово
Алехина | политические
Быстров | арестованные
Соркина
Мать арестованной Благово
Мать арестованного Быстрова
Берегелъ, старший унтер-офицер в команде при Трубецком бастионе
Дежурный унтер-офицер по Трубецкому бастиону
Дежурный унтер-офицер у калитки Трубецкого бастиона
Первый уборщик | уборщики камер Трубецкого бастиона,
Второй уборщик | рядовые местной команды
Федосья, жена унтер-офицера
Мордашова, вдова унтер-офицера Наблюдательной команды
Часовой у фронта главной гауптвахты
Лакей коменданта крепости
Рабочий
Выводные унтер-офицеры, члены Союза-Союзов, толпа женщин и детей

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Петропавловская крепость. В глубине сцены Невские ворота; по бокам ворот по фонарю, которые, по случаю забастовки, слабо освещены керосиновыми лампами, вместо газа. Перед воротами — широкая торцовая мостовая. Справа, в перспективе, угол двухэтажного комендантского дома с подъездом и фонарем с керосиновой лампой. За домом до Невских ворот тянется деревянный забор, окрашенный в серый цвет; через забор свешиваются ветки деревьев комендантского сада. В конце забора, у самых Невских ворот, калитка для прохода на бастион Екатерины. Слева — березовая аллея, идущая к Невским воротам. Левее аллеи — Главная гауптвахта. У фронта ходит часовой с ружьем. У звонка — фонарь, освещенный тоже керосиновой лампой.

.. Время действия — 7 часов вечера 17 октября 1905 г. (по ст. ст.)

ЯВЛЕНИЕ 1

При поднятии занавеса Диванов сидит на скамье в аллее, против подъезда; из подъезда выходит дежурный адъютант Парфенов; часовой с ружьем ходит по фронту.

Парфенов. Как хорошо, что вы* оказались здесь, господин капитан от ворот. А я хотел послать за вами.

Диванов (*подходя к Парфенову и беря руку под козырек*). Что прикажете, господин дежурный адъютант?

Парфенов (*опуская его руку*). Комендант приказал... а впрочем, разъясню, в чем дело. Комендант перед обедом задремал в своем кожаном широком кресле, и ему приснился страшный сон, что подчиненные бездействуют, что все крепостные ворота открыты настежь и что через них валит народ с красными флагами и криками: «Свобода! Свобода!» Толпа наполняет всю крепость, осаждают комендантский дом, ломится в двери, срывает их с петель... На этом представитель власти проснулся весь в поту, звонит лакею и посылает за мной. Приходится являться, и я получаю приказ немедленно вас потребовать и приказать вам, чтобы вы обошли всю крепость и убедились, надежно ли заперты ворота и крепки ли засовы у ворот.

Диванов (*беря под козырек*). Слушаю, господин капитан!

Парфенов (*опуская его руку*). Из этого случая вы можете вполне убедиться в неусыпной деятельности высшего начальства: оно, не выходя из дома по целым месяцам, даже во сне озирает крепость вещим оком и видит все. Так вот приказ коменданта я вам передал, извольте исполнять его и о результате лично доложить коменданту.

Диванов. Слушаю, господин капитан. Приказ о закрытии ворот выполняется строго, но я увидел открытыми Невские ворота и ждал здесь вас, чтобы спросить, по чьему приказанию они открыты?

Парфенов. Невские ворота открыты мною, как дежурным по крепости, по приказанию коменданта. Они останутся открытыми на некоторое время. Для чего — это тайна. А впрочем, вам, как капитану от ворот, я могу открыть эту тайну, но чтобы это было между нами.

* Здесь и далее орфография подлинника.

Диванов. Я не болтлив, как вам известно.

Парфенов (*таинственно*). Мы ждем приезда графа Витте. Он выйдет на катере из Петергофа и пристанет к Невской пристани. Здесь, на проезде, ждет его карета. Он проедет в ней, никем не узнанный, через крепость в свой дом на Каменноостровском проспекте. Это второй его проезд через крепость из Петергофа. Первый раз был 15 октября.

Диванов. Почему граф Витте свои поездки из Петергофа окружает таким секретом?

Парфенов. Я думаю, что, помимо того, что по городу проезд опасен, здесь есть желание скрыть какую-то тайну. В Петергофе совершается что-то важное. В народе говорят, что царь заключил мир с забастовщиками. Ждут конституции...

Диванов. Да что вы?

Парфенов. Говорю со слухов. Не сегодня, завтра узнаем все. Уж очень атмосфера насыщена электричеством! Идите же, исполняйте приказ.

Диванов (*взяв под козырек*). Иду, иду. (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ 2

Парфенов (один).

Парфенов. Все думают, что сегодня, 17 октября, подписана конституция. Возможно, что Витте везет манифест о даровании свобод. Да, это великий день, день обновления России! И тогда конец всем тревогам, всем забастовкам!

Входит Андриевский.

ЯВЛЕНИЕ 3

Парфенов и Андриевский.

Андриевский (*здороваясь*). Я из города. Там зловещая тишина и безлюдье. Жутко ходить по улицам. Забастовка полная. Все магазины закрыты, боятся торговать, опасаются грабежей. В домах ворота заперты, все попрятались по домам.

Парфенов. Да, революционная волна с каждым днем все грознее и грознее надвигается.

Андриевский. А как реагирует на это наш крепостной самодержец?

Парфенов. Он до сих пор живет моментом прошлого года: по его мнению, в России никакой революции нет. Газет он никаких не читает и мне не советовал читать, чтобы себя не расстраивать. «Я сам не читаю, советую и вам то же делать», — сказал он. Мне приказал отнюдь не рассказывать ему, что пишут в газетах, а то у него от этого делается бессонница.

Андриевский. Ха-ха-ха, это великолепно!

Парфенов. Когда я сообщил ему, что графу Витте явилась депутация от Московского земского съезда с определенными требованиями, он воскликнул: «Удивляюсь, зачем он их принимает! Не принимать их — и делу конец! Нечего с ними и в разговоры входить!»

Андриевский. А сейчас он у себя?

Парфенов. А где ж ему быть? С конца лета сидит безвыходно дома... Андриевский. И брызжет на всех своего ядовитого слюною...

Парфенов. Равных себе и выше стоящих ненавидит, так как им завидует, а поставленных ниже его — подчиненных — гнет в дугу; боится, что без этого начальственный престиж померкнет. В семье своей такой же деспот.

Андриевский. Жестокая противная душонка!

Парфенов. Вчера мне сказал, что твоя манера отдавать ему честь и рапортовать не нравится: «Он рапортует и отдает честь так, как будто мне большую милость оказывает; заносчив, либерал какой-то!»

Андриевский. Это правда, что я честь ему отдаю с достоинством, не роняя своей чести, и этого он не выносит.

Парфенов. Он задал вопрос, что ты за офицер? Я ответил, что ты примерный офицер: «Всегда трезв, знаешь службу, несешь ее хорошо, энергичен, честен, благороден». Он сказал: «Не нахожу, в нем много либерализма», — и закончил.

Андриевский. Какой негодяй! Как славно он ведет под меня под- коп!

Парфенов. Этот человек соединяет в себе две натуры: человечью и волчью, и вторая берет перевес над первой. При нем я в роли укротителя зверя. Мне каждый день приходится быть на чеку, от- ставлять себя или сослуживцев, чтобы зверь не растерзал кого-ни- будь из нас и не выбросил на улицу. Вечером расстанемся с ним по-хорошему, приходишь с докладом утром — целая буря: зверь проснулся, ревет и требует жертвы. Не знаешь, чему приписать такую перемену за одну ночь: спал он плохо или печень не в порядке. Кто его знает. Должен тебя предупредить, что, судя по признакам, он собирался тебя съесть.

Андриевский. Он уже съел. Утром призвал меня и приказал, что- бы я в 24 часа убрался вон.

Парфенов. Как? За что? За какую вину?

Андриевский. Ни за какую! За то, что я со своей знакомой дамой не так поздоровался: ее руку держал долго в своей руке. Мы с ней стояли против южного подъезда собора, шутили и смеялись, а он стоял в прихожей и наблюдал в окно за нами.

Парфенов. Но ведь здесь проступка нет, это не касается службы. Так теперь я понимаю: на днях приехал сюда в отпуск его дальний родственник в чине капитана. Деревкин, родной брат заведующего Трубецким бастионом. При мне он представлялся коменданту. В полку, вероятно, он плохо аттестован и ищет выхода. Ручаюсь головой, что он кандидат на твое место!

Андриевский. Какая подлость! Теперь понятны мне все его при- дирки. Но я все ж таки хочу с ним объясниться.

Парфенов. Напрасно! Мы, офицеры, беззащитны и дисциплиной от- даны на произвол начальства. Твое объяснение будет объясне- нием ягненка с волком.

Андриевский. Но что же мне делать? Он приказал в течение 24 часов подать рапорт об увольнении от службы.

Парфенов. Я попрошу дать тебе отсрочку, а ты явись к нему и

попроси устроить перевод. Я подготовлю его к этому. Я его натуру знаю: чтобы скорей пристроить родственника, он на все пойдет: даст тебе прекрасную аттестацию и будет содействовать переводу.

Входит Черницкий.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Черницкий.

Черницкий (*здоровается, беря под козырек*). О чем ведете вы бе- седу?

Парфенов. Говорим о своем начальнике, о том, что из окна своей прихожей и он кое-какие события видит.

Черницкий. Что ж, похвально, второй Муравьев-Виленский. Пото- му и дали ему в помощники Дашкевича: этот зато все видит и наведет порядки, недаром Георгия имеет! Не кабинетный генерал: везде сам и всюду поспевает. Погибнет сам, а крепости не сдаст. Человек он прямой, без лукавства; солдат в душе и высказывает то, что думает. На днях сказал мне в разговоре: «Пора народу дать свободу; напор воды силен, плотины слабы; еще одно малейшее усилие, воды прорвут их, и бурный поток все снесет и смоем на своем пути». Он не боится слов.

Парфенов. Он видит далеко! А комендант, сидя в кабинете, кричит: «Бунтуют десятки два буянов; под арест их, в кутузку, и беспоряд- кам всем конец».

Черницкий. Младенец восьмидесяти лет!

Парфенов. Дашкевич обо всем осведомлен: он читает не только гласно издающиеся газеты, но всю подпольную литературу и знает все, что творится в революционном лагере.

Андриевский. И комендант, наверное, считает его ненадежным?

Парфенов. Еще бы! Прозвал его «Красным генералом» и удивля- ется, как могли его назначить заведующим охраной крепости.

Андриевский (*обращаясь к Парфенову*). Так не забудь же обо мне, дружище. (*Жмет руку одному и другому и уходит.*)

Парфенов (*ему вслед*). Будь спокоен, не забуду!

ЯВЛЕНИЕ 5

Парфенов и Черницкий.

Черницкий. Скажите, Алексей Петрович, чем вызвано секретное распоряжение Дашкевича, чтобы пушки были наготове и чтобы офицеры из крепости никуда не отлучались?

Парфенов. Очень понятно. Создалось положение напряженное, вы- жидательное, крайне тревожное. Государь и чины правительства не смеют проехать по улицам столицы. Витте ездит с докладом к государю и возвращается обратно тайком, крадется, точно вор. Все это показывает, что власть почти выпадает из рук правительства, что она переходит к другому центру. Говорят, что забастовкой руководит какой-то Союз-Союзов, составленный из рабочих депу- татов, избранных от всех Петербургских заводов, что там есть горячие головы, вожаки. Они воспаляют рабочих, зажигают их

ненавистью к существующей власти и ко всей буржуазии, хотят эту власть опрокинуть. А правительство до сих пор не идет ни на какие уступки, оно, по-видимому, не вполне учитывает опасность момента. Правящие круги спокойно живут в своих палатах и дворцах, надеются на все исцеляющее время, выжидают, пока все это рассосется само собою. Но такое выжидание крайне опасно. По-видимому, забастовка кончится только тогда, когда будет издан манифест, способный удовлетворить большинство требований рабочих...

Черницкий. Вы говорите ужасные вещи! Ведь если сделать одну уступку, потребуют со временем вторую, после второй — третью и так далее; ведь этак требованиям конца не будет.

Парфенов. Вопрос трудно разрешимый, но все же так его надо разрешить безотлагательно. Думать долго стало некогда! Настал момент зловещей тишины: буря надвигается, зарницы тут и там сверкают, может грянуть гром, и тогда уже будет поздно!

Черницкий. Ужасно, ужасно! Чем все это кончится, неизвестно; хоть бы скорей гроза разразилась. Нервы напряжены; я не могу спокойно сидеть дома — грызет тревожное захватывающее чувство... Я знал, что вы дежурите и зашел поговорить, отвести душу. Сейчас пойду в роту. Хотя в ней я вполне уверен, но не мешает понаблюдать за настроением.

Входит Мордашова.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Мордашова.

Мордашова (*подходя к Парфенову*). Милочка! Что слышно нового? Мой зять-то на Путиловском работает. На заводе говорят, что царя хотят спихнуть, если царь не заключит мира с рабочими. Что с нами, бедными, тогда будет!

Парфенов. Уходи, старуха, не болтай и молчи, пока тебя не засадили.

Мордашова. Спасибо, милочка! Ты не сердись, родимый, что слышала, то и говорю. По пути хлеба купить хотела; не дашь ли на хлеб?

Парфенов. Вот тебе пятиалтынный и уходи скорее.

Мордашова. Иду, милочка! Меня через ворота солдатики всегда пропускают, ведь я в крепости своя. Мой старичок прослужил в Трубецком бастионе на сверхсрочной 25 лет, да я после него служу в крепости 5 лет, на солдатиков белье стираю, так меня все знают, меня всегда пропускают. (*Уходит и вновь возвращается*.) А то еще, милочка, рассказывают, что царь недаром сидит в Петергофе со своей царицей-немкой, что Витте к нему часто ездит, немецкий король прислал в Петергоф свой миноносец и что, если наши бросятся царя хватать, он с семьей сядет на миноносец и укатит к немцам!

Парфенов. Уйдешь ли ты, болтуня!

Мордашова. Ушла, ушла, милочка! (*Уходит, потом поворачивается.*) Ухожу!

ЯВЛЕНИЕ 7

Парфенов и Черницкий.

Парфенов. Вы слышали, что говорят рабочие? Как вам правятся их настроения? Не правда ли, мирное? Вот вам ответ на ваш вопрос о пушках... Простите, я слышу свисток катера и должен извиниться перед вами: я поджидаю одно высокопоставленное лицо; оно должно проехать через крепость инкогнито; прошу скорее удалиться за угол дома.

Парфенов быстро направляется к Невским воротам навстречу графу Витте; Черницкий скрывается за угол дома; Витте выходит из Невских ворот.

ЯВЛЕНИЕ 8

Парфенов и граф Витте.

Парфенов (*берет под козырек, Витте подает ему руку*). Граф! Катерта вас ожидает на главном проезде, против гауптвахты.

Витте. Благодарю вас. Если вы меня ждали, то извиняюсь, что задержал; но уверяю вас, что здесь вины моей нет.

Парфенов. Не беспокойтесь, граф.

Витте. Прошу передать привет коменданту.

Оба скрываются налево.

ЯВЛЕНИЕ 9

Парфенов и Черницкий (*первый выходит слева, второй справа*).

Парфенов. Высокопоставленное лицо, о котором я вам говорил, — это граф Витте. Иду передать привет от него коменданту. Сообщу вам важную новость, слух оправдывается: граф Витте привез из Петергофа туго набитый портфель. Настроение у него торжественное, как у победителя. Думаю, что сегодня большой исторический день. (*Уходит быстро в подъезд*.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Черницкий (*один*).

Черницкий. Большой исторический день! О, если б это была правда!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет коменданта крепости, уютно обставленный мягкой кожаной мебелью. В задней стене два окна. К одному из них концом придвинут письменный стол. В углу камин. У стен негосгораемый шкаф и конторка. В правой и левой стене по одной двери. Время действия: 20-е октября ст. ст. 1905 года; 10 часов утра.

ЯВЛЕНИЕ 1

Парфенов и Деревкин (являются в 10 часов утра с обычным ежедневным докладом).

Деревкин (*кричит*). Я нездоров; простудился и нервы расстроены. Вероятно, вам придется временно меня заменить, так как другому лицу комендант Трубецкой бастион не доверит.
Парфенов (*кричит*). Как прикажут; я от службы не отказываюсь.

Справа входит комендант.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и комендант.

Деллис (*подавая руку Деревкину и Парфенову, кричит*). Я с вечера страдал бессонницей, а когда уснул, мне три раза подряд все Витте снился. Проснусь, усну — опять он снится!
Парфенов. Ваше высокопревосходительство, немудрено: ведь он теперь является героем дня; о нем пишут, о нем все говорят; одни его ругают, другие хвалят.
Деллис (*недовольным тоном*). Ну, печальный он герой. (*Кричит, обращаясь к Деревкину*.) Что у вас в Трубецком?
Деревкин (*кричит*). Ваше высокопревосходительство! Позвольте доложить: вчерашнего числа, как вам известно, брали на допрос в губернское жандармское управление арестованного Браудо, который был возвращен в семь часов вечера. Когда его проводили в Трубецком бастионе по коридорам в его камеру, он крикнул с неистовой радостью: «Товарищи! Конституция! Свобода!» Жандарм ему сейчас же зажал рот, но тем не менее некоторые арестованные слышали этот крик и заволновались.
Деллис (*вскакивая с кресла, кричит в страшном гневе*). Кто, кто смел сообщить ему манифест? Где сообщен ему манифест?
Деревкин (*кричит*). Манифест о конституции сообщен ему в жандармском управлении.
Деллис (*кричит*). Но как он смел кричать о конституции! Это нарушение тишины в Трубецком бастионе, это нарушение правил известной ему инструкции. За такой проступок посадить его на двое суток в темный карцер. (*Обращаясь к секретарю, тихо*.) А вы, капитан, потрудитесь написать отношение Директору Департамента полиции о проступке арестованного и о наложении на него взыскания, а также о возмутительных беспорядках в жандармском управлении, где арестованным сообщают распоряжения правительства.
Парфенов. Слушаю.
Деллис (*обращаясь к Деревкину, кричит*). Строжайше подтвердить приходящим на свидание родным и родственникам арестованных, чтобы они ни под каким видом не смели сообщать им о манифесте и конституции, если кто-нибудь из них сообщит об этом арестованным, тот будет лишен на все время свиданий.
Деревкин (*кричит*). Слушаю.
Парфенов. Ваше превосходительство! Позвольте доложить, что

имеется статья закона, которая гласит, что никто не может отговариваться незнанием закона. Изданный манифест есть основной закон, который должны все знать, а потому он должен быть объявлен и арестованным во всех местах заключения, в том числе и в Трубецком бастионе.

Деллис (*гневно*). Скажите, капитан, вы под арестом давно сидели?
Парфенов. Ни разу не сидел.
Деллис. Так будете сидеть! Как вы смаете вмешиваться в отдаваемые мною распоряжения?
Парфенов. Виноват: я секретарь и обязан был доложить закон, чтобы не произошло ошибки.
Деллис. Я вас о законе не спрашиваю. (*Обращаясь к Деревкину, кричит*.) Подтверждаю мои распоряжения и требую, чтобы ни один звук, ни одно слово о манифесте не долетели до слуха арестованных, чтобы им не было известно ничего, что творится вне стен Трубецкого бастиона.
Деревкин (*кричит*). Слушаю. Позвольте еще доложить, что я болен, совершенно расклеился и едва могу на ногах стоять. Прошу на время назначить мне заместителя.
Деллис (*кричит*). Этого еще не доставало! Ах, как это несвоевременно! Что делать: болезнь и смерть не выбирают удобного времени. (*Обращаясь к Парфенову*.) Капитан Парфенов! Я назначаю вас временно заведовать Трубецким бастионом, с исполнением обязанностей секретаря и адъютанта, и требую принять к точному исполнению приказание, отданные мною сейчас заведующему Трубецким бастионом. (*Обращаясь к Деревкину, кричит*.) Вы можете идти. Отдохните и почитесь. (*Подает руку; Деревкин кланяется и уходит. Обращаясь к Парфенову, тихо*.) Ужасно устало горло кричать ему. Хоть он и с слуховой трубкой, а все-таки глухарь. Есть у вас бумаги на подпись?
Парфенов. Так точно; бумаг сегодня немного. (*Кладет папку с бумагами на стол*.)
Деллис. Вот я уж и устал. (*Читает бумаги*.) Почему вы ставите так мало запятых? За вас я должен всегда запятые расставлять. Это дело не мое, а секретаря. Я вам не раз уже приказывал, чтобы перед «о» вы всегда ставили запятую, например, как в этом случае: «прошу о назначении комиссии...» здесь перед «о» обязательно нужно ставить запятую, далее, — у вас длинный период и всегда в середине одна запятая; это трудно читать, нужно запятыми разбить его на три части, через три слова, вот так! (*Ставит запятые и читает дальше молча. Подписывая бумагу, засыпает*.)
Парфенов (*про себя*). Уснул, не дописавши фамилии. Но что же мне делать? Стоять и ждать, пока проснется? Как это глупо!
Деллис (*проснувшись*). Что, что? Простите, я, кажется, задремал?
Парфенов. Да, слегка.

Входит лакей.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и лакей.

Лакей. Капитан Андриевский!
Деллис. Прости.

Лакей уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Деллис и Парфенов.

Деллис. Что еще ему нужно? Ведь я приказал ему, чтоб он убирался отсюда прочь.
Парфенов. Капитан Андриевский желает объясниться с вами.

Входит Андриевский.

Те же и Андриевский.

Андриевский. Ваше высокопревосходительство! Я явился, чтобы объяснить с вами и выяснить свое дело. Я не понимаю причины, за что вы меня увольняете.

Деллис (с гневом вскакивая из-за стола, обращаясь к секретарю). Это мне нравится! Он не понимает причины, за что я его увольняю. Извольте радоваться, а! Ну так я вам объясню причину. (Обращается к Парфенову.) Три дня тому назад я подхожу к окну прихожей, и что ж я вижу? Капитан Андриевский, возвращаясь из города домой, против собора встречает даму; она подает ему руку, он дал свою, а затем дама хочет освободить руку, но он не отпускает и тянет ее за руку по направлению к своей квартире...

Андриевский. Ваше высокопревосходительство, позвольте доложить, что это вполне нравственная, глубоко уважаемая мною дама, жена моего артиллерийского товарища. Так как Троицкий мост, по случаю забастовки, совершенно пустынен и не безопасен, то она, боясь идти одна, просила, чтобы я ее проводил. Я предложил ей вернуться домой и там подождать меня, пока я позавтракаю; она согласилась, вернулась, и я проводил ее до ее квартиры. Вот и вся моя вина.

Деллис. Все это явный вздор! Вы меня им не убедите, это безнравственно! Такой адъютант немислим в крепости! Этак дойдет до того, что моя дочь будет бояться выйти из дому.

Андриевский. Ваше высокопревосходительство! Я совершенно сконфужен таким предположением и таким обо мне мнением. Вы всегда меня находили примерным офицером. За свою службу я ежегодно получал от вас благодарность в приказе по крепости.

Деллис. Я не отрицаю, что вы отличный офицер, но вы не годитесь в должности комендантского адъютанта.

Андриевский. Я совершенно невиновен! Никакого безнравственного поступка не совершал.

Деллис. Довольно объяснений, капитан, они ни к чему не приведут. Вы человек еще молодой, и этот случай послужит вам уроком. О вас мне секретарь докладывал; он просил вас не увольнять в от-

ставку, но дать перевод. Ну что ж? Я не хочу вас губить. Я строг, но справедлив и вам предоставляю на выбор: выйти в отставку или принять перевод. Другого выхода нет. Я твердо на этом остановлюсь.

Андриевский. В таком случае я прошу о переводе.

Деллис (с радостью). Вот и отлично, я очень за вас рад! (К секретарю.) Капитан, составьте аттестацию, что он примерный офицер: в обращении корректен, службу знает, исполнитель, честен, требователен, строг к подчиненным. Помимо этого, напишите письмо к моему однокашнику, начальнику окружного интендантского управления, что я прошу принять его офицером на усиление. (К Андриевскому.) Вы письмо и аттестацию передадите лично генералу и будете приняты на службу. Он был у меня, и я говорил ему уже о вас.

Андриевский. Покорно благодарю.

Деллис. Можете идти. (Андриевский кланяется и уходит.) Ну, с этим делом, слава Богу, мы покончили.

Входят без доклада два генерала: Дашкевич и Фрейгельс.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Дашкевич и Фрейгельс.

Деллис. А, ваши превосходительства, здравствуйте. (Подает руку.) Вы вошли так незаметно, о вас никто не доложил... Прошу садиться.

Дашкевич. Мы люди незаметные. Я сказал Федору, что о нас докладывать не нужно, это барская затея, лишняя потеря времени. Я знаю, что вы не бисером вышиваете, а находитесь в кабинете с секретарем, и мы вошли.

Деллис (морщась). Прошу садиться.

Фрейгельс. Ваше высокопревосходительство, прошу утвердить смету расходов по оборудованию крепостной гарнизонной бани. (Кладет на стол тетрадь большого формата.) По смете я докладываю, что в течение лета проведен в баню водопровод, для чего городская магистраль соединена трубою с банею, поставлены в бане краны для горячей и холодной воды, устроены полки для парения, в раздевальне сделаны скамьи и над ними ящики для одежды каждого солдата, в умывальне и парильне построены скамьи и приобретены шайки с таким расчетом, чтобы их хватило на роту солдат, и другие работы. Расход этот обошелся в сорок тысяч рублей.

Деллис (удивленно). Как, опять сорок тысяч! В прошлом году расход по бане был сорок тысяч и теперь сорок тысяч!

Фрейгельс. В прошлом году был надстроен второй этаж и была покрыта баня железной крышей, и это обошлось в сорок пять тысяч рублей.

Деллис. Ну, а в этом году почему сорок тысяч?

Фрейгельс. Я уже вам докладывал, что в этом году проведен водопровод и сделано полное оборудование бани...

Деллис. Так куда ж эти деньги ушли?

Фрейгельс (*вскакивая*). Как куда деньги ушли! Что вы хотите этим сказать?

Деллис (*вскакивая*). Я только то и хочу сказать, что сказал.

Фрейгельс. Я вас не понимаю, объясните вашу мысль точнее.

Деллис. Я сказал то, что хотел сказать.

Фрейгельс (*горячо*). Я нахожу, что вами мне нанесено оскорбление, а потому мне здесь больше делать нечего. (*Берет со стола тетрадь и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же без Фрейгельса.

Деллис. Не нравится, видно, правда глаза колет. В прошлом году израсходовано сорок тысяч и в этом году сорок тысяч. Как будто многовато... (*Обращаясь к Дашкевичу.*) Ваше превосходительство, я к вашим услугам!

Дашкевич. Я зашел по делу, зря ходить не люблю. Нужно кое-что доложить по обороне крепости, чтобы вы были в курсе дела...

Деллис (*перебивая его*). Полагаю, все в порядке! Ну как вы нашли манифест? Что скажете о конституции?

Дашкевич. В манифесте я вижу обновление России. Я радуюсь дарованным свободам: от них повеяло теплом, они окрыляют дух надеждою на лучшее будущее. Теперь всем можно свободно говорить, читать, писать.

Деллис (*горячо*). А я нахожу, что этим манифестом государь погубил Россию и своих верных слуг: он бросил их в руки революции. Никаких свобод давать не нужно было. Здесь Витте вертит всем. Государь дал ему права диктатора.

Дашкевич. Положение настолько серьезное, что оно требует, чтобы во главе правительства был поставлен человек с диктаторской властью.

Деллис. Но только не Витте. Для меня несомненно, что он правым глазом смотрит на царя, а левым подмигивает революционерам. Печальнее всего то, что он пользуется полнейшим доверием государя, что царь не подозревает, кто такой Витте...

Дашкевич. Ваше высокопревосходительство, не так страшен черт, как его малюют!

Деллис. Я нахожу, что никакого так называемого серьезного положения нет, что оно раздуто газетами, а беспорядки делают десятка два буянов — переловить их, и делу конец!

Дашкевич. Но нет, я с этим не согласен: положение весьма серьезное! Я даже нахожу, что конституцию дать запоздали и она уже не удовлетворила левых, правые же недовольны тем, что конституцию дали. Отсюда разыгралась борьба, идет штурм конституции; штурмуют ее и слева, и справа, те и другие хотят ее опрокинуть, и жарят ее, бедную, в два кнута! Задача правительства — защитить молодую конституцию от ударов, наносимых ей и правыми и левыми, но я этой защиты не вижу. Правительственная власть бездействует, затихла и как будто выжидает, чем все это кончится. Из правителей раздается только голос Витте, и то неуверенно. Вследствие этого уличные беспорядки не только не прекращаются,

но увеличиваются; на улицах происходят столкновения красных и белых флагов...

Деллис. Поверьте мне, что все это раздувается газетными крикунами, но я не их поклонник. Ваше превосходительство, я перехожу от разговора к делу. Мне доложил заведующий Трубецким бастионом, что восемнадцатого октября вы были в Трубецком бастионе, входили в камеру каждого арестованного и пробовали на кухне пищу.

Дашкевич. Ах, этот, узколобый, вам уже донес! Да, я был в Трубецком бастионе и пробовал пищу. Что ж из этого следует? Я считаю, что посещение Трубецкого бастиона входит в круг моих обязанностей, как помощника коменданта.

Деллис. Ваше превосходительство, я должен вам категорически и окончательно заявить, что Трубецкой бастион находится исключительно в моем ведении; туда могут входить только главнокомандующий войсками округа, лично я и заведующий Трубецким бастионом — больше никто. Поэтому осмотр вами Трубецкого бастиона мог быть сделан только с моего разрешения.

Дашкевич. Не нравится контроль, так я ходить не буду. Я осмотрел Трубецкой бастион для пользы службы, тем более, что вы из дома уже два месяца не выходите; и мое мнение...

Деллис (*гневно перебивая его*). Ваше превосходительство, я вашего мнения не спрашиваю, а мое заявление прошу принять как приказание!

Дашкевич. Слушаю! Но при этом позвольте доложить, что волею главнокомандующего я назначен заведующим охраной крепости и поэтому думаю, что мое мнение не пустой звук, который не заслуживает вашего внимания. На должность я не просился, меня назначили. Если же я не ко двору пришелся, не нравлюсь вам, то подайте рапорт о моем отчислении, и я с удовольствием уйду обратно в войска, в свою родную стихию. А пока я не смнен, нахожу, что теперь не время играть в бирюльки, когда опасность на носу, когда мы, быть может, накануне переворота, при котором полетит вверх тормашками не только Трубецкой бастион, но и мы с вами.

Деллис. Ваше превосходительство, какой тон, какие выражения!

Дашкевич. Я солдат, не дипломат, тонкостей не признаю и говорю то, что думаю. Сейчас явился я к вам не для выслушивания незаслуженных замечаний, а пришел доложить о крайне тревожном положении в городе и что в связи с этим мною сделаны следующие распоряжения: первое — все пушки на валах крепости приведены в боевую готовность; второе — в каждой части войск мною назначена дежурная полурота, которая по звонку часовых с валов крепости моментально выступает из помещения и занимает указанный заранее участок позиции на валу крепости; третье — приказал в город никого из нижних чинов не увольнять, чтобы зря не болтались, и четвертое — отдал приказ всем офицерам быть безотлучно в крепости.

Деллис (*сухо*). Распоряжения эти я вполне одобряю. Имеете еще что-либо доложить?

Дашкевич. Больше ничего. Честь имею кланяться. (*Раскланивается.*)

Деллис (подавая руку). До свидания. (Дашкевич уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Деллис и Парфенов.

Деллис (ходит). Выдумал серьезное положение и носится с ним. Какой грубый, невоспитанный генерал! Сейчас видно армиута, выпешшего из мещан. С ним невозможно ни о чем говорить. Он, видите ли, в восторге от манифеста и свобод. Вообще он подозрителен, красный. Не понимаю, как могли назначить его заведующим охраной крепости. И такого-то гуся пусти в Трубецкой бастион! Да ни за что на свете! Пока я в силах, туда его не допущу. Воображаю, какие разговоры повел бы он с арестованными! (К Парфенову.) Бумаги я все подписал!

Парфенов. Вот эта осталась. (Кладет папку на стол.)

Деллис (садится за стол и подписывает). Да, чуть не забыл: составьте представление о прикомандировании капитана Деревкина к комендантскому управлению крепости для перевода на должность комендантского адъютанта после ухода капитана Андриевского. Этот Деревкин — родной брат заведующего Трубецким бастионом. (Встает и прохаживается по кабинету.) Ну, кажется, на сегодня достаточно: всех пробрал, всем попало на орехи. Пускай меня считают собакой, зато я царскую казну берегу. Я горжусь этим названием! Собакой и раньше звали, собакой и останусь! До свидания! Ах, вот еще: этот, как его, инженерный генерал. Ха-ха-ха, счел себя оскорбленным. Еще, пожалуй, полезет на меня жаловаться, кляузничать, раздует пустяк в историю. Не одевать же мне ради него мундир, не идти же мне к нему извиняться! Я прошу вас сделать это за меня. Завтра утром вы оденете парадную форму, сходите к нему и извинитесь за меня. Скажите, дескать, что я сожалею, что это случилось в вашем присутствии. А теперь до свидания. (Подает руку.) Да, вот еще, чтоб не забыть: вы ужасно любите докладывать мне политические новости, ну, там, раз-ные дерзкие выходки революционеров. Все эти штуки я в грош не ставлю. Новости вы черпаете из газет и слухов. Подтверждаю вам еще раз: ничего мне из прочитанного в газетах не докладывать, да и вам советую газет не читать. До свидания. (Секретарь кланяется и уходит.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Просторная одиночная камера в Трубецком бастионе (точный размер 9 x 5 арш. = 45 кв. арш., что равняется 5 кв. саж.). Потолок сводчатый, высокий (5 арш.), пол асфальтовый, ровный, чистый, покрытый желтым лаком. В стене, противоположной зрителям, находится толстая дубовая дверь; посредине двери квадратная дубовая форточка для подачи пищи и книг для чтения; над форточкой «глазок» — узкая щель, заделанная стеклом для наблюдения за арестованными. К той же стене, ближе к двери, приделаны: фаянсовый умывальник с никелированным краном и правее умывальника, на полу, туалетная английская раковина, с туалетик. Около двери, в стене, пуговка духового звонка, идущего к нумератору.

Манифест 17 октября в «Петропавловске»

У правой (от зрителей) стены находится вделанная в пол железная кровать, изголовьем к стене. У кровати вделанный в стену железный стол. Над столом в стене круглое углубление, в котором помещены две электрические лампочки: «вечерняя» для чтения и «ночная», углубление с лампочками закрыто наглухо толстым полусферическим корабельным стеклом. Стены белые, чистые. На кровати два волосных матраца и две перовые подушки, шерстяное одеяло, две чистые простыни и шерстяной халат.

Время действия — 21 октября 1905 года (по ст. ст.).

ЯВЛЕНИЕ 1

Утро. В камере молодая, красивая девушка Благово Таисия. У нее роскошные волосы, они распущены и перехвачены ленточкой ниже затылка. На столе: два чайника, один для заварки чая и другой для кипятка, фаянсовая кружка с чаем, хлеб, булка, книги, тетрадь, чернила и перо.

Благово (ходит). С тех пор, как товарищ по заключению крикнул в коридоре: «Товарищи! Конституция! Свобода!» — я потеряла возможность заниматься, не могу ни читать, ни писать. Даже ночью, проснувшись, я ловлю себя на том, что губы шепчут: «Конституция». Мне хочется лично в этом убедиться, хочется скорее видеть своими глазами, как ликует народ на площадях, на улицах, хочется вместе с ним радоваться! От восторга я, кажется, сейчас сама закричу «Конституция!» Я закричу! (Зажимает рот руками.) Но нет, удержусь! Сбегутся жандармы, зажмут рот, подумают, что я с ума сошла. (Садится и пьет чай.) Сиджу я здесь два месяца, но если среди такой тишины просидеть год, то можно с ума сойти. При занятии тишина и одиночество не так еще заметны, но стоит только оторваться от книги или тетради, и они начинают тебя грызть. Против них у меня есть противоядие: они боится бодрого настроения. И я борюсь, шучу, разговариваю потихоньку вслух и улетаю фантазией туда, куда хочу, — я раздвигаю эти стены до бесконечности... По прихоти фантазии я бываю то на лекциях профессоров, то в товарищеских кружках, то вдруг возьму и махну в Египет, который я очень люблю, там я осматриваю пирамиды, развалины величественных храмов или любуюсь струями могучего Нила. Люблю я и глубь Африки, ее сыпучие пески и знойное солнце, куда тоже не отказываюсь заглядывать. Один раз, возвратясь с берегов Нила в свою камеру, я прозвала Трубецкой бастион обителью, в которой мы — затворники, жандармы — послушники, уборщики камер — служки, а заведующий Трубецким бастионом — настоящий святой обители. Отличительные черты нашей обители состоят в том, что в ней совершенно не требуется знание какого бы то ни было языка: будь ты русский, немец, француз или турок — тебе все понятно без слов, здесь все делается молча, автоматически. Послушники молча подают в дверную форточку чай, обед и ужин; молча суют в нее же каталог для выбора книг для чтения; молчаливо отвечают на все задаваемые вопросы. Впрочем, нет правил без исключения, они изрекают только две фразы: «Прошу не разговаривать» и «Пожалуйста на прогулку». Но фразы эти можно объяснить и без языка — жестами. Язык здесь дан только настоящему, но и тот отвечает невпопад, потому что глух и не слышит задаваемого ему вопроса. В жизнь свою я не

встречала фигуры комичнее этой! Она также дает тему для развлечений. Я убеждена, что сюда нарочно назначают глухого настоятеля, чтобы он не мог соблазниться идеями затворников и не превратился сам в затворника. Со стороны правительства это очень предусмотрительно. (*Бьет двенадцатичасовая пушка.*) Пробыла пушка, значит, двенадцать часов, и сейчас подадут обед.

Открывается в дверях форточка, и две руки молча подают миску с супом и тарелку с жарким. Благово принимает, ставит их на стол и, в свою очередь, молча подает в форточку чайник для кипятку. Две руки принимают его, и форточка закрывается. Благово садится на кровать и начинает обедать.

Надо признать, что здесь во всем заведен строгий порядок и точность во времени: в девять часов утра подается чай и хлеб, в двенадцать часов дня обед и чай и в шесть часов вечера ужин и чай. Кормят не хуже, чем в институте, где я пробыла семь лет, и тратить деньги приходится на яблоки, сладости и прикупку сахара. Условия содержания здесь лучше, чем в Доме предварительного заключения, откуда меня перевели. Там не тюрьма, а политический клуб: шум, гам, заниматься положительно невозможно. Здесь же тихо, занимайся сколько хочешь, огня достаточно для чтения, и помещение настолько просторное, что стены не торчат перед глазами и потолок не валится на голову. Вот только прогулки коротки, всего пятнадцать минут в день. Объясняется это тем, что они даются поодиночке и только при дневном свете. Чтобы не тратить даром времени, я по самоучителям, имеющимся здесь, изучаю английский и итальянский языки. Разрешается иметь тетрадь. Кроме того, читаю — библиотека здесь вполне порядочная.

Открывается форточка, и две руки молча подают чайник с кипятком. Благово принимает, форточка закрывается. Благово заваривает чай, засыпая его в другой фаянсовый чайник.

О крепости мне рассказывали столько страхов, что когда я ехала сюда, то думала, что здесь и плакать не дают. Однако слухи оказались небылицами. Тут есть порядок, знаешь, что от тебя требуются: даны права арестованным и указаны их обязанности. Конечно, одиночное заключение при абсолютной тишине крайне тяжело, но оно имеет и свои достоинства: здесь нет лишних людей, на свободе же болтается масса. Они напрашиваются на знакомство, лезут с разговорами, которые никого, даже их, не интересуют. И ты должна их выслушивать, должна притворяться, что разговором их интересуешься, должна тратить время, которое с пользой могла бы употребить на чтение книг, на занятие. А сюда уже никто не придет, сиди и занимайся.

Впрочем, я не совсем одинока. У меня ежедневно бывает, тайком от послушников, посетитель. Он не назойлив, скромен, не болтлив, осторожен и умеет хранить тайны; посетитель этот — крепостной воробей. Он влетает ко мне в форточку и садится на подоконник. Посмотрит направо, налево, поскачет по подоконнику в одну сторону, потом в другую, убедится, что опасность ему ниоткуда не угрожает и начинает клевать набросанные мною крошки. Я сижу не шевелясь и не перелистывая книгу, смотрю на него и боюсь даже мигать глазами, а он клонит и то и дело поворачивает ко мне

голову. Мне хочется возможно дольше задержать моего дорогого гостя; но он торопится, он как будто боится утомить меня своим посещением, наклоняется наскоро крошечек и улетает до другого дня. Я заметила, что ко мне прилетает всегда один и тот же воробей. Сегодня он у меня не был. В те дни, когда он не бывает, мне становится скучнее. У меня в камере, кроме меня, живут еще две мухи; они всегда вместе со мною обедают и ужинают.

Дверь открывается, и раздается возглас дежурного унтер-офицера: «Пожалуйста на прогулку». Благово быстро одевает пальто и платок на голову и выходит. В камеру входят два уборщика-солдата с ведрами и щетками и дежурный унтер-офицер для наблюдения за уборкой и для осмотра книг и вещей.

ЯВЛЕНИЕ 2

Дежурный офицер и два уборщика, из них один моет щеткой пол, а другой сушит опилками и вымывает их щеткою.

Первый уборщик. Объявили манифест и разные свободы, а в роте еще строже стало: свобод не дают никаких и увольнение в город воспретили. А тут еще ротный командир строгости стал наводить: стал сундуки лично осматривать, в порядке ли, мол, вещи уложены...

Дежурный унтер-офицер. Ты это зря болтаешь, под арест захотел; смотри у меня...

Первый уборщик. Да я что ж, взводный, я так говорю, к примеру...

Дежурный унтер-офицер. То-то к примеру! Говори, да не проговаривайся, а делай свое дело! Вот тут потри. (*Осматривает книги и под матрасом.*)

Второй уборщик. У меня в городе на днях тетка именинница, а вот в город не попасть.

Первый уборщик. А ты письмо напиши.

Второй уборщик. Вот чудак! Да разве письмом достанешь чего? Письмом угощения не получишь.

Первый уборщик. А тетка, поди, лет девятнадцати-двадцати?

Второй уборщик. Чего зря языком трепать! Тетка — родная сестра моей матери.

Дежурный унтер-офицер. Ну, ну, бросьте болтать, живей убирайте!

Первый уборщик. Сейчас закончим. А ты в отпуск к тетке без спроса уйди. Чего на них смотреть?

Второй уборщик. Уйди, пожалуй, так влетит на десять суток под арест, да и в ворота без увольнительной записки не пропустят. Попробуй-ка, брат, сам, нечего другого учить!

Первый уборщик. Что ж, и уйду, когда понадобится; смотреть не буду.

Второй уборщик. А вот, братишка, расскажу я тебе, что намерен со мной случилось, когда я шел из отпуска, от тетки...

Первый уборщик. Этой девятнадцатилетней-то...

Второй уборщик. Ну и трепач же ты, как я погляжу!

Первый уборщик. Так что случилось-то?

Второй уборщик. А случилось-то вот что: иду я, значит, вечером в крепость, от тетки, с Васильевского острова. Проходить надо через Биржевой мост. Только, знаешь, дошел до середины моста, а навстречу мне из темноты незнакомый человек; подошел вплотную и остановился; по одежде как будто рабочий, а по обличью не то господин, не то студент. А на мосту, значит, пусто и темно, ни души!

Первый уборщик. Тебе и жутко стало?

Второй уборщик. Известно, жутко. А выплыл-то он из темноты неожиданно; заговорил ласково и спросил, где я служу и чего я так тороплюсь. Я и скажи ему, что служу в крепости, а тороплюсь, чтобы не опоздать явиться из отпуска. Норовлю, значит, отделаться от него, уйти...

Первый уборщик. А он что?

Второй уборщик. А он взял и сунул мне в руку листок, да и сказал: «Милый человек, ты меня не бойся, я тебе не враг, а товарищ. Возьми этот листок и, когда придешь в роту, прочти своим товарищам, а те пусть прочтут своим».

Первый уборщик. И ты его взял?

Второй уборщик. Взял, чтоб только от него отвязаться. И что же ты, братец, думаешь, какой это был листок?

Первый уборщик. Думаю, какая-нибудь прокламация.

Второй уборщик. Да еще какая! Самая бунтовская! *(Тихо.)* Написано было, чтобы не платить царю ни гроша податей и не давать ни одного солдата...

Первый уборщик. Ну? Что врешь-то?

Второй уборщик. Ей-богу, не вру! Так вот, братец ты мой, как прочел я этот листок у фонаря Народного дома в Александровском парке, так ахнул, даже дрожь пробежала! Прибавил я шагу да прямо к взводному: «На, мол, представь ротному; в парке нашел».

Первый уборщик. Соврал, значит?

Второй уборщик. Как есть соврал, чтоб не сказал, почему не задержал такого человека.

Первый уборщик. Ты бы листок у себя оставил.

Второй уборщик. Оставь, так сюда угодишь, и пришлось бы тебе, братику, и мою камеру мыть.

Дежурный унтер-офицер. Ну, разболтались! Забирайте ведра и щетки и уходите прочь.

Уборщики и дежурный унтер-офицер уходят. Через несколько секунд входит Благово. Дверь захлопывается. Слышно громкое щелканье засова внутреннего замка.

ЯВЛЕНИЕ 3

Благово одна. Снимает пальто и платок и кладет на кровать.

Благово. Дверь захлопнулась, щелкнул замок, и я опять одна и на запоре, как зверь. *(Зажигается электрическая лампочка.)* В саду легче; там хотя прогулка и поодиночке, но со мною «гуляют», т. е. за мною наблюдают два архангела. Проклятый сад: из него не убежишь. Он закрыт со всех сторон двухэтажными стенами Трубецкого бастиона и имеет форму пятиугольника, как и сам бас-

тион. Есть ворота для въезда в сад, но они всегда закрыты крепкими запорами и выходят к часовому. Есть еще два подъезда, но они ведут из сада только в камеры, и по ним мы выходим на прогулку. В «Предварилке» мне говорили, что не было случая, чтобы отсюда кто-нибудь бежал. Буду читать. *(Садится к столу и берет книгу, затем отрывается от чтения.)* Я смерила шагами сад: в нем окружности двести шагов. При быстрой ходьбе я делаю в пятнадцать минут, которые дают на прогулку, полторы версты, если не отвлекаюсь голубями; но ими нелзя не отвлекаться, они мои садовые друзья, и их я всегда кормлю хлебом. Они бегают по панели сада, сидят на крыше, на карнизах. Я иду, а они бегут в двух шагах впереди меня и кивают своими сизыми головками. Иногда перелетают через голову, садятся на плечи. Да, хорошо в саду: деревья, кусты, листья шуршат под ногами, совсем как на воле. Сегодня я прошла не менее версты, затем незаметно для себя остановилась у подъезда, задумалась, и мне показалось, что я пришла домой и стою у подъезда своего дома. *(Кладет книгу.)* Ничего не идет в голову, вероятно, я устала. *(Ложится.)*

За эти два месяца, что я здесь, меня вывозили два раза на допрос и дали два свидания с мамой. Объявление о разрешении свиданий вызвало во мне такую восторженную радость, которую я испытывала только в институте, и то в младших классах, когда мама приезжала ко мне на свидание... Неволья здесь и неволья там, сад для прогулок здесь и сад для прогулок там, прогулки с жандармами здесь и прогулки с классными дамами там, баня здесь и баня там — какое странное сходство... *(Садится.)* Идя на свидания, я готова была от восторга пройтись мазуркой, но постеснялась сопровождать меня двух послушников. Свидания были даны в специальной комнате, перегородженной двумя параллельными проволоочными сетками на три отделения, сетка от сетки на расстоянии трех аршин. В одно крайнее отделение ввели меня, в другое крайнее впустили маму, а в среднее отделение сел сам «настоятель» для слушания и записывания разговоров, относящихся к «делу». В сетках было по окошечку, в которое можно было видеть только одно лицо. Я не только не могла расцеловать свою милую, дорогую мамочку, но даже была лишена возможности поцеловать ее ручку. Эта злосчастная комната с сетками произвела на меня, вероятно, и на маму, тяжелое впечатление. Мне представилось, что я дикий зверь, что меня вывели из зверинца, впустили в клетку и пригласили маму полюбоваться: «вот, дескать, полюбуйся, какого ты дикого зверя вырастила; мы его поймали и посадили в клетку; его только и можно показывать через решетку». Но, тем не менее, на свидании нельзя было смотреть без смеха на сидевшего между сетками «настоятеля», который, пригнув ладонью ухо вперед, старался хоть что-нибудь услышать из нашего разговора, а мы нарочно вели его тихо; так, бедняга, услышать ничего и не мог и ушел с пустым листком бумаги. *(Встает и ходит.)* Я думаю вслух, разговариваю сама с собой, чтобы слышать человеческий голос, чтобы быть не одной, а вдвоем со своим голосом. Как все тихо... Шаги дежурных по коридору глухнут в половике... Ни один звук не долетит извне! Только далекий город-

ской шум доносится сюда каким-то общим заглушенным гулом и, смешиваясь с ветром, производит впечатление какого-то громадного чудовищного зверя, который где-то тут дышит, шевелится, подкрадывается и готов тебя проглотить. Это дышит и ползет тишина. Она выдвигается с каждого угла, из-за кровати, из-под стола. Она действует убийственно и может нервного человека довести до самоубийства... Хорошо еще, что я держу себя в руках, не даю нервам распускаться... Однако мне кажется, что я здесь совершенно забыта, что кроме меня здесь никого нет; товарища, крикнувшего «конституция», быть может, уже перевели в другое место... Постучу в стенку. *(Стучит.)* Нет ответа. Тихо, как в могиле. *(Мечется.)* Да ведь это и есть могила. В сумерки мне здесь всегда делается невыразимо грустно. Мрачные мысли лезут в голову; что-то давит на мозг... Как сильно стучит сердце! Мне тяжело, мне страшно, ноги дрожат... Мамочка, родная! Чувствуешь ли ты, как я страдаю. *(Мечется.)* Со всех углов ползет тишина, она давит меня... Я не могу более выносить одиночества; мне страшно; мне душно... мне не хватает воздуха! *(Подбегает к двери и стучит.)* Помогите, я задыхаюсь. *(Падают. Дверь открывается, входит Парфенов и двое дежурных унтер-офицеров.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Благово, Парфенов и унтер-офицеры.

Парфенов. Положите ее на кровать, вот так. Намочите под краном полотенце и дайте сюда. *(Прикладывает к голове.)* Расстегни воротник кофточка... Она открыла глаза... Обморок прошел, идите.

Дежурные унтер-офицеры уходят за дверь; Благово очнулась, быстро вскочила с кровати и с испугом отскочила в сторону.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же без унтер-офицеров.

Благово. Кто вы такой? Зачем вы здесь? Зачем вы в моей камере?

Парфенов. Я обходил помещения. Вам сделалось дурно, я слышал ваш крик и вошел, чтобы вам помочь. Я заместитель заведующего Трубецким бастионом.

Благово. Вы человек новый, и меня поймете. Я истомилась вся, меня гнетет одиночество и эта ужасная тишина! Мне нечем жить, я задыхаюсь. Я не могу, я не хочу здесь долее оставаться!

Парфенов. Я приглашу доктора, он вам поможет. Советую успокоиться; ваше дело разберут и освободят вас.

Благово. Поймите, что за мной не числится никакого так называемого дела; я ни в чем не виновата. Вся вина моя состоит в том, что я ненавижу рабство и люблю свободу. Летом я жила в деревне, среди крестьян; к концу лета приехала на курсы. Арестовали меня за то, что я пришла на квартиру арестованного товарища, я попала в засаду. За что его арестовали, не знаю, я ни в каком «деле» с ним не состояла.

Парфенов. Помочь вам могу только советом: возьмите себя в руки и потерпите еще немножко.

Благово. Я не могу больше терпеть и не хочу здесь оставаться. Я требую, чтобы вы дали мне или освобождение, или перевели меня в другое место. Куда угодно, но только не здесь, среди этой мертвой тишины. Я объявляю голодовку и прошу с завтрашнего дня мне в камеру кушанья не подавать.

Парфенов. Перевод и освобождение зависят не от меня, а голодовкой вы ничего не добьетесь и только причините вред вашему здоровью. Я предлагаю вам отсрочить голодовку дня на три, на четыре; тем временем все выяснится, и вас могут освободить.

Благово. Я вам категорически заявляю, что если меня не освободят завтра, то я перестану жить. Я найду способ избавить вас от дальнейших обо мне забот.

Парфенов. Простите меня, если я позволю себе напомнить вам о вашем письме к матери, которую вы безумно любите. Вы ей писали, что она путеводный маяк, что она огонь на священном алтаре и, пока горит этот священный огонь, вы будете жить и должны жить.

Благово. Откуда это? Мои слова? Зачем вы читали мое письмо?

Парфенов. Я должен был его просмотреть по обязанности службы. На меня ваше письмо произвело большое впечатление. Меня поразила в нем ваша горячая любовь к матери, и слова, которыми вы выразили вашу любовь, запечатлелись в моей памяти. Я уверен, что ради любви к матери вы все перенесете. Вы будете жить и здесь, и куда бы вас судьба ни забросила! Вы должны жить!

Благово. Вы правы, вы поняли мою душу. Благодарю вас, что вы в тот момент, когда я забыла о матери, напомнили мне о ней. Да, ради любви к матери, ради заботы о ней я действительно все перенесу: и муки, и страдания. Я возьму себя в руки. Если окончательно выяснится, что я невиновна и меня освободят, мне хочется вам как-нибудь дать знать, что я не сделала ничего унижающего, подлого. Я знаю, что писать вам нельзя, но я выкину какую-нибудь штуку...

Парфенов. Очень рад, что вы успокоились. Держитесь же бодро, но и не теряйте надежды на освобождение. А теперь до свидания. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Благово одна.

Благово *(опускается на колени перед воображаемым образом матери и поднимает руки вверх)*. Мамочка, родная! Прости меня, дорогая, что я на минуту смалодушничала и забыла тебя. Ради тебя я все перенесу: тюрьму, ссылку, каторгу! Когда нестерпима будет боль, когда мне не захочется больше жить, я вспомню твои добрые глаза, твои дорогие черты лица, твою ко мне любовь и буду жить!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Следственная комната в квартире заведующего Трубецким бастионом, находящаяся в том же бастионе. В стене против зрителей два окна, между ними — стоящее трюмо. В правой стене, ближе к углу, дверь, ведущая в Трубецкой бастион. В левой стене дверь к выходу на наружный двор Трубецкого бастиона. На той же стене телефон. Посредине комнаты большой продолговатый стол, покрытый сукном.

Время действия — 22 октября (по ст. ст.), 6 часов утра.

ЯВЛЕНИЕ 1

Деревкин за столом в домашнем костюме, входит Парфенов.

Парфенов. Я проверял несение службы нижними чинами в Трубецком бастионе и не ожидал, что в такое раннее время встречу вас здесь. Здравствуйте!

Деревкин *(подавая руку)*. Бессонницей страдаю. Моя комната рядом со следственной комнатой, и я вышел сюда, чтобы побыть в другой обстановке. Скажите, как без меня несут службу унтер-офицеры?

Парфенов. Отлично, усердие полнейшее. До сих пор никому из них я не сделал ни одного замечания.

Деревкин. Вы их держите строже, чтобы не распускались. Я ни одного проступка им не прощаю. Задремлет ли кто на дежурстве, опоздает ли из городского отпуска, напьется ли пьян — у меня порция: десять суток ареста. Я действую на них страхом, чтобы они и за глазами несли службу так, как на глазах, это тем более необходимо, что я надолго отлучаюсь из Трубецкого бастиона, а помощника, как вам известно, у меня нет.

Парфенов. Я не признаю крутых мер и считаю, что они не исправляют, не воспитывают человека, но озлобляют его. Я стараюсь действовать большею частью словом и только в исключительных случаях арестом и нахожу, что усердия к службе больше. Усердие это вызывается любовью к начальнику, желанием не подвести его под неприятность... Однако, как ваше здоровье, Николай Николаевич?

Деревкин. Нервы — дрянь. Я их потрепал здесь окончательно. Ведь моя квартира в Трубецком бастионе; я старый холостяк, одинок, мне здесь не с кем слова сказать; я тот же заключенный, с тою разницей, что арестованные прибывают на время, а я заключен без срока и несу это заключение добровольно. Вас, быть может, удивляет, что я, лишь кончу утром доклад коменданту, удираю из крепости. Да! Я бегу из нее, бегу без оглядки, несмотря на то, что комендант уже не раз грозил меня арестовать, даже не взирая и на то, что вас затрудняю, что во время моего отсутствия вам не раз приходилось исполнять мои обязанности! Я в большом долгу перед вами...

Парфенов. Об этом не беспокойтесь; мне понятно ваше душевное состояние.

Деревкин. Арест не остановил бы моих отлучек из крепости: отбывши его, я стал бы вновь убежать из крепости. Поймите, мне

нужен отдых! Я несу службу при Трубецком бастионе без отдыха уже три года; я просился в отпуск, я не машина; но комендант мне отпуска не дает; говорит, заменить меня нечем и что теперь не такое время, чтобы по отпускам разъезжать. *(Слышен звук телефона. Парфенов подходит и берет трубку.)*

Парфенов. Это Трубецкой бастион; у телефона временно заведующий бастионом Парфенов. *(Слушает.)* Что?.. Выехали из окружного суда товарищ прокурора Базильев и жандармский полковник Лепицкий... и будут в Трубецком бастионе в восемь часов утра... для освобождения арестованных... по высочайшему указу от двадцать первого октября... Когда выехали?.. Ага, около часа тому назад... Больше ничего?.. Хорошо. *(Вешает трубку. Обращается к Деревкину.)* Слышали, Николай Николаевич, новость: выехал товарищ прокурора освобождать из Трубецкого бастиона арестованных.

Деревкин. Это крупная новость! Какой высочайший указ? Мы этого указа не читали!

Парфенов. И не мудрено: сейчас время раннее, газеты еще не пришли.

Деревкин. Имейте в виду, что без письменного распоряжения коменданта вы никого не имеете права освободить.

Парфенов. Мне это известно. А знаете, Николай Николаевич, как было бы хорошо, если бы всех освободили! Отцы и матери получили бы своих сыновей и дочерей, а вы уехали бы в отпуск.

Деревкин. Да, это было бы превосходно!

Парфенов. Но кого бы ни освободили, мы с вами условимся о следующем: так как суммы арестованных находятся у вас, то вы не откажите удовлетворять арестованных денежными расчетами и деньгами, а я буду распоряжаться в остальном.

Деревкин. Конечно, так, иначе и быть не может. *(Входит лакей коменданта.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и лакей.

Лакей *(подавая записку Парфенову)*. Вам срочная записка от коменданта. Насилу вас нашел.

Парфенов *(прочитав записку)*. Хорошо, можете идти. *(Лакей уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же без лакея.

Парфенов. Николай Николаевич! Все наши надежды лопнули, — из двадцати шести арестованных освобождаются только четверо: Благово, Алехина, Быстров и Соркина.

Деревкин. Значит, все остается по-старому. Дайте мне списать их фамилии для приготовления денежного расчета. В каких камерах они содержатся, в вашем списке видно. *(Списывает. Входит товарищ прокурора Базильев и жандармский подполковник Лепицкий.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Базильев и Лепицкий.

Деревкин (*здоровается с прибывшими*). Позвольте представить моего заместителя: капитан Парфенов. (*Жмут руку и называют свои фамилии.*) Я нездоров, и капитан Парфенов временно заведует Трубецким бастионом. Мне же позвольте удалиться. (*Кланяется и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же без Деревкина.

Базильев (*предъявляя бумагу*). Господин капитан! Вот данное мне предписание об освобождении мною из Трубецкого бастиона четырех политических арестованных: Благово, Алехиной, Быстрова и Соркиной с резолюцией коменданта крепости о допуске меня в бастион для исполнения возложенных на меня обязанностей.

Лепицкий (*предъявляя бумагу*). И мое полномочие о присутствовании при освобождении тех же арестованных с такою же резолюцией коменданта.

Парфенов (*просматривая бумагу*). Все в порядке. Прошу садиться. Я должен вам сообщить, что в Трубецком бастионе арестованные содержатся в одиночных камерах и притом так, что ни один из них не знает и не должен знать, кто содержится в других камерах. Поэтому их выводят и уводят всегда поодиночке. Но в данном случае, раз они все четверо освобождаются, я полагаю, их можно было бы выводить по двое.

Базильев. Для меня безразлично. Делайте, как вам будет удобно.

Парфенов. В таком случае будем выводить по двое. Фамилии арестованных выводным унтер-офицерам неизвестны, — они знают их только по номерам камер; поэтому я поставлю на отдельной записке вместо фамилий номера камер освобождаемых арестованных, и по этим номерам будут вам выводить арестованных. (*Пишет.*)

Базильев. Как вам угодно.

Парфенов (*заглядывая в дверь налево*). Эй, выводные, четыре человека, пожалуйста сюда! (*Входят два унтер-офицера Наблюдательной команды и два жандармских унтер-офицера.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и четверо выводных унтер-офицера.

Парфенов (*даст ключ жандармскому унтер-офицеру*). Вот ключ от дверей в Трубецкой бастион. Приведите сюда арестованных под номерами тридцать девять и сорок два.

Жандармский унтер-офицер. Слушаю-с, ваше высокоблагородие. (*Унтер-офицеры уходят. Входит дежурный унтер-офицер у калитки и обращается к Парфенову.*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Базильев, Лепицкий, Парфенов и дежурный унтер-офицер.

Дежурный у калитки. Ваше высокоблагородие! Там за калиткой собралось человек десять каких-то штатских, горланят, кричат, требуют впуска в Трубецкой бастион. Человека три ворвались было на двор через калитку, но я их выпроводил. Один какой-то черный особенно горланит, размахивал руками и грозил. Требует вас за калитку.

Парфенов. Кто они такие?

Дежурный у калитки. Не знаю; говорят, от какого-то Союза Союзов. Мне бумагу в руку совал, но я не взял.

Парфенов. Хорошо, я сейчас выйду. (*Обращается к Базильеву.*) Господин прокурор! Прошу вас распорядиться приводом и уводом арестованных без меня. Вот вам записка с номерами камер. (*Уходит, за ним уходит дежурный у калитки.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Базильев и Лепицкий.

Лепицкий. Интересно знать, что за люди собрались у калитки? Предъявляют требования, нахально врываются во двор, чувствуют себя какою-то властью. (*Дверь открывается, и две пары унтер-офицеров вводят одного за другим арестованных Быстрова и Соркину, которые с удивлением смотрят друг на друга.*)

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, Быстров, Соркина и четверо «выводных».

Базильев (*обращаясь к Быстрову*). Как ваша фамилия, имя и отчество?

Быстров. Быстров Николай Сергеевич.

Базильев (*обращаясь к Соркиной*). А ваша?

Соркина. Соркина Рая Моисеевна.

Базильев (*вставая, встает и жандармский подполковник*). Я, товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда Базильев, по распоряжению министра юстиции командирован в Санкт-Петербургскую крепость, в Трубецкой бастион, для приведения в исполнение высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату 21 октября 1905 года. По означенному указу дела о политических арестованных, не обвиняемых в насильственных действиях, по которым производились следствия, подлежат прекращению и забвению. Означенный указ коснулся обоих вас. Именем закона объявляю вас свободными и подлежащими немедленному освобождению.

Быстров (*в удивлении*). Как! Я свободен? Я могу самостоятельно сейчас уйти из Трубецкого бастиона?

Соркина. Какая досада! Я только что взяла из библиотеки три хороших книги и не успела их прочесть!..

Базильев. По исполнении местных формальностей вас сейчас же

освободят. *(К выводным.)* Прошу их отвести обратно в камеры и привести арестованных под номерами сорок восемь и пятьдесят шесть. *(Арестованных уводят. Входит Парфенов.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Базильев, Лепицкий и Парфенов.

Парфенов *(обращаясь к Базильеву)*. У калитки находится человек десять граждан во главе с присяжным поверенным Зарубным. Они именуют себя комиссией, командированной Союзом-Союзов в крепость для присутствия при освобождении политических арестованных и для их принятия. На обрывке бумаги имеют записку от Союза-Союзов. Требуют, чтобы я их допустил в Трубецкой бастион. Я сделать этого не имею права и наотрез им отказал. Тогда Зарубный потребовал, чтобы я сообщил вам, что комиссия желает видеть вас немедленно.

Базильев. Не откажите передать, господин офицер, присяжному поверенному Зарубному и членам комиссии, что я занят, не могу прерывать дела и выйду к ним, когда освобожу всех арестованных.

Парфенов. Они боятся, что арестованные будут выпущены другим ходом и поэтому просили, чтобы я находился при них. Но даже если бы они и не просили, я должен быть там, так как я дежурный по крепости и отвечаю за порядок в крепости. *(К Базильеву.)* Прошу вас производить освобождение без меня, согласно моей записке, а я иду к ним. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Базильев и Лепицкий.

Лепицкий. Союз-Союзов! Ха-ха-ха! Новоявленное правительство. *(Вводят арестованных Благово и Алеиху.)*

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же, Благово, Алеиха и четверо «выводных» унтер-офицеров.

Базильев *(обращаясь к Благово)*. Как ваша фамилия, имя и отчество?

Благово. Благово Таисия Николаевна.

Базильев *(к Алеихе)*. А ваша?

Алеиха. Алеиха Татьяна Семеновна.

Базильев *(встает, Лепицкий тоже)*. Я, товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда Базильев, по распоряжению министра юстиции командирован в Трубецкой бастион для приведения в исполнение высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 21 день октября сего года. По означенному указу дела о политических арестованных, не обвиняемых в насильственных действиях, по которым производились следствия, подлежат прекращению и забвению. Означенный указ коснулся вас обеих. Именем закона объявляю вас свободными и подлежащими немедленному освобождению.

Благово. Я в восторге! Я задыхаюсь от радости! Скажите, господин прокурор, правда ли, что России дана конституция?

Базильев. Совершенная правда. Конституция объявлена Манифестом 17 октября.

Благово. Какая радость! Когда я могу считать себя свободной?

Базильев. По исполнении здешних формальностей. Господа выводные, уведите гражданок на время в Трубецкой бастион. *(Благово уводит, Алеиха задерживается.)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Базильев, Лепицкий, Алеиха и двое «выводных».

Алеиха *(вся дрожит)*. Пойдите, пойдите!.. Не торопитесь уводить... ведь я теперь свободна!.. Но что со мной? *(Хватается за стену.)* Сейчас, сейчас, сейчас я скажу... Господин прокурор, мне нужно сказать... мне вам нужно сделать важное сообщение... Меня гнетет страшная мысль, я не могу от нее отделаться... Я хочу вам сказать, хочу, чтобы вы мне помогли... *(Нервно перебирает пальцы, трет лоб, мечется.)*

Базильев. Скажите, гражданка, относится ли то, что вы хотите сказать, ко мне и могу ли вам в этом помочь?

Алеиха *(нервно)*. Да, вы можете, можете... На днях я видела здесь своего отца. *(Мечется.)* Дайте мне возможность еще раз его видеть! Мне нужно его видеть безотлагательно, нужно сказать ему несколько слов, а через два-три дня уже будет поздно: машина заработает с ужасающей быстротой, полется кровь... *(Мечется вдоль стены из угла в угол.)* Полется кровь и посыплется золото, много золота!..

Базильев. Гражданка, вы, кажется, нездоровы? Отца здесь вы не могли видеть: в Трубецкой бастион посторонние лица не допускаются.

Алеиха *(нервно хохочет)*. Вы думаете, что я с ума сошла, что у меня галлюцинации? Ошибаетесь! Я совершенно здорова. Отца я видела не здесь. *(Обращается к Лепицкому.)* Я видела его у вас, в жандармском управлении. Несколько дней тому назад меня брали на допрос. Камеры, вероятно, все были заняты, и меня ввели до вызова в швальню. Там было много машин, и на них шили мужчины. Я сидела под конвоем и долго ждала, пока меня вызовут. Вдруг дверь отворилась, и вошел мой отец. Он взглянул на меня со злою улыбкой. Лицо такое сытое, упитанное, самодовольное, семья же наша живет в нищете. Он сказал мне: «У меня теперь много золота», — и вышел. Он, видимо, не ожидал там меня встретить. Вскоре меня вызвали к допросу. Я вся дрожала и не помню, что говорила. После допроса меня отвели вниз, в темную камеру, и заперли на замок. Через некоторое время к двери подошел мой отец и громко сказал, как всегда говорил: «Здравствуй, дочка! Хорошо ли ты себя чувствуешь?» И ушел. Я упала на пол. Не помню, что было дальше со мной. Меня подняли жандармы, дали воды, потом отвезли в крепость...

Базильев. Почему вы с таким ужасом говорите об отце? У вас, вероятно, была семейная драма?

Алехина (*мечется*). Да, была драма, страшная драма. Представьте себе, что у вас есть отец. Он пьянствует, он постоянно говорит жене и вам грубости, дерзости, учиняет скандалы, драки, развратничает, и вы, наконец, выходите из себя и говорите ему: «Убейся от нас вон, тебе здесь не место!»

Базильев. И это портрет вашего отца?

Алехина. Да, это мой отец! Я его выгнала, я выгнала из дому, чтобы спасти мать и маленьких брата и сестер, — другого выхода не было. И он ушел, ушел, но потонул в водке и дошел до последней степени падения. Я сознаю, что поступила дурно, что я страшно задела самолюбие отца и толкнула его на путь падения! Дайте мне возможность его сегодня же видеть, с ним поговорить и спросить у него прощение. Иначе будет поздно. Упущу время — задвигаются экспрессы, заработает судебная машина, польется кровь, и посыплется золото, много золота!

Базильев. Кровь, экспрессы, золото? Скажите, не отец ли виновник вашего ареста?

Алехина. Да, это сделал он! Мы с ним разных политических убеждений, и он решился мстить, мстить не только мне, но и тем людям, которые не разделяют его убеждений. Меня с матерью брали с треском, с шумом, с казаками. Это было в Баку. Мать освободили, а меня доставили сюда. И вдруг я вижу отца здесь. В Баку о нем ходили зловещие слухи, что его купили за деньги, что он стал орудием в руках других людей. (*Мечется*.) Мне нужно обязательно его видеть, видеть безотлагательно. Я буду просить, чтобы он расправился только со мною, но не трогал других людей, буду умолять бросить свое преступное ремесло, вернуть утраченный образ человека...

Базильев. Да кто же, наконец, он?

Алехина (*истерически хохочет и, сжимая кулаки, произносит*). Он продан царскому правительству за деньги..., он палач! (*Падает в обморок.*)

Базильев. Какой ужас: дочь-революционерка, а отец-палач!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Переулочек зади Монетного двора. Прямо перед зрителями окрашенный в серый цвет деревянный забор, верхний край которого утыкан длинными заостренными гвоздями; посредине забора широкие ворота для въезда карет во двор Трубецкого бастиона, справа от ворот — калитка. Слева от забора башня Монетного двора, где производится переплавка подметаемого с поля мусора; справа — Васильевская куртина с отдельными комнатами для сверхсрочных унтер-офицеров, обслуживающих Трубецкой бастион. Ворота и калитка закрыты изнутри на замок. У калитки простой звонок с ручкой.

Время действия — 22 октября 1905 года (по ст. ст.), 10 часов утра.

ЯВЛЕНИЕ I

Члены Союза-Союзов: Зарубный, казначей, доктор и другие лица, всего около 10 человек; мать арестованной Благово; мать арестованного Быстрова; Федосья; Мордашова; рабочий, пробравшийся с членами

Союза-Союзов; толпа любопытных жен и детей унтер-офицеров, обслуживающих Трубецкой бастион.

Зарубный (*к Благово*). Вы по какому делу? Вы не с нами, гражданка?

Благово. Моя дочь здесь содержится; я пришла на свидание с нею.

Зарубный (*к Быстровой*). А вы, гражданка?

Быстрова (*волнуясь*). Скажите, вы ревизуете прибывших на свидание? Я мать арестованного...

Зарубный. Успокойтесь! Мы составляем комиссию и стоим на стороне арестованных и обездоленных матерей, отцов и жен. (*Из калитки выходит Парфенов.*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Парфенов.

Парфенов. Кто вызывал меня? Я временно заведующий Трубецким бастионом.

Зарубный (*заносчиво*). Требовал вас я, присяжный поверенный Зарубный. Мы командированы в крепость Союзом-Союзов и представляем комиссию, на обязанность которой возложено присутствовать при освобождении арестованных и затем, если понадобится, снабдить их деньгами, одеждой, квартирами и медицинской помощью. В составе комиссии находятся: я, Зарубный, как представитель комиссии, врач (*указывает на него*) на случай оказания медицинской помощи, казначей (*указывает на него*) Союза-Союзов для удовлетворения деньгами, бывший помощник Председателя Петербургского окружного суда (*указывает на него*), как представитель судебного ведомства, и другие члены Союза. Присутствование при освобождении нам разрешено графом Витте. Вот вам записка.

Парфенов (*просматривает записку*). Эта записка не от графа Витте, но от Союза-Союзов; она не является документом и для меня необязательна; она годится только для вас. К присутствованию при освобождении я вас не имею права допустить и не допущу.

Зарубный. Витте разрешил нам на словах. Если вы нам не верите, то снесите по телефону с графом Витте, который подтвердит свое разрешение.

Парфенов. Граф Витте для меня слишком большая величина, чтобы я мог с ним сноситься по телефону, для этого у меня есть свое ближайшее начальство, приказание которого я обязан исполнять в точности, и имеется инструкция о порядке допуска посторонних лиц к арестованным.

Зарубный. Я узнал в суде, что согласно указу от двадцать первого октября для освобождения арестованных отправился в крепость помощник прокурора Окружного суда Базильев. Так как вы допустить не можете, то я требую дать ему знать, что в крепость прибыла комиссия, назначенная Союзом-Союзов, о задачах которой я вам уже сообщил. Передайте, что комиссия ждет его на холоду, на улице, у калитки и желает его немедленно видеть.

Парфенов. Это я могу передать. (*Уходит за калитку.*)

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же без Парфенова.

Член комиссии (*обращаясь к Федосье*). Скажите, гражданка, вы здесь живете?

Федосья. А то где же? Я жена унтер-офицера Наблюдательной команды, Федосья. А раз жена — при муже и живу. Вот наша и квартира.

Член комиссии. Скажите, гражданка, где здесь в крепости вешают?

Федосья. В крепости никого, кроме белья, не вешают. Я живу здесь двадцать лет, и никого здесь не вешали.

Член комиссии. Ну, а не знаете ли, гражданка, где тут проложена труба, по которой живых людей прямо в Неву спускают?

Федосья. Как погляжу я на тебя, так настоящая ты труба, да труба не простая, а ерихонская! Трубишь ты зря, что на ум взбредет. Жаль, что в крепости для спуска людей трубы такой нет, а то тебя бы туда спустить не мешало! Человек ты вроде образованный, а чепуху несешь. Тыфу!.. Где это видано, чтобы в трубу живых людей спускали!

Член комиссии. Чего ты разошлась? Точно тебя кто за хвост укусил!

Федосья. Хвоста у меня нет, а то бы ты не только укусил, но откусил. Тыфу! (*Отходит в сторону.*)

Член комиссии. Какая грубая, невоспитанная баба! (*Выходит из калитки Парфенов.*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Парфенов.

Парфенов (*к Зарубному*). Господин Зарубный! Товарищ прокурора просил вам передать, что когда он выпустит всех подлежащих освобождению арестованных, то к вам выйдет.

Зарубный. Что же нам на улице стоять и мерзнуть? Скажите, капитан, не может ли случиться так, что мы будем ждать арестованных здесь, а их выпустят через другую калитку? Вы не уйдете отсюда?

Парфенов. Успокойтесь, арестованных будут выпускать через эту калитку, и я буду находиться тоже здесь.

Зарубный. Отношение правительственных лиц возмутительно — я подчеркиваю этот случай, господа. Комиссия в полном составе должна стоять на улице, прошу обратить на это ваше внимание!

Голоса. Это недопустимо! Это возмутительно! Позор!

Парфенов (*подходит к матери Благово*). Вы пришли встречать вашу дочь?

Мать Благово. Как встречать? Я пришла на свидание с нею перед отъездом в Москву. Нам с мужем разрешили второе свидание, но муж не пришел, он нездоров. Хлопотали целую неделю...

Парфенов. На свидание? Но ваша дочь...

Мать Благово. Нездорова? Переведена?..

Парфенов. Вполне здорова. Я прошу вас подождать здесь. (*Обращается к матери Быстрова.*) Вы здесь по какому случаю?

Мать Быстрова. Я Быстрова (*сильно волнуясь*). Мой сын здесь содержится. Мне дали одно свидание и больше не дают. В этом кроется что-то зловещее. О крепости ходит столько худых слухов. Не гоните меня отсюда, господин заведующий, пожалейте истрадавшуюся мать! Я не нахожу себе места. По вторникам и субботам, когда происходят здесь свидания, я прихожу тайком сюда, в крепость, чтобы взглянуть на эти стены, за которыми томится мой сын, и здесь поплакать. И мне становится легче! Вот и сегодня я пришла сюда, не имея разрешения на свидание. Неужели сын мой погибнет, как погиб его отец? Мой муж отбыл каторгу в Шлиссельбургской крепости, а потом его сослали в Сибирь на поселение. За ним поехала и я с малолетним сыном Колей. У нас там родилась дочь. Я берегла их от всего дурного, как зеницу ока, я растила их в больших лишениях, я сама их готовила в учебные заведения. Я привезла сына в Московский университет, а дочь в гимназию. Сын был краше девушки, он был религиозен, говел каждый год, и вот что вышло. (*В отчаянии.*) Я не виновата, что зараза охватила сейчас всю Россию, что она втянула в себя моего сына, что она, быть может, втянет и дочь!

Зарубный. Не плачьте, гражданка мать, ваш сын — пахарь на ниве народной! Зараза эта — предвестница великой свободной России, она предвестница восходящего солнца, она заря новых дней! Могучей волной прокатится она по всей необъятной России, смое с нивы народной все нечистоты, и на ней заблещут дивные всходы свободы, равенства и братства!

Мать Быстрова (*не слушая его*). Она погубила моего сына. (*Со слезами падает на колени перед Парфеновым.*) Отдайте мне моего сына! Отдайте моего дорогого Колю!

Парфенов (*поднимает ее*). Успокойтесь, ваш сын опять будет с вами: он подлежит немедленному освобождению по указу. (*В это время калитка открывается, и из нее быстро выходит Быстров; за ним выглядывает старший унтер-офицер Берегел и возглашает: «Освобожденный Быстров» — и скрывается, запирая калитку. Парфенов Быстровой.*) Вот ваш сын! Получите его! (*Всеобщее движение и возгласы: «Ура!»*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Быстров.

Быстров (*бросаясь к матери*). Мамочка, дорогая! Ты здесь, страдала моя? Ты плачешь! Ты знала о моем освобождении?

Мать Быстрова. Ничего я не знала и не ожидала. Коля, милый, дорогой, ты опять со мною!

Быстров. Ну, радуйся, родная! Ну, плачь, плачь слезами радости: меня освободили, и я опять с тобою! Мне дали подачку! Как я люблю тебя, дорогая, и как я их ненавижу! (*Члены Союза-Союзов обступают его.*)

Зарубный. Дорогой товарищ! Позвольте вас расцеловать и поздравить с освобождением. (*Обнимает и целует.*) Мы, представители

Союза-Союзов, командированы в крепость, чтобы приветствовать вас и заявить, что вас ждут друзья: нанята уютная квартира, в ней для освобожденных имеются спальни, обед и ужин, и все это бесплатно. Вот вам адрес. *(Дает карточку.)* На нашей обязанности снабдить неимущих товарищей деньгами и одеждой, оказать медицинскую помощь...

Быстров. Полюбуйся, мать, какие люди меня окружают!

Зарубный и другие *(перебивая друг друга)*. Товарищ, поздравляем! Под нашим давлением дана конституция. Она еще младенец, стоять на ногах не умеет, но наше с вами дело взрастить этого младенца и воспитать по-своему. Идите же к друзьям и вместе с ними отпразднуйте свободу!

Быстров. Иду, иду! Товарищи, долой слово «дана», оно мне не нравится! Конституцию мы сами добыли. Да здравствует конституция! *(К матери.)* Мамочка, идем, идем скорей отсюда. *(Потрясает кулаком.)* О, как я их ненавижу! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же без Быстровых.

Зарубный. Горячая голова! Какой чудный юноша! Как он хорош в своем экстазе! Это огонь, которым нужно умело пользоваться! *(Из калитки выходит освобожденная Соркина; из-за ее спины унтер-офицер Берегеля возгласит: «Освобожденная Соркина» — скрывается за калиткой. Члены Союза-Союзов обступают ее.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Соркина.

Зарубный. Гражданка! Мы, представители Союза-Союзов, прибыли сюда, чтобы приветствовать вас с освобождением...

Соркина *(перебивая его)*. Если это относится ко мне, то благодарю вас. Но мне ужасно жаль, что меня не вовремя освободили: я нашла в здешней библиотеке три редкие книги и не успела прочесть их...

Зарубный. Гражданка! Что вы говорите? Вам свободу дали, а вы говорите о каких-то книгах! Ведь вы задыхнулись бы здесь от скуки и одиночества!

Соркина. Я никогда нигде ни при каких обстоятельствах не скучаю и никогда нигде не чувствую себя одинокой. У меня для скуки не хватает времени. Откуда его взять, когда время, назначенное другим для скуки, я посвящаю на занятия и чтение книг? Кроме того, я везде нахожу поле для своих наблюдений...

Зарубный. Все это хорошо, хотя и очень странно, что вы, сидя здесь, не чувствовали одиночества! Вы слышали: России дана конституция?

Соркина. Вранье, не верю, пока сама в этом не убежусь!

Зарубный и другие. Да верно же, верно! Это факт! Вот, вот вам адрес квартиры, где вы найдете друзей и бесплатно ночлег, стол,

газеты и книги. Идите же прямо туда, там вас со всеми текущими событиями ознакомят.

Соркина. Иду и все проверю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же без Соркиной.

Благово-мать. Какая странная: ее не радует свобода! Если бы эта свобода дана была моей Тасичке, как она прыгала бы, как бы радовалась! *(Калитка открывается, и выходит Алехина; сзади слышен возглас Берегеля: «Освобожденная Алехина». Ее окружают члены Союза-Союзов.)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Алехина.

Зарубный *(к Алехиной)*. Гражданка, мы, члены Союза-Союзов, прибыли сюда, чтобы приветствовать вас с освобождением и предложить вам...

Алехина *(не слушая их и сильно волнуясь)*. Спасибо вам за все, что вы хотели для меня сделать, но не это мне нужно. Отца, отца ищу я! Помогите мне спасти отца!.. Его засосала бездна... его соблазнили деньгами... Он сделался палачом!.. Я должна спасти его или сама погибнуть!.. Его держат в здешнем жандармском управлении... Я сама его видела, когда ездила на допрос. Он говорил со мною...

Доктор *(в сторону)*. Она с ума сошла! *(К ней.)* Успокойтесь, гражданка! Я доктор. Вы, по-видимому, больны, у вас, кажется, галлюцинация; но на свободе все это пройдет, мы примем все меры. Вот адрес квартиры...

Алехина *(перебивая его)*. Какой квартиры? Зачем квартира?

Зарубный. Это квартира друзей. Вы там найдете полный уют: комнату, готовый обед и ужин, там можете пожить и отдохнуть. И все это бесплатно, от друзей, которые там вас ждут, вам будут рады...

Алехина. Мы не понимаем друг друга, мы говорим на разных языках.

Доктор. Я вас понял вполне! Я иду с вами, я вам помогу во всем! Идемте. *(Оба уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же без Алехиной и доктора.

Зарубный *(обращаясь к членам комиссии)*. Какой ужасный случай, какие два противоположных полюса! Если все, что она сказала, правда, если это не галлюцинация, то спасти отца, извлечь его из болота, в которое он попал, невозможно. *(Калитка открывается и почти бегом выходит Благово; за нею возглас Берегеля: «Освобожденная Благово».)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Благово.

Благово-мать (*бросается навстречу дочери*). Кого я вижу! Не сон ли это?

Благово-дочь. Это я, я, мамочка дорогая. (*Целуются и плачут.*) Ты видишь меня. Я опять с тобою, я свободна, как ветер! (*Почти кричит.*) Свобода! Свобода! Какое важное слово! Какая ширь в нем заключается! Мамочка, мне кажется, что у меня за спиною крылья, как у птицы, выросли! Держи меня, мамочка, крепче держи! А то улечу я от тебя туда, ввысь, куда, сама не знаю, только улечу. И будешь ты опять меня искать и плакать, моя дорогая!

Зарубный. Милое дитя! Уделите и нам частицу вашего внимания. Мы, члены Союза-Союзов, командированы сюда, чтобы принять освобожденных и поздравить с конституцией...

Благово-дочь. Поздравить с конституцией? Так это правда? Значит, товарищ по заключению не ошибся! Какая радость! Да здравствует свобода! Да здравствует конституция!

Зарубный. Чудное дитя! Вот адрес квартиры, где вы найдете бесплатно для себя комнату, обед и ужин, где ожидают вас друзья, которые ознакомят вас со всеми текущими событиями.

Благово-дочь (*целует его*). Спасибо вам! От избытка чувств я, кажется, готова всех расцеловать!

Благово-мать. Тася, дорогая! Идем скорей отсюда! Какое счастье: пришла на свидание, а вместо него дочь получила! Такого сюрприза отец и во сне не видел!

Благово-дочь (*увлекая мать*). Бежим, мамочка, бежим скорее. (*Потрясая рукою.*) Свобода! Свобода! (*Быстро уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же без матери и дочери Благово.

Зарубный. Какая прелестная девушка! Она олицетворение красоты, энергии и жизни. (*Обращается к толпе женщин.*) Гражданки! Вы видели эту девушку? Она сама может дать жизнь нескольким поколениям, а ее держали в заключении! Какое варварство! (*Из калитки выходит Базильев.*)

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же и Базильев.

Базильев. Я товарищ прокурора Базильев, производивший освобождение арестованных из Трубецкого бастиона.

Зарубный (*быстро приступает к нему вместе с другими членами Союза-Союзов, грозно*). Я, присяжный поверенный Зарубный, от имени здесь собравшихся представителей Союза-Союзов требую от вас, чтобы вы дали мне категорический ответ: исполнен ли в точности высочайший указ и нет ли таких арестованных, которые по указу не освобождены?

Базильев. Я могу говорить только о том, что сам сделал: согласно

данному мне предписанию я освободил из Трубецкого бастиона четырех арестованных, которых вы и приняли; в остальных же местах заключения были другие исполнители.

Зарубный. Значит, вы категорического ответа дать нам не можете. В наших глазах ваш ответ не заслуживает доверия. Нам доподлинно известно, что в Трубецком бастионе содержится двадцать шесть арестованных, в числе которых, по нашим сведениям, находятся восемь человек «шлиссельбуржцев»: Морозов, Новорусский, Лопатин, Лукашевич и другие, прибывшие сюда из Шлиссельбурга для немедленного освобождения. На нас лежит долг успокоить взволнованное общество, но мы этого сделать не можем, и общество по-прежнему остается в тревоге. Мы удаляемся с негодованием и всю ответственность возлагаем на вас! (*Комиссия с разными возгласами негодования демонстративно удаляется.*)

ЯВЛЕНИЕ 14

Те же без членов Союза-Союзов.

Базильев. Простите, капитан, за вопрос, который вам, быть может, покажется неуместным, скажите, если это не нарушает служебной тайны: разве «шлиссельбуржцы» уже прибыли в крепость?

Парфенов. Ничуть не бывало! Их нет в Трубецком бастионе, и никаких распоряжений об их прибытии не получено.

Базильев. Так зачем же Зарубный на стену лезет?

Мордашова (*подходя к Парфенову*). Милочка! Значит, всех освободили? Никого не оставили? То-то всем радость будет! Мой-то старик двадцать пять лет прослужил в Трубецком и умер здесь, а такой радости не дождался! Как зачали выпускать, как зачали, диву далась! Просто глазам не верю! Пойти оповестить своих!

Парфенов. Уходи, старуха, и не болтай зря, чего не понимаешь. (*Старуха уходит.*)

Рабочий (*подходит к Парфенову*). Всех освободили? Могу я осмотреть Трубецкой бастион?

Парфенов. Нельзя!

Рабочий. Нельзя? Ну, что ж? Подождем, когда нам будет везде можно. (*Уходит.*)

Занавес

19 ноября 1926 г.

Публикация Н. К. Дубовой

Г. П. ИГНАТЬЕВА

Новая тюрьма Шлиссельбургской крепости

В 1870-х годах в России возникло новое революционно-освободительное движение под названием народничество. Пропагандистская работа народников среди крестьян успеха не имела. В 1879 году была создана революционная организация «Народная воля», главная цель которой состояла в уничтожении самодержавия и передачи власти народу. Используя агитационные и пропагандистские методы борьбы, народовольцы часто обращались к террору. Многие из них были арестованы и приговорены к пожизненному заключению, которое отбывали в Шлиссельбургской крепости.

«Государю Императору в августе месяце 1881 года благоугодно было повелеть существующие в С.-Петербургской крепости учреждения для содержания политических арестантов упразднить, озаботившись приспособлением для этой цели помещений в упраздненной Шлиссельбургской крепости, как наиболее соответствующей по своему положению такому назначению», — так писал директор департамента Государственной полиции В. К. Плеве.

В 1881 году правительство Александра II решило восстановить значение Шлиссельбургской крепости, расположенной на острове в истоке Невы, как одной из главных политических тюрем Российской империи. Тогда и началось строительство новой народовольческой тюрьмы.

При решении вопроса о строительстве тюрьмы «самого строгого одиночного заключения» было составлено три проекта. По двум проектам предполагалось перестроить старую Государственную тюрьму для содержания в ее одиночных камерах 10—20 узников. Стоимость работ исчислялась от 14 000 до 30 000 рублей. Эти проекты не были приняты, и был одобрен третий, согласно которому тюрьма перестраивалась на 10 одиночных камер и возводилось новое двухэтажное здание на 40 заключенных. «На устройство собственно тюрьмы со всеми к ней принадлежностями назначена с Высочайшего соизволения из Государственного Казначейства сумма в 150 тысяч рублей»².

Решение устроить на острове государственную тюрьму привело к закрытию в 1881 году тюрьмы дисциплинарного батальона³, существовавшей там с 1870 года.

Проект и сметы по строительству были утверждены военным со-

ветом. Возглавлять работы было поручено члену Инженерного комитета Главного инженерного управления генерал-майору Г. С. Войницкому, «пользующемуся заслуженною известностью опытного строителя зданий требуемого типа»⁴.

Уже в ноябре 1882 года Войницкий сообщил об окончании перестройки старой тюрьмы на десять узников и здания для размещения жандармов. Однако последовал ответ: заключенные из Петропавловской крепости будут переведены лишь по окончании всего тюремного строительства.

2 сентября 1883 года Войницкий подал рапорт в Главное управление о том, что «устройство Шлиссельбургской тюрьмы и при ней все помещения для войсковой команды совершенно окончены и могут быть заняты по своему назначению»⁵. 14 октября в крепость прибыла особая комиссия, которая «приступила к осмотру всех работ, произведенных как по постройке тюремных помещений для одиночных заключенных, так и по приспособлению зданий под казармы, офицерские квартиры, манеж и разные хозяйственные помещения», и признала, что «все работы оказались произведенными вполне удовлетворительно»⁶. Члены комиссии, назначенной для освидетельствования тюремных построек в Шлиссельбургской крепости, сосредоточили самое пристальное внимание на мерах строгой изоляции узников и предупреждении побегов из тюрьмы. Великий князь Владимир Александрович с супругой посетил «здания и сооружения Шлиссельбургской тюрьмы. Всем устройством их Высочества изволили остаться довольными», — так писал Войницкий в рапорте в Главное инженерное управление 19 июня 1884 года.

Приказом по военному ведомству от 22 марта 1884 года «Об управлении и военной охране Шлиссельбургской тюрьмы» юридически закреплялось следующее: руководство тюрьмой находилось в ведении министра внутренних дел, по званию шефа жандармов. На острове было учреждено Шлиссельбургское жандармское управление с пешей командой.

Директор департамента полиции В. К. Плеве признавал, что узниками новой тюрьмы будут осужденные, совершившие преступления «исключительного характера», поэтому «надзор за заключенными должен быть несколько отличным от того, который принят в прочих местах заключения»⁸. Оставляя за военным ведомством внешнюю охрану тюрьмы и содержание наружных караульных постов, департамент полиции не мог «признать удобным возлагать наблюдение и внутренний надзор за заключенными в тюрьме на вольнонаемную стражу»⁹. Плеве предлагал, чтобы осуществляли внутренний надзор только унтер-офицеры, «испытанные, прошедшие известную школу и допущенные которых к надзору за заключенными представляет меньше опасений»¹⁰, а исполнение различного рода служб: наблюдение за чистотой, ведение кухонного дела и хозяйства — возложить на нижние чины корпуса жандармов под наблюдением фельдфебеля или старшего унтер-офицера.

Приказом по Отдельному корпусу жандармов в штат тюрьмы Шлиссельбургской крепости были включены 47 человек по Жандарм-

скому управлению и 98 человек пешей жандармской команды. Назначенные на службу в Шлиссельбургскую крепость жандармы во главе с полковником Покрошинским прибыли в крепость 11 июля 1884 года, а 2 и 4 августа сюда были доставлены первые заключенные из Петропавловской крепости — двадцать один человек.

Что же представляла собой Новая тюрьма?

В нашем распоряжении имеются документы, дающие наиболее полные и обстоятельные описания здания Новой тюрьмы и ее камер: отчет тюремного врача о состоянии тюрьмы за 1884/85 год (т. е. первый год существования Новой тюрьмы) и дело 1897 года о сдаче должности начальника Шлиссельбургского жандармского управления полковником Гангардтом полковнику Обуху.

«Новая тюрьма представляет собой каменное двухэтажное строение, заключающее в себе 40 камер для одиночного заключения, расположенных по обеим сторонам коридора (в два света), идущего вдоль тюремного здания в направлении с севера на юг, следовательно, камеры, расположенные по обе стороны коридора, будут выходить на восток и на запад; на запад выходят 9 камер в нижнем этаже и столько же в верхнем, всего 18 камер; на восток — 10 камер в нижнем этаже и 12 в верхнем, всего 22 камеры. В центре коридора с западной стороны входная дверь»¹¹. С внешней стороны «подъезд в три ступени имеет двускатный зонтик: чугунные колонки; продольные, поперечные крепления — чугунные ажурные по железным стропильцам; листового железа крыша с двумя водосточными трубами, воронками, коленами и отводами. Две входные двери — двухстворчатые, филленчатые, соснового дерева, окрашены масляной краской»¹².

В воспоминаниях, узница 1884—1904 годов, В. Н. Фигнер упоминала подслеповатые окна и две высокие трубы на крыше, а перед зданием красную кирпичную стену и железные ворота, окрашенные в красное.¹³

Внутри здания тянулся двухсветный коридор, по обеим сторонам его расположены в два яруса камеры для одиночного заключения осужденных. Камеры разделены между собою двойными стенами, между которыми проложены войлок и пакля для усиления изоляции. Во всех камерах, в ванной и коридорах «стены и своды општукатурены, и окрашены клеевой краской. Лестница каменная в четыре марша, с отходами на чердак и в подвал, имеет своды по рельсам»¹⁴.

Многие узники Новой тюрьмы в своих воспоминаниях рассказали о своеобразном устройстве тюремного коридора. М. В. Новорусский, находившийся в заключении с 1887 по 1905 год, писал: «На верхний этаж вела широкая отлогая лестница со ступеньками из плитняка, а для входа в камеры этого этажа служили только узенькие железные галереи, тянувшиеся в виде балконов по обе стороны коридора, как раз на той высоте, где должен быть пол. Между галереями была натянута веревочная сетка <...>, предохранявшая идущих по галерее от соблазна броситься вниз головой. Благодаря такому устройству, дежурный, стоявший внизу коридора, видел разом все двери нижнего и верхнего этажа»¹⁵.

В. Н. Фигнер вспоминала: «Два этажа тюремного здания не разде-

лись ничем, кроме сетки и узкого бордюра, который в виде балкона проходит вдоль ряда камер верхнего этажа. Благодаря такому устройству вся внутренность тюрьмы, все сорок железных дверей камер видны сразу. Веревочная сетка в середине пересекается узким мостиком, который упирается в камеру № 26»¹⁶.

Г. А. Гершуни, узник 1904—1905 годов, рассказывал: «Постройка крайне оригинальная. Этажи разделены не потолком, а плетеной веревочной сеткой, напоминающей гамак. По обеим сторонам стен расположены камеры. Вровень пола второго этажа тянется узенькая, аршина в полтора, галерея. С каждого пункта, таким образом, вся внутренность, как на ладони»¹⁷.

На галереях для заглушения шагов жандармов были положены веревочные маты.

«В коридоре, по обе стороны его, расположены по две нагревательные камеры с жаровыми каналами, идущими в оба яруса камер заключенных. Стены нагревательных камер снаружи и внутри општукатурены и окрашены клеевым колером»¹⁸.

В воспоминаниях многие узники рассказали о камерах, в которых протекала их однообразная, полная лишений жизнь.

В первые годы асфальтовый пол в камерах и стены почти до высоты человеческого роста были выкрашены в «густой, почти черный цвет свинца», что делало камеру, по словам В. Н. Фигнер, похожей на «мрачный ящик», вверху стены были окрашены в серый цвет¹⁹.

М. В. Новорусский также писал о том, какое тяжелое впечатление на узников производили одиночные камеры Новой тюрьмы: «Чья-то мрачная фантазия разделала внутренность нашей камеры, выкрасивши сажой на масле не только пол, но и стены до высоты 2-х аршин. При полном отсутствии мебели, особенно если кровать заперта на крюк, камера превращалась в настоящий катафалк <...>, а белый сводчатый потолок должен был соответствовать серебристой парче, служившей украшением его сверху»²⁰.

В конце 1884 года после самоубийства узника М. Ф. Клименко были заложены кирпичом два угла у дверей, таким образом камеры превратились в шестиугольные и уменьшились в объеме.

Эту странность формы отмечали многие узники Новой тюрьмы. Так, Н. Ростов писал: «Внутренний вид одиночки удивил меня своим необычным устройством. В камере было шесть углов. Дабы заключенный не укрывался от взоров стражи, передние два угла срезаны»²¹.

М. Ю. Ашенбреннер, узник 1884—1904 годов, сообщал: «Нас лишили 1/2 кубической сажени воздуха в камерах: углы камеры, прилежавшие к двери, заложили так, что четырехугольная маленькая камера стала шестиугольной»²².

Площадь камеры составляла 8,4 м², в ширину она имела 2,4 м, а в длину — 3,5 м. Невысокий свод потолка поднимался на высоту 2,8 м.

М. В. Новорусский называл свою камеру «каменным мешком», т. е. все здание тюрьмы состояло сплошь из железа и камня. «Из дерева были сделаны только рамы да подоконники — горизонтальные на коридоре и наклонные в камерах. Наклон был сделан под острым углом»²³. Массивные двери были обиты изнутри железом. В дверях сде-

ланы отверстия для подачи пищи и глазки для наблюдения, установленные французские замки со щеколдами.

Узник 1884—1896 годов И. П. Ювачев вспоминал: «время обеда <...> обозначалось похлопыванием дверных дощечек. Когда смотритель подошел к моей форточке и открыл ее ключом, она тяжело, со стуком отвалилась назад, изображая собой маленький стол около 7 вершков (31,5 см) длины и 5 вершков (22,5 см) ширины»²⁴.

В каждой камере против двери находилось одно небольшое окно с двойными рамами и решетками. Оно расположено высоко от пола и почти лишало заключенных дневного света.

Свидетельствуют узники.

И. П. Ювачев: «Окна с матовыми стеклами — под самым потолком, так что едва достасшь рукою его круто покатым подоконник»²⁵.

Л. Ф. Янович: «...окно в девять матовых стекол было вделано в стену так высоко, что, подняв руку, с трудом можно было достать первое стекло»²⁶.

М. Ю. Ашенбреннер: «Высокое расположение окна в камере, густая железная решетка, двойные рамы и летом и зимой отнимали много света, а матовые стекла создавали вечные сумерки в камерах. Это тянулось долго, достаточно долго, чтобы испортить зрение у всех, кому удалось остаться в живых... Лет через 10 или 12, когда у нас началось острое страдание глаз, нам вставили прозрачные стекла, и мы увидели, наконец, луну и звездное небо»²⁷.

Н. Ростов: «Окно в камере расположено так высоко, что, стоя на полу, можно было видеть только клочок неба»²⁸.

В верхней части оконной рамы находилась опускавшаяся на петлях маленькая форточка, которая плохо вентилировала камеру. М. Ю. Ашенбреннер вспоминал: «Оконная форточка откидывалась вниз и давала слишком мало свежего воздуха, потому что была связана железными полосами с другой форточкой в наружной раме и открывалась на небольшую щелку... Лет через 10—12 окно переделали так, чтобы откидывалась вниз верхняя часть рамы. Теперь мы сами могли открывать и закрывать форточку по своему усмотрению, приспособивши для этого две веревки»²⁹.

Документы сообщают, что оконные рамы были переделаны в 1892 году и в камерах перестало быть душно.

Обстановка камер состояла из наглухо заделанной в стену подьемной железной кровати, окрашенной масляной краской. Над кроватью была вделана железная вращающаяся ручка, которая прикрепляла кровать к стене с 6 часов утра до 8 вечера. Напротив размещались столик и стул, наглухо прикрепленные к стене.

Арестантская постель состояла из матраца мочального, обтянутого тиком, двух подушек с наволочками, байкового одеяла и простыни; кроме того, каждому арестанту выдавалось полотенце. «Белье мылось в прачечной, помещающейся вне тюремной ограды и не имеющей соединения с тюремным зданием»³⁰.

В каждой камере был поставлен отопляющий аппарат — «нагревательный чугун с прошивными ребрами»³¹. Узник 1886—1896 годов Л. Ф. Янович вспоминал, что калорифер, нагреваемый горячей водой,

стоял возле железной кровати, а у противоположной стены рядом со столиком был умывальник с краном, в углу ватерклозет с водопроводной трубой»³².

В здании Новой тюрьмы были проведены водопровод и канализация. Администрация тюрьмы обнаружила разговоры заключенных через трубы клозетов отдельных камер. Однако после ремонта канализационных труб в 1899 году всякая возможность подобных разговоров была совершенно устранена.

В период с 1884 по 1897 год камеры и коридор освещались керосиновыми лампами: «Лампы стенные с медными резервуарами в кельях и в коридоре»³³.

В 1887 году узник М. Ф. Грачевский, протестуя против тюремного режима, облил керосином из лампы свою одежду и поджег себя. После его смерти сейчас же во всех камерах переделали лампы и стали запирать их на замок³⁴. «Керосиновые лампы вставлялись в кольцо, на них накладывалось нечто вроде намордника, который вахмистр затворял замком; на лампы были наложены оковы»³⁵, — так писал Ашенбреннер.

В течение 20 лет облик и обстановка камер почти не менялись.

После долгой и упорной борьбы за улучшение своего положения узники добились того, что черная краска пола была заменена желтой, а стены были перекрашены в светло-голубой цвет. В камерах заменили матовые стекла прозрачными, улучшили вентиляцию; стала открываться вся верхняя часть рамы.

Наибольшие перемены произошли в тюремных дворах, где в 1886 году были устроены шесть огородов, отгороженных высокими заборами, а позднее появились парники. Узники получили возможность работать не только в них, но и в кузнице, и в столярной, токарной, переплетной мастерских. Самым большим завоеванием было разрешение на чтение книг. Получив письменные принадлежности и книги по разным отраслям знаний, народовольцы стали заниматься научной работой. Так, Н. А. Морозов, который провел в тюрьме 21 год, написал в последнее десятилетие несколько научных трудов по физике, химии, астрономии, математике и истории.

В 1905 году народовольцы были освобождены из Новой тюрьмы, но история ее не закончилась. После поражения первой русской революции 1905—1907 годов началось устройство каторжной тюрьмы в Шлиссельбургской крепости, для которой были построены новые тюремные здания. Ее узниками стали участники революционного движения 1905—1907 годов. В результате Февральской революции 1917 года все узники Шлиссельбурга были освобождены. Революционный комитет, созданный из освобожденных политкаторжан и рабочих Шлиссельбургского порохового завода, принял решение уничтожить тюремные здания крепости, вывезя оттуда все ценное имущество: оружие, продовольственные запасы, орудия труда и библиотеку. В час ночи с 4 на 5 марта Шлиссельбургская крепость была подожжена. Политкаторжанин И. П. Вороницын об этом событии писал: «Несколько ночей огромным красным факелом, освещая ладожские дали, горела старая тюрьма (имеется в виду Шлиссельбург в целом. — Г. И.).

Символический маяк на грани уходящего в мрак забвения старого мира»²⁶.

В 1925—1926 годах Шлиссельбургская крепость была передана в ведение Морского ведомства и в ней разместился артиллерийский дивизион²⁷.

В 1925 году по постановлению СНК РСФСР стены, башни крепости и ее историко-революционные памятники были взяты под государственную охрану и переданы органам Наркомпроса²⁸.

Наркомпросу было поручено организовать музей в Шлиссельбургской крепости, присоединив его в качестве филиала к Ленинградскому музею революции, разработать план реставрации крепости. На первоочередные восстановительные работы было отпущено 50 000 рублей из резервного фонда СНК РСФСР. Их проведение было поручено Ленинградскому отделению Главнауки, в подчинении которого находилась Ленинградская реставрационная мастерская. В помощь реставраторам была составлена специальная комиссия из представителей Музея революции и Шлиссельбургского землячества Всесоюзного общества политкаторжан.

Во время Великой Отечественной войны гарнизон Орешка, героически отражая нападение врага, выдержал многомесячную тяжелую осаду. В результате артиллерийских обстрелов многие памятники крепости сильно пострадали. На здании Новой тюрьмы была уничтожена крыша, частично разрушены стены сооружения, имелось множество пробоин от снарядов и повреждений от осколков. В 1960—1962 годах Новая тюрьма была восстановлена в первоначальном виде. В ней воссозданы мемориальные камеры народовольцев, открыта экспозиция, посвященная им, в которой представлены подлинные вещи узников Шлиссельбургской крепости.

¹ ЦГАОР. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 4.

² ЦГВИА. Ф. 802. Оп. 5. Ед. хр. 7544. Л. 4-4 об.

³ С августа 1870 года в Шлиссельбургскую крепость была переведена Выборгская военно-исправительная рота, замененная в 1879 году дисциплинарным батальоном. См.: *Венедиктов-Безюк Д. Г.* По казематам Шлиссельбургской крепости. М., 1931.

⁴ ЦГВИА. Там же. Л. 1 об.-2.

⁵ Там же. Л. 172.

⁶ Там же. Л. 193-193 об.

⁷ Там же. Л. 232-232 об.

⁸ Там же. Л. 5 об.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 6 об.

¹¹ ЦГАОР. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1327. Л. 3-3 об.

¹² Там же. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 10 об., 11 об.

¹³ См.: *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Т. 2. М., 1964. С. 8.

¹⁴ ЦГАОР. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 10 об.

¹⁵ *Новорусский М. В.* Записки шлиссельбуржца. Пг., 1920. С. 47-49.

¹⁶ *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 9-10.

¹⁷ *Герцони Гр.* Из недавнего прошлого. М., 1917. С. 162-163.

¹⁸ ЦГАОР. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 11.

¹⁹ *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 12.

²⁰ *Новорусский М. В.* Указ. соч. С. 49.

²¹ *Ростов Н.* За той стеной // На каторжном острове. Л., 1966. С. 114-115. Н. Ростов — литературный псевдоним узника крепости 1912-1916 годов Д. М. Бельского.

²² *Ашенбреннер М. Ю.* Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет. 1884-1904 гг. // Былое. 1906. № 1. С. 77.

²³ *Новорусский М. В.* Указ. соч. С. 46.

²⁴ *Ювачев И. П.* Шлиссельбургская крепость. М., 1907. С. 49.

²⁵ *Он же.* Указ. соч. С. 29.

²⁶ *Янович Л. Ф.* Воспоминания. СПб., 1907. С. 40.

²⁷ *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 61-62.

²⁸ *Ростов Н.* Указ. соч. С. 114-115.

²⁹ *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 63-64.

³⁰ ЦГАОР. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1327. Л. 23 об.

³¹ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 11.

³² *Янович Л. Ф.* Указ. соч. С. 40.

³³ ЦГАОР. Ф. 102. Д. 5. Оп. 127. Ч. II. Ед. хр. 5213. Прил. Л. 265 об.

³⁴ *Волкентейн Л. А.* Из тюремных воспоминаний. Л., 1925. С. 58.

³⁵ *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 75.

³⁶ *Вороницын И. П.* Из мрака каторги 1905-1907. Харьков, 1922. С. 150.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 1277. Л. 86, 95.

³⁸ Там же. Л. 93.

А. И. БАРАБАНОВА

Место казни первомайцев

«3 апреля между 9 и 10 часами утра на Семеновском плацу в Петербурге приняли мученический венец социалисты: крестьянин Андрей Желябов, дворянка Софья Перовская, сын священника Николай Кибальчич, крестьянин Тимофей Михайлов и мещанин Николай Рысаков», — так говорится в листовке, изданной Исполнительным комитетом «Народной воли» 4 апреля 1881 года. О том, что первомайцы, т. е. осужденные по делу о состоявшемся 1 марта 1881 года покушении на Александра II, были казнены на Семеновском плацу, известно и из других источников — официального отчета¹, воспоминаний современников. Но ныне плац не существует, его территория в большей части застроена. Автор статьи поставила задачу определить точное место, где совершилось трагическое событие. Для этого прежде всего нужно было выяснить, на каком участке плаца произошла казнь, и соотнести это место с современной планировкой территории.

В те годы Семеновский плац занимал огромную площадь, примерно 800 x 600 м, простиравшуюся от Загородного проспекта до Обводного канала и от Звенигородской улицы до Введенского канала, ныне засыпанного. На северо-западной и северо-восточной сторонах плаца, т. е. вдоль Загородного проспекта и Звенигородской улицы, стояли казармы, в основном Семеновского полка. С юго-западной стороны, вдоль Введенского канала, тянулась узкая лента железной дороги. Она начиналась от Царскосельского вокзала, скромное каменное здание которого находилось примерно на месте нынешнего Витебского, построенного в 1904 году. По другому берегу канала тоже располагались казармы².

В конце 1880 года северо-восточная половина плаца, прилегавшая к Звенигородской улице, была занята ипподромом. Против Николаевской улицы (ныне улица Марата), в 45 метрах от края плаца был построен павильон, по сторонам от него — трибуны, перед которыми были устроены беговые дорожки, имевшие в плане вид вытянутого овала, а вокруг них — «высокая ограда, препятствовавшая даровой публике следить за бегам». 28 декабря 1880 года здесь состоялись первые бега³.

Официальный отчет о казни первомайцев не указывает, где

именно стоял эшафот. Документов, связанных с постройкой виселицы, не оказалось ни в фонде Канцелярии петербургского градоначальника⁴, распоряжением которого производились работы⁵, ни в фонде губернского правления, ведавшего исполнением приговоров⁶. Но есть другие источники, содержащие нужные сведения, это — газетные сообщения, воспоминания очевидцев и рисунки, сделанные с натуры.

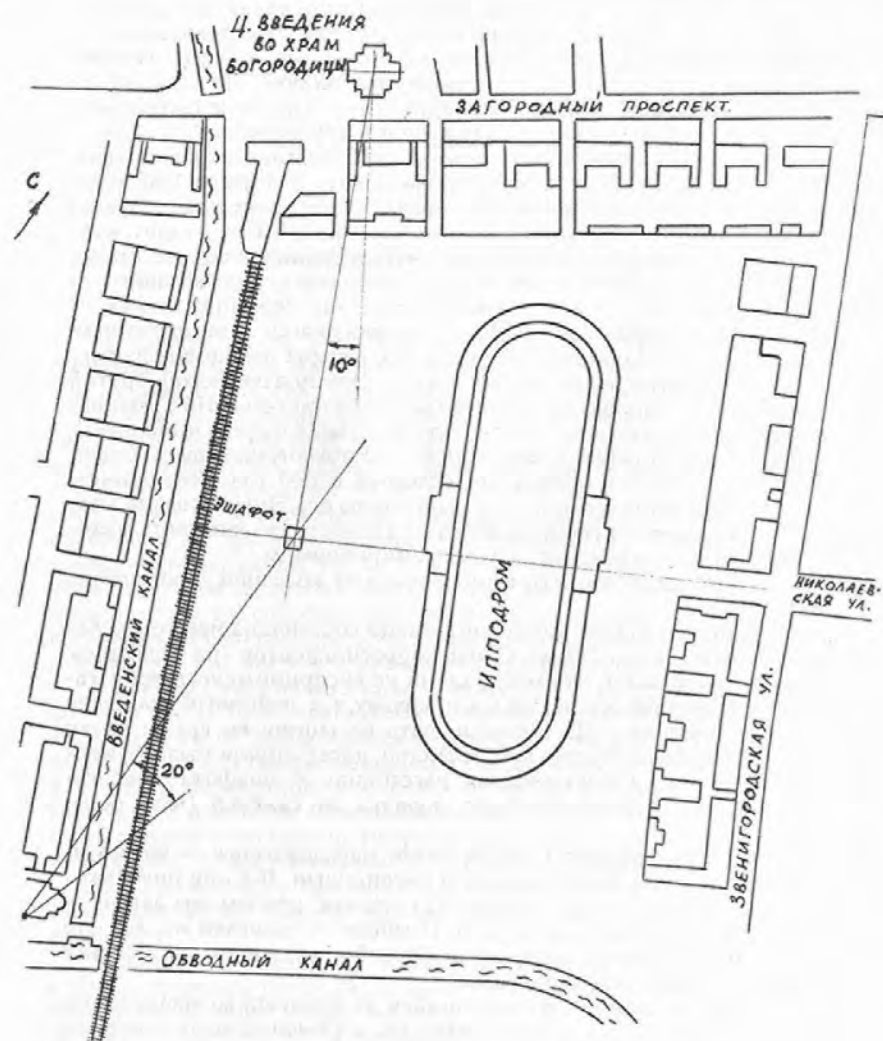
Некоторые газеты поместили заметки собственных корреспондентов, присутствовавших на Семеновском плацу 3 апреля 1881 года. Сотрудник «Московских ведомостей» писал: «Посредине плаца, прямо против Николаевской улицы, поставлена виселица»⁷. Ему вторит журналист петербургской газеты «Порядок»: «На середине плаца, на линии, составляющей прямое продолжение Николаевской улицы, воздвигнута виселица». Указания — «посредине плаца», «на середине плаца» не следует понимать буквально, тем более что центр всей этой территории лежал в пределах ипподрома. Несомненно, авторы имели в виду пустовавшую юго-западную половину плаца. Это подтверждает третий корреспондент, сообщавший в «Петербургском листке»: «На Семеновском плацу, за ипподромом, как раз против самого буфета ипподрома, был приготовлен эшафот с виселицей»⁸. Упомянутый здесь буфет, видимо, располагался в павильоне, который в 1881 году был единственным зданием ипподрома и замыкал собою ось Николаевской улицы. Таким образом, из сообщений газет следует, что виселица находилась против Николаевской улицы, за ипподромом.

На каком же расстоянии от ипподрома и от железной дороги стоял эшафот?

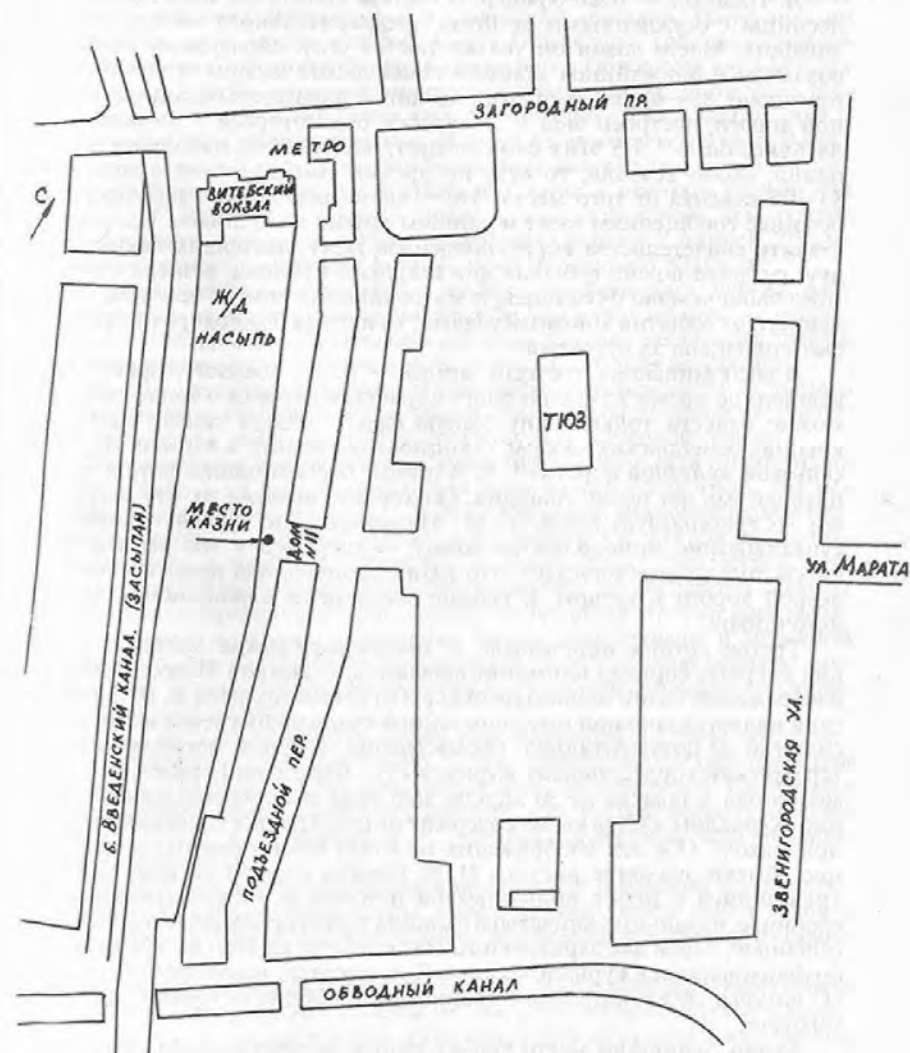
Ширина юго-западной половины плаца составляла немногим более 100 саженей (около 213 м). Слова корреспондентов «на середине», «посредине» указывают, что место казни не воспринималось прилегающим ни к железной дороге, ни к ипподрому, т. е. действительно было недалеко от середины. Да иначе и быть не могло: во время казни вокруг эшафота было пустое пространство, далее стояли расположенные в каре войска⁹. Следовательно, расстояние от эшафота до железной дороги и до ипподрома было порядка 50 саженей (чуть более 100 м).

Второй род источников о месте казни народовольцев — воспоминания. Известны три описания казни очевидцами. Все они опубликованы уже в XX веке, между 1908 и 1919 годами, причем два автора — В. К. (фамилия не установлена) и Л. Плансон — записали их, как это явствует из текста, через много лет после события; время составления воспоминаний Пфейлем неизвестно.

Фон-Пфейль — офицер, находившийся на площади во время казни по обязанности службы. «Если подходить к Семеновскому плацу со стороны Николаевской, — вспоминал он, — виднелись несметные толпы народа. Но скаковые беседки загромождали место казни, и только тогда, когда минуешь их, видишь страшное зрелище. Посредине плаца возвышались, поджидая жертв, окрашенные в черный цвет виселицы»¹⁰. Так же, как корреспонденты, Пфейль свидетельствует, что действие происходило за ипподромом, против трибун, «посреди плаца», причем имеет в виду юго-западную, свободную его половину.

Семеновский плац. 1881 г. Схема.

Территория б. Семеновского плаца в настоящее время.
Схема.

Л. Плансон — тоже офицер. В составе конвоя он сопровождал колесницы с осужденными от Дома предварительного заключения до эшафота. Место казни он указал так: «в углу, образуемом прежним вокзалом и ближайшим зданием семеновских казарм, в расстоянии, примерно, 30—40 сажен от этих зданий и параллельно линии железной дороги, построен был <...> помост, над которым <...> возвышалась виселица»¹³. Из этих слов следует, что эшафот находился в углу плаца, около вокзала, то есть не против Николаевской улицы, а в 85—95 саженях от того места. Это — единственное сведение, противоречащее сообщениям газет и данным других источников. Если сопоставить свидетельства корреспондентов газет, писавших независимо друг от друга в день события для широкой публики, в числе которой тоже было немало очевидцев, и воспоминание одного человека, отдаленного от события многими годами, то истина безоговорочно должна быть признана за первыми.

В воспоминаниях третьего автора — В. К., военного, присутствовавшего во время казни по долгу службы, к вопросу о месте события можно отнести только одну общую фразу: «Люди сидели также на крышах семеновских казарм, станционных зданий и вагонов Царско-сельской железной дороги»¹⁴. В. К. писал воспоминания спустя тридцать восемь лет после трагедии. Он хорошо помнил то, что потрясло его — трехкратную казнь Т. М. Михайлова. Но детали — хотя бы существование ипподрома на плацу — стерлись в его памяти. Его фраза только подтверждает, что казнь происходила невдалеке от железной дороги и казарм, и вполне согласуется с указаниями других источников.

Третья группа источников — иконографические материалы. На них впервые обратил внимание краевед А. Г. Петров. Известны шесть изображений казни первомартовцев. Огромное полотно В. В. Верещагина является вольной интерпретацией художником темы казни и абсолютно не документально. Иллюстрация, автором которой был петербургский корреспондент журнала «The Illustration London news», помещенная в номере от 30 апреля 1881 года и перепечатанная в 1917 году журналом «XX век», не содержит определенных топографических признаков¹⁵. Оба эти изображения не могут быть приняты во внимание. Имеют значение рисунок Н. Н. Бунина с датой на нем: «...1881», хранящийся в Музее политической истории и воспроизведенный в сборнике, изданном Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев¹⁶, затем две зарисовки А. Насветевича из того же хранилища, опубликованные в журнале «Былое»¹⁷, и, наконец, акварель с надписью «С натуры. 1881 г. Сафонов», хранящаяся в Музее истории Санкт-Петербурга.

Бунин, занявший место юго-восточнее эшафота, изобразил его на фоне находящейся в отдалении церкви Введения во храм Богородицы, которая стояла на Загородном проспекте¹⁸. На рисунке видно, что эшафот был построен не прямо против церкви, а несколько левее ее, с отклонением от оси здания градусов на десять, что подтверждается неравными расстояниями между малыми куполами и большими.

Две зарисовки Насветевича сделаны с другого угла эшафота —

с северного. На одной из них показана церковь Св. Мирония, которая стояла у слияния Введенского и Обводного каналов. Ныне она не существует, но в Музее истории Санкт-Петербурга хранится снимок ее, сделанный с противоположной стороны, от Обводного канала¹⁹. На нем силуэт церкви зеркально повторяет очертание ее на рисунке Насветевича, т. е. фотограф стоял под тем же углом к оси здания, что и Насветевич, но с другой стороны. Исходя из этого, оказалось возможным точно вычислить угол, образованный диагональю церкви и линией, соединяющей место, где стоял художник, с центром церкви. Он равен 16,5°. Эшафот находился ближе к железной дороге, чем художник, следовательно, угол между диагональю церкви и линией, соединяющей эшафот с центром церкви, приблизительно равен 20°.

Сафонов изобразил эшафот с востока, на фоне двух зданий, расположенных на сравнительно небольшом удалении от него — несомненно, это казармы за Введенским каналом. Однако связать эти здания с определенными сооружениями на плане местности не удастся.

На всех рисунках эшафот показан поставленным среди большого незастроенного пространства и ориентированным лицевой стороной, со ступеньками, к ипподрому, а тыльной — к железной дороге.

Определенные выше размеры углов позволяют найти по рисункам место эшафота на плане плаца. Для этого нужно посмотреть, где пересекутся две линии: одна — от церкви Введения, отклоняющаяся градусов на десять от ее оси, другая — от церкви Св. Мирония, составляющая угол в двадцать градусов с ее диагональю. Разумеется, точность такого определения из-за погрешностей не абсолютна. Тем не менее место пересечения этих линий оказывается против Николаевской улицы в середине расстояния между ипподромом и железной дорогой или несколько ближе к железной дороге. Таким образом, место казни, установленное по рисункам, полностью совпало со свидетельствами очевидцев.

Итак, координаты места казни народовольцев в одном направлении определяются вполне точно — это продолжение Николаевской улицы, а в другом более приблизительно — серединой расстояния между ипподромом и железной дорогой, или точкой несколько более близкой к железной дороге (т. е. порядка пятидесяти или немного менее саженей).

Место казни первомартовцев в конкретной городской среде определяется сопоставлением плана Семеновского плаца 1880-х годов с показанной на нем установленной выше точкой и современного плана этой территории.

В 1890 году юго-западная, свободная от ипподрома половина плаца была рассечена ломаной линией от Загородного проспекта до Обводного канала на две половины, из которых прилегающая к ипподрому была отчуждена в военное ведомство²⁰, а другая, видимо, оказалась в железнодорожном. В начале XX века был построен новый вокзал, возведена высокая насыпь, в несколько раз расширено железнодорожное полотно, которое заняло всю эту полосу. На территории военного ведомства вдоль линии отчуждения шло строительство зданий, и образовалась улица, которая соединила Загородный проспект с набережной

Обводного канала²¹ (в настоящее время — Подъездной переулок). Между застройкой этой улицы и железнодорожным полотном остался проезд, который не имеет названия. С одной его стороны — путевая насыпь, с другой — глухие стены домов, идущих по Подъездному переулку.

При совмещении планов этой территории 1880-х годов и современного видно, что Николаевская улица пересекает Подъездной переулок по участку дома № 11, а точка на ней, равноудаленная от ипподрома и нитки железной дороги, падает на проезд без названия позади этого участка.

Таким образом, место, где 3 апреля 1881 года происходила казнь первомартовцев, расположено за домом № 11 по Подъездному переулку и приходится на безымянный проезд или даже железнодорожные насыпи. К 110-й годовщине казни в апреле 1991 года участники движения «Юные за возрождение Петербурга» установили памятную доску на торцевой стороне каменного флигеля здания во дворе дома № 11 по Подъездному переулку²².

¹ Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. II. М.: Л., 1965. С. 236.

² См.: Процесс 1 марта 1881 г. СПб., 1906. С. 254.

³ План Санкт-Петербурга. Снят в 1882 г. СПб.: Картографическое заведение Ильина, 1884; План Санкт-Петербурга. Приложение к Табелю Санкт-Петербурга. 1889; План Московской части Петербурга (1860-х гг.). ГМИ СПб, № 5673 и.

⁴ См.: Велихов Л. А., Красовский А. А. Исторический очерк деятельности петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства. 1861—1911. СПб., 1911. С. 74, 75.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 569.

⁶ ЦГАОР. Ф. 122. Оп. VII. Ед. хр. 40. Л. 2—3. Счет градоначальника за расходы по установке и разборке эшафота.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 254.

⁸ Московские ведомости. 1881. 4 апр. С. 2. Перепечатано московскими газетами: Современные известия. 1881. 5 апр. С. 3; Русский курьер. 1881. 5 апр. С. 1; Всеобщая газета. 1881. 14 апр. С. 119.

⁹ Порядок. 1881. 4 апр. Перепечатано петербургской газетой: Страна. 1881. 5 апр. С. 3.

¹⁰ Петербургский листок. 1881. 4 апр. С. 1.

¹¹ Официальный отчет о казни. Процесс 1 марта 1881 г. С. 257. Фон-Пфейль. Последние годы императора Александра II // Новый журнал литературы, искусства, науки. 1908. № 4. С. 57.

¹² Фон-Пфейль. Там же.

¹³ Плансон Л. Казнь царевичей // Исторический вестник. 1913. Февраль. Т. 31. С. 529.

¹⁴ В. К. Несколько слов о казни царевичей 3 апреля 1881 г. // Былое. 1919. Т. XV. С. 135.

¹⁵ XX век. 1917. № 166. С. 9.

¹⁶ 1 марта 1881 г. Воспоминания участников и современников. М., 1931. С. 33.

¹⁷ Былое. 1918. № 4—5. С. 319, 329.

¹⁸ ГМИ СПб. Негатив № 27229/1.

¹⁹ Фотоснимок № 2679 ф.

²⁰ План Санкт-Петербурга Санкт-Петербургской городской думы. 1908.

²¹ План Ленинграда. Приложение к Указателю улиц и проездов Ленинграда. Л., 1939.

²² Краткие упоминания о точном месте казни первомартовцев со ссылкой на автора данной статьи уже приводились в изд.: Кириков Б. М., Марголис А. Д. Пионерская площадь. Л., 1983. С. 69; Барабанова А. И., Ямщикова Е. Я. Народовольцы в Петербурге. Л., 1984. С. 157.

Б. М. КИРИКОВ

Подъездной переулок (Из истории Семеновского плаца)

Этот небольшой, изогнутой формы проезд проходит от Загородного проспекта до Обводного канала. Он разделяет Пионерскую площадь и железнодорожную линию, берущую начало от Витебского вокзала. История формирования и наименования Подъездного переулочка чрезвычайно запутана. Она представляет собой планировочную и топонимическую головоломку. Возникнув еще в 1830-х годах как служебный «подъезд» к железнодорожной станции на территории Семеновского плаца, он не раз перемещался, менял свою трассу и протяженность. Границы переулочка окончательно определились в начале XX века.

Обширный плац лейб-гвардии Семеновского полка был создан на рубеже XVIII—XIX веков. Эта крупнейшая в Петербурге площадь, обстроенная по периметру казармами, первоначально занимала территорию между современными Загородным проспектом и Обводным каналом, Звенигородской и Рузовской улицами¹. Через несколько лет в западной части плаца прорыли Введенский канал (ликвидирован в 1969 году). В 1836—1837 годах вдоль канала был сооружен комплекс строений для станции первой в России Царскосельской железной дороги. Главное станционное здание стояло немного в стороне от Загородного проспекта, и к нему подъезжали по территории плаца.

«Подъезд к станции» явился первым предшественником существующего переулочка. Он отходил от проспекта в глубь площади. Слева от «подъезда» располагался офицерский флигель Семеновского полка, стоявший примерно на месте станции метро «Пушкинская», справа — станционные здания.

В 1849—1852 годах по проекту архитектора К. А. Тона был возведен каменный Царскосельский вокзал. Главный фасад его размещался на красной линии Загородного проспекта. Однако «подъезд» оставался почти на прежнем месте. Он проходил вдоль бокового фасада станции, раскрытого высокой аркадой в сторону платформы.

Постепенно некогда свободное пространство Семеновского плаца становилось все более затесненным. В 1880 году в его восточной части — там, где ныне находится Пионерская площадь — устроили ипподром Императорского общества поощрения рысистого коннозавод-

ства. Большая и малая трибуны ипподрома были вновь сооружены в 1889 и 1891 годах по проектам Л. Н. Бенуа. К ним вели от проспекта две трассы — Беговой переулком с продолжавшим его Замощенным проездом и Егерский переулком. Эти названия были даны в 1887 году. 16 апреля того же года появилось официальное наименование «Подъездной переулком»: так стали называть прежний подъезд к станции², который соединялся со Зверевским проездом, тянувшимся у самой линии железной дороги до Обводного канала.

На рубеже XIX—XX веков в жизни переулком произошли важные перемены. Сначала изменилось его окружение, а потом — и трасса самой улицы.

В 1895 году рядом с офицерским флигелем был сооружен новый корпус казарм Семеновского полка (ныне — Подъездной пер., 1, левая часть; здание надстроено). Эта постройка вызвала язвительный отклик в архитектурной печати за допущенные в отделке фасада безграмотные формы³. Через пять лет был наполовину разобран офицерский флигель, а его оставшаяся часть перестроена для Управления С.-Петербургской сетью Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (это здание, также надстроенное, заключено между павильоном метрополитена и корпусом казарм 1895 года).

В 1900 году Царскосельская железная дорога перешла в собственность Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Военное ведомство дополнительно уступило этому обществу за 400 тысяч рублей узкую полосу плаца вдоль старого рельсового пути. Одновременно началось создание нового крупного комплекса станционных сооружений.

В 1901—1904 годах под руководством архитектора С. А. Бржозовского был возведен новый вокзал — ныне Витебский. Это здание расположено с неглубоким отступом от красной линии проспекта, перед ним — небольшая Витебская площадь. При его проектировании предписывалось оставить между зданием вокзала и бывшим офицерским флигелем Семеновского полка проезд шириной в 10 саженей (21,3 метра)⁴. В результате прежний Подъездной переулком, прилегавший к станции, превратился в просторную привокзальную площадку. Она называлась «станционным двором прибытия» — сюда выходили приезжавшие по железной дороге. Этот «двор», отгороженный от плаца забором, а от Загородного проспекта — воротами, предназначался для стоянки извозчиков. Продолжением его служил сквозной проезд вдоль железнодорожной насыпи, подводивший к почтовой платформе и к пакгаузу для «грузов большой скорости».

С 1910-х годов название «Подъездной» перешло на соседний переулком — бывший Егерский. Он пролегал чуть ближе к нынешней Пионерской площади. Подъезжали по нему с Загородного проспекта уже не к вокзалу, а к малой трибуне ипподрома, перестроенной в 1904 году по проекту архитектора В. П. Цейдлера⁵. Но трасса переулком отвечала и в сторону железнодорожной насыпи, где сочленялась со Зверевским проездом. Этот второй Подъездной переулком был намного короче, чем ныне существующий. Он доходил примерно до современной улицы Марата. Когда в начале XX века он был продлен до набе-

режной Обводного канала, его новый отрезок — «проектируемая улица» — позаимствовал после 1911 года название соседнего Зверевского проезда, ставшего безымянным.

Продолжение переулком в сторону Обводного канала было намечено на планах 1906—1909 годов. В это время последний свободный участок Семеновского плаца — между ипподромом и железной дорогой — отвели для нового военного городка. Генеральное решение «проектируемой улицы», соединявшейся под углом с Егерским (затем Подъездным) переулком, принадлежало военному инженеру И. Л. Балбашевскому⁶. Он же стал автором (или соавтором) проектов всех сооружений здесь казарменных зданий.

С правой стороны новой улицы в течение пяти лет (1906—1911) был создан комплекс зданий 1-го железнодорожного батальона, который нес охрану Императорского павильона, возведенного в 1900—1901 годах С. А. Бржозовским у Введенского канала. Первыми в 1906—1907 годах были построены офицерский флигель с квартирами и казармы на 60 нижних чинов (Подъездной пер., дома 9 и 11, последний — надстроен). Затем в 1908 году — батальонный штаб и казармы при нем (дома 7 и 5, надстроены). Тогда же Балбашевским и военным инженером А. А. Энгельке спроектированы офицерский флигель (дом 3), обращенный главным фасадом в сторону небольшого проезда, ведущего к вокзалу, и протяженное здание казарм на 500 человек (дом 13, надстроен). Наконец, в 1911 году Балбашевский и военный инженер Г. В. Бартошевич приступили к сооружению офицерского корпуса квартирного типа и казармы, предназначавшихся для учебной команды батальона (дома 17 и 19, надстроены). В состав комплекса входили также манеж (дом 15), мастерские и склады, караульный домик.

Создание городка 1-го железнодорожного батальона продолжило традицию казарменного строительства на Семеновском плацу. Правда, если застройка начала XIX века окаймляла территорию по периметру, то новый комплекс поглотил часть пространства самого плаца. Здания железнодорожного батальона можно связать с архитектурой модерна, но, так сказать, «сниженного» уровня. Осуществленный в 1910-х годах ансамбль зданий 1-й автомобильной роты и Военно-автомобильной школы, расположенный с другой стороны современного Подъездного переулком, трактован уже в характере неоклассицизма. Стилистая двойственность застройки новой улицы отразила и общий поворот столичной архитектуры к ретроспективизму и, очевидно, ориентацию на средовой контекст — первоначальное классицистическое обрамление Семеновского плаца.

Проект комплекса зданий автомобильной роты, включавшего офицерский флигель (дом 8), казарму (дом 16), гараж и службы (дом 18), составил И. Л. Балбашевский при участии военных инженеров П. В. Миклашевского и Г. В. Бартошевича⁸. Торги на постройку казармы состоялись в октябре 1910 года⁹. Летом 1915 года была учреждена Военно-автомобильная школа. Возведение группы трехэтажных зданий для школы (дома 4, 6 и 10) завершилось в 1916 году¹⁰. Этот комплекс представляет добротный образец поздней петроградской неоклассики и является главным акцентом в застройке участка. Автор проекта до-

кументально не установлен, но скорее всего им был тот же Балбашевский.

Осуществленный в 1906—1916 годах военный городок образовал два узких вытянутых квартала по сторонам Подъездного (бывшего Егерского) переуллка и продолжавшей его вновь проложенной улицы, на которую перенесли наименование Зверевского проезда. Двойное обозначение единой, по существу, улицы сохранялось до 1947 года, когда она, наконец, получила общее название: Подъездной переулок. Впоследствии на пустовавших участках были сооружены здания различного назначения. Среди них выделяется школа (дом 14/92), построенная в 1952 году по типовому проекту Л. Е. Асса и А. С. Гинцберга, автор фасада — С. М. Монозон. На месте ипподрома, разрушенного в период блокады, создана Пионерская площадь, спланированная архитекторами А. В. Жуком и С. Г. Майофисом¹¹.

Предшественники существующего Подъездного переулка не исчезли бесследно. Проезд между Витебским вокзалом и станцией метро «Пушкинская», а также площадка позади нее напоминают о превращениях «подъезда к станции» в первый Подъездной переулок, а потом в станционный двор прибытия. Ныне этот короткий проезд называется Винокурцевским — в память сотрудника милиции П. Д. Винокурцева, погибшего на посту во время вражеского обстрела в 1941 году. Можно отыскать и следы старого Зверевского проезда — это тополиная аллея между дворами нечетной стороны Подъездного переулка и железнодорожной насыпью.

¹ История формирования и застройки Семеновского плаца рассмотрена в кн.: Кириков Б. М., Марголис А. Д. Пионерская площадь. Л., 1983.

² Табель домов и улиц С.-Петербурга. СПб., 1888. С. 212.

³ Неделя строителя. 1895. № 24. С. 128.

⁴ Неделя строителя. 1901. № 1. С. 1.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Ед. хр. 5398.

⁶ ЦГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 35. Ед. хр. 6436, 6472.

⁷ Там же. Ед. хр. 6436, 6472, 6476, 6482, 6487, 6545, 6546.

⁸ Там же. Оп. 32. Ед. хр. 2412, 2413, 2414, 2417, 2418, 2420 и др.

⁹ Зодчий. 1910. № 40. С. 397.

¹⁰ Зодчий. 1916. № 36. С. 331.

¹¹ См.: Жук А. В. Проект Ленинградского театра юных зрителей // Архитектура и строительство Ленинграда. 1956. № 4. С. 46—47.

М. Э. ГИЗЕ

**Петр Ермолаев и Михаил Семенов — создатели
иллюстраций к книге А. К. Нартова
«Театрум Махинарум»**

В Петербурге при учрежденной в 1724 году Академии наук для проведения научных исследований были образованы мастерские, называемые в то время палатами. Уже в 1726—1727 годах начали работать самостоятельно три палаты: Оптическая («перспективных трубок и микроскопиев»), Инструментальная и Слесарная. В 1736 году они были объединены в «Лабораторию механических и инструментальных наук» Андреем Константиновичем Нартовым, пришедшим в том же году на службу в Академию наук.

Нартов — крупный специалист в области станкостроения и холодной обработки металлов — имел уже большой опыт работы на монетных дворах Москвы и Петербурга. Под его управлением Лаборатория стала ведущим центром русского приборостроения первой половины XVIII века. В опубликованном в 1743 году «резэстр» перечислено более сотни изготавливаемых в ней разнообразных приборов и инструментов. В Лаборатории делалось все или почти все, что требовалось для снаряжения армии и флота, проведения научных исследований, оснащения многочисленных в то время научных экспедиций и заводских мастерских, строительства гражданских и промышленных сооружений и для всевозможных школ и училищ, готовивших специалистов самых разных профессий. Все это создавалось штатом работников высокого профессионального уровня, численность которых обычно не превышала 16—18 человек.

Наиболее известными мастерами палат, объединенных в Лабораторию, в различные периоды были И. И. Калмыков, И. Е. Беляев и его сын И. И. Беляев, П. О. Гольнин, Н. Г. Чижов, П. Д. Кесарев, А. И. Колотошин, Ф. Е. Тирютин, И. Леонтьев и, конечно же, А. К. Нартов и И. П. Кулибин.

Гораздо менее известны имена Петра Ермолаева и Михаила Семенова, близких А. К. Нартову учеников, а возможно, и друзей. Далеко не полные сведения о них часто встречаются в работах, касающихся А. К. Нартова. Их упоминают и другие издания, но при определении служебного положения и круга выполняемых ими обязанностей легко

обнаруживаются разночтения. Даже в капитальном труде по истории Академии наук, изданном в конце XIX века, Петр Ермолаев называется то копиистом, то подмастерьем механического дела, то учеником токарного дела¹. В указателе имен изданного Государственным Эрмитажем каталога² Михаил Семенов упомянут как механик. В специальном труде о русском приборостроении о Петре Ермолаеве написано как об «ученике рисовальной палаты» Академии наук, а о Михаиле Семенове — как о «подмастерье рисовальной палаты середины XVIII века»³. В Истории Академии наук, изданной в 1958 году, их имена вообще опущены⁴.

Изучение литературных источников и архивных дел, хранящихся в С.-Петербургском отделении архива РАН, позволяет с достаточной полнотой восстановить биографические данные двух учеников и сотрудников А. К. Нартова.

Судьбы Петра Ермолаева и Михаила Семенова кажутся порой настолько сходными, что расчленив их в коротком очерке достаточно трудно, тем более что большинство архивных документов касается одновременно обоих. Оба родились в 1713 году в Петербурге. Их отцы были приписаны к ведомству Канцелярии от строений. Петр Ермолаев был «каменщиков сын»⁵, сведений об отце Михаила Семенова не сохранилось. С малолетства, как они писали, были «по той же команде к разным архитекторам отданы», где обучались «арифметике, геометрии и копированию архитектурных чертежей»⁶. Они сами свидетельствовали о том, что основное образование получили в архитектурной команде зодчего Михаила Земцова. Он был, как известно, прекрасным педагогом и обучал своих учеников не только необходимым в практике профессиональным навыкам, но давал и определенную теоретическую подготовку, знакомя с архитектурными ордерами «по Виньоле», после чего ученики переходили к «составлению чертежей, а затем к работе на строительстве»⁷.

В 1731 году по требованию А. К. Нартова Ермолаев и Семенов были взяты от архитектора Земцова в «собственную токарню Императора Петра Великого»⁸. Земцов и бывший некогда царским токарем Нартов хорошо знали друг друга. Оба в свое время работали в Летнем саду: Нартов — в придворной токарне, Земцов — по благоустройству Летнего сада и занимался фиксационными чертежами существующих там зданий.

Из документов известно, что Нартов затребовал учеников, чтобы обучать их «в черчении всяких курьезных махин и инструментов», изображениями которых он хотел снабдить свою будущую книгу, названную им «Театрум Махинарум». Книга была задумана как пособие для всех русских мастеров токарного дела. В ней был отражен весь большой опыт Нартова — механика-станкостроителя и токаря-художника. Он справедливо полагал, что Петр Ермолаев и Михаил Семенов, научившись у Земцова «составлению и чтению архитектурных чертежей», смогут под его руководством овладеть трудностями неизвестного им машиностроительного черчения. А работа, к которой он хотел их подготовить, была действительно трудной.

Они должны были справиться с задачей перспективного изобра-

жения делавшихся в Токарне инструментов и станков, в том числе и сложных токарно-копировальных «куриозных» махин, которые получили свое наименование от того, что на них вытачивались всевозможные «куриозные» вещи из слоновой или моржовой кости и из различных твердых пород дерева. Это были сюжетные или орнаментальные композиции, располагавшиеся на предметах различного размера и конфигурации, памятные медали и медальоны, сложные по пластике кубки, всевозможные витиеватые настольные украшения — словом, все, что соответствовало характеру убранства интерьеров того времени.

Ермолаев и Семенов были призваны не только фиксировать сложные конструктивные элементы всевозможных станков. Ради придания книге привлекательного вида им надлежало наделить изображения декоративными элементами, полностью или частично отсутствующими в конструкции станков. Таким образом техническим чертежам должен был придаваться характер художественных графических композиций.

Денежное вознаграждение, получаемое Ермолаевым и Семеновым в придворной токарне, было весьма скромным. Дворцовая контора строений домов и садов выплачивала каждому по 3 рубля 50 копеек в месяц. Они усердно работали и вскоре стали незаменимыми и верными помощниками Нартова. Летом 1733 года Нартов, получивший назначение в Московскую монетную канцелярию, взял с собой «механических дел учеников». Нартов писал: «Они были при мне всегда, как при науке, так и при всяких случившихся к работам в рисовании и чертежах безотлучно»⁹. Уже в следующем году Монетная канцелярия и сам Нартов поднимали вопрос об их награждении и о прибавке им жалованья «по 4 рубля каждому в месяц». Денег они этих, впрочем, ни тогда, ни после так и не получили, отчего, по словам Нартова, «пришли в самое крайнее убожество»¹⁰.

С 1735 года судьбы Петра Ермолаева и Михаила Семенова оказались навсегда связанными с петербургской Академией наук. Они были отозваны из Москвы обратно в штат все еще действовавшей придворной Токарни, которая вскоре после смерти Петра I была передана в ведение Академии наук «со всеми находившимися во оной мастерскими людьми»¹¹ и оборудованием. Исключение составляли бывшие в ней ранее токарно-копировальные станки. Еще до отъезда в Москву Нартов перевез их из Токарни в пустующий Итальянский дом на Фонтанке, боясь оставить без присмотра. Для Нартова они были исторической реликвией, связанной с памятью о Петре I, иногда работавшем на них. Кроме того, он не терял надежды выполнить на этих станках поручение, данное Петром I еще в 1721 году, — выточить Триумфальный столп из слоновой кости, задуманный императором во славу побед русского воинства. После же смерти Петра I Триумфальный столп, над которым в 1720-х годах работали скульптор Б.-К. Растрелли и А. К. Нартов, должен был стать своеобразным памятником эпохи преобразований. Его исполнение Нартов считал своим моральным долгом.

После перевода Токарни в Академию наук Петр Ермолаев и Михаил Семенов занимались графической фиксацией хранящихся в Кунсткамере и находящихся в Академии наук научных приборов и

инструментов. Об этом свидетельствует рапорт Нартова, в котором он, ходатайствуя вновь о повышении оклада своим ученикам до 5 рублей в месяц, писал, что они «и в небытность мою ... труд свой полагали всегда безотлучно, на что явствует в кунсткамере рисованные их с перспективами чертежи с данных им от академии де сианс глобусов и прочих механических инструментов»¹². Именно к этому периоду, очевидно, относятся 16 чертежей, хранящихся в отделе русской графики Эрмитажа. На девяти из них стоит подпись: «ученик Петр Ермолаев», один подписан Михаилом Семеновым, пять исполнены старшим сыном Нартова — Степаном Нартовым, бывшим одно время учеником инструментальной палаты. Один чертеж не подписан. На чертежах изображены различные научные и чертежные инструменты.

Таковыми инструментами работали и сами ученики. Документы Канцелярии Академии наук изобилуют прошениями. То они просят «для рисования механических токарных також и присылаемых и в Академии всяких случающихся моделей для снятия чертежа каждому по циркулу троеножному с прибавкой да по циркулу одинакому да по перургифельному»¹³. В другой раз — «для рисования две параллельные раздвижные линейки, два транспортира с наугольником, две трубки карандашных медных, трехколенной циркул медный»¹⁴.

Когда в 1736 году Нартов именным указом был переведен из Москвы в Петербург и определен в Академию наук, первой его заботой стало сохранение для истории всего, что имело отношение к Петру I. Для этого он предполагал использовать одно из помещений Кунсткамеры, куда он решил доставить и различные «токарные машины» из Преображенского дворца, на которых, как он знал, Петр I работал в юности. «Для их описания и разбору» Нартов отправил в Москву двух человек — один из них слесарь Андрей Коровин, второй — Михаил Семенов. В декабре 1736 года по первому санному пути на пяти подводах они привезли не только станки из села Преображенского, но и оставшиеся в доме Нартова в Москве инструменты, которые он по описи взял туда из Петербурга «для дела литей к поднятию большого колокола»¹⁵.

Занимаясь неотложными делами своей Лаборатории, Нартов не забывал ни о задуманной им книге, ни о Триумфальном столпе, тем более что двор и вслед за ним руководство Академии настоятельно требовали от мастера скорейшего завершения монумента. К этим работам Нартов и стал усиленно подготавливать Ермолаева и Семенова, о которых он писал: «... мои ученики при мне всегда безотлучно и в науке своей в теории происходят изрядно»¹⁶. Очевидно, в их «теоретической» подготовке решающую роль сыграло длительное общение с Нартовым, который знакомил их с литературой, необходимой им в повседневной работе. Этим объясняется прошение учеников о передаче в Инструментальную палату «... истолкования геометрии, тригонометрии и плоскую навигацию на русском языке в першпективе и двух книг — «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин» Г. Крафта»¹⁷.

Нартов считал, что, прежде чем браться за изображение токарно-копировальных станков, Ермолаев и Семенов должны научиться на них работать, чтобы своими руками почувствовать роль и значение

каждой детали их конструкции. Кроме того, если бы Ермолаев и Семенов овладели токарным мастерством и научились работать на токарно-копировальных станках, он мог бы рассчитывать на их помощь при выгачивании Триумфального столпа, так как надеяться больше ни на кого не мог. Нартов подал рапорт в Канцелярию Академии наук с просьбой разрешить его ученикам обучаться токарному искусству. В ответе Канцелярии говорится: «Ученики Михаила Семенова и Петр Ермолаев у черчения машин и инструментов, которые по своему искусству находятся в теории и черчении чертежей изрядно и по мнению твоему надлежит им ныне вступить в практику точения токарного художества после обеда, а до обеда оные ученики могут иметься в черчении чертежей механическим машинам и инструментам для сочинения впрдк книги»¹⁸.

По принятому в Академии наук «Наставлению» все работающие обязаны были приходить в палаты «зимой по утру с начала осьмого; летом с начала седьмого часов и быть до исхода, — в первом часу выходить и отобедав на работу приходить в начале третьего часу и зимой и летом быть до исхода седьмого часа»¹⁹. Таким образом, токарному искусству Семенов и Ермолаев могли обучаться по три с половиной часа в день и то только в летнее время, так как с наступлением ранних сумерек в осенние и зимние месяцы работать на токарных станках при свечах было просто невозможно. Нецелесообразность принятого по рапорту Нартова решения была очевидна, и он не стал настаивать на своей просьбе, по-прежнему используя Ермолаева и Семенова «у черчения математических инструментов и токарных механических машин також»²⁰. Для исполнения ими «математических, астрономических и механических чертежей ... было выписано ... бумаги александрийской чистой, карандашей черных в дереве, самых добрых кистей для тушевания больших и малых красок разных номеров, камеди чистой для творения красок»²¹.

Осень 1739 года внесла изменения в служебные обязанности Ермолаева и Семенова. Они были определены «к наибольшему против первых трудам»²². На Семенова возложили ответственную работу по выдаче мастерам материалов, необходимых для выполнения поступающих в палату заказов, — он стал числиться канцеляристом, а Ермолаев был занят оформлением заказов и перепиской и стал в документах называться копиистом²³, оставаясь в то же время при «черчении токарных машин». Эти изменения были утверждены указом Правительствующего Сената 10 августа 1741 года. Благодаря новым должностям Лаборатория механических и инструментальных наук, оставаясь подотчетной Канцелярии, приобретала известную самостоятельность. Но новые обязанности Петра Ермолаева и Михаила Семенова не повлекли за собой увеличения их жалованья, несмотря на хлопоты Нартова. До 1742 года они продолжали получать «ученический» оклад — 50 рублей «годовых», как и выдающийся мастер инструментального дела Петр Голынин. И лишь при утверждении нового штата Академии в 1742 году им стали платить 60 рублей в год. Но и этого было для жизни недостаточно — в прошении, написанном Ермолаевым и Семеновым, сказано: «А протчие той Академии служащие, как еще и не старее нас

в службе находились, чрез малое время подмастерьями произведенные. А мы за наши долговременные и прилежнотщательные труды и поныне остаемся без награждения, в прежних ученических 60 рублях с домашними своими пропитание и содержание квартир и покупку дров и свеч, к тому ж и полицейские должности и в содержании рогаточных караулов и солдатских постоев крайнюю претерпеваем нужду и пришли в неоплатные долги и в положенных на нас делах и в науке ... бывает нам не без помешательства»²⁴.

Возможно, что в нежелании присвоить близким к Нартову ученикам звания подмастерьев (что дало бы им сразу же большое повышение в окладе) сказались не только неустойчивое в те годы экономическое положение Академии, но и неприязнь к Нартову И.-Д. Шумахера. Человек энергичный, предприимчивый, но тщеславный и откровенно отдававший предпочтение иноземным ученым, И.-Д. Шумахер стоял во главе академической Канцелярии, а фактически и всей Академии. Откровенная враждебность Нартова и Шумахера привела к тому, что весной 1742 года Нартов подал в Сенат «Донесение» на Шумахера, который на время проверки жалобы был отстранен от Академии наук, а ее управление в течение полутора лет со свойственной ему энергией осуществлял Нартов. Все это время он был занят борьбой с заведомо необъективной комиссией, созданной для рассмотрения жалобы. Однако в своих поступках Нартов не всегда был объективен, что дало справедливый повод некоторым иноземным академикам жаловаться на него в комиссию. Но ему все же удалось провести в жизнь ряд организационных преобразований, в том числе и по некоторому упорядочению финансовых дел Академии. Очевидно, еще до возвращения оправданного Шумахера к руководству Академией Михаил Семенов, по представлению Нартова, получил звание гезеля с окладом 150 рублей в год, Петр Ермолаев, оставаясь по некоторым документам «учеником», получал 100 рублей «годовых». Предположить, что увеличение их жалования произошло по воле Шумахера, невозможно. Он был осведомлен о том, что на допросах в Следственной комиссии Ермолаев и Семенов давали показания против него. Кроме того, ему было известно, что Семенов сопровождал Нартова в Москву, куда тот поехал якобы для «объявления в Москве ... ко артиллерии секретных дел»²⁵, на самом же деле он имел намерение передать свою жалобу лично в руки императрице Елизавете Петровне, что он и сделал.

Финансовые затруднения, еще долгое время испытываемые Академией, приводили к частой задержке выдаваемых ее служителям денег. Не были исключением в этом отношении и работники Лаборатории. В начале февраля 1743 года Петр Ермолаев в прошении на имя Канцелярии писал: «жалованья за прошлый 1742 год окромя 9 рублей не получал, отчего имею великую нужду и лишаюсь с домашними моими дневной пищи и таю голодом, а заимодавцы уже ни в чем не верят». Здесь же он просит, чтобы в связи с рождением у него дочери, «которую как надлежит в христианскую веру привести чем не имею ... повелено было на счет заслуженного моего жалованья хотя остаточное на генварскую треть прошлого 1742 году по окладу моему что надлежит выдать»²⁶. С просьбой ускорить выдачу денег П. Ермолаев и

М. Семенов обращались еще не раз и поодиночке и вместе — «дабы могли мы, нижайшие, как в науке черчения механических махин и инструментов, так и в положенных на нас делах, иметь твердое и усердное рачение и подвиг к наилучшему исправлению»²⁷.

В годы, последовавшие за возвращением Шумахера к руководству Академией, Нартова обязали по-прежнему «надзирать за токарною инструментальною палатой». Он вернулся к созданию книги и Триумфального столпа из слоновой кости и сообщал на запрос Канцелярии, что «гезель Михаил Семенов машины и механические инструменты срисовывает и все по приказам Академии исполняет. Петр Ермолаев ученик то ж, что и гезель Семенов делает»²⁸. Одновременно с этим, начиная с 40-х годов XVIII века, Нартов увлеченно и плодотворно работал в области артиллерии, постоянно прибегая к помощи Ермолаева и Семенова и не только по академическим, но и по личным делам. Елизавета Петровна, благосклонно относящаяся к любимому токарю своего отца, пожаловала ему в 1746 году за «усовершенствования в пушечном деле» не только «наградные деньги», но и в Новгородском уезде «деревни ... со всеми к ним принадлежностями»²⁹. Нартову пришлось туда поехать, когда он получил известие о творящихся там беспорядках. Уезжая на месяц, он взял с собой с разрешения Канцелярии Академии «находящегося в его экспедиции ученика Петра Ермолаева»³⁰.

И, естественно, Петр Ермолаев и Михаил Семенов были рядом с Нартовым во время случившегося в Академии наук в декабре 1747 года большого пожара. Им удалось вынести из огня почти все тяжелейшие станки и инструменты, все сделанные Петром I предметы, уцелевшие части почти целиком сгоревшего Готторпского глобуса. Были спасены и подготовленные для вытачивания Триумфального столпа модели рельефов и инструменты. О них, не менее чем о личных вещах Петра I, беспокоился Нартов, так как его в эти годы не оставляла надежда завершить две свои заветные мечты — выточить Триумфальный столп и подготовить книгу «Театрум Махинарум».

В июле 1748 года Собрание Академии художеств получило указ Канцелярии Академии наук о рассмотрении сделанных Петром Ермолаевым и Михаилом Семеновым чертежей, которые можно было бы назвать своеобразными рисунками. Освидетельствовав «в составе господ членов, а именно надворного советника Штелина, художного живописца Гриммеля» представленные им чертежи «механических, токарных и протчих машин», члены Собрания «усмотрели, что они довольно имеют в черчении таких махин (умение. — М. Г.) також и употреблены быть могут в копировании архитектурных вещей, а кроме того ничего более не учились»³¹. Последняя фраза была своеобразной «охранной грамотой», и на нее Петр Ермолаев и Михаил Семенов неоднократно ссылались, когда их предполагали использовать для иных работ.

Трудно сказать, по чьей инициативе было проведено это «освидетельствование». Может быть, Шумахер усомнился в достоверности ежегодно даваемых Нартовым своим ученикам положительных характеристик и хотел проверить, действительно ли они заслуженно получали большие оклады. Но скорее всего сам Нартов хотел узаконить

дальнейшую работу Ермолаева и Семенова над иллюстрациями к книге «Театрум Махинарум» и оградить их тем самым от использования на других видах работ. А это могло случиться, так как вся Инструментальная палата была в это время занята ремонтом пострадавших от пожара вещей, в особенности же восстановлением Готторпского глобуса. Во всяком случае, когда в 1749 году Нартов вновь уехал по своим делам в деревню, где задержался надолго из-за обострения болезни, Петру Ермолаеву, оказавшемуся, по его собственным словам, без никакого «по должности моей дела»³², было велено «быть в географическом департаменте у рисования»³³. Определенную роль в этом назначении сыграло, очевидно, и то, что еще в 1740 году Нартов послал Михаила Семенова и Петра Ермолаева ненадолго в Рисовальную палату, где они в списке и значились «механическими учениками... у черчения математических инструментов и токарных механических машин»³⁴.

После того, как Нартов осенью 1749 года приехал обратно в Петербург, он потребовал возвращения П. Ермолаева из географического департамента «для окончания токарных машин чертежей, которые де имеют быть сообщены в Академию наук для славы вечно достойные памяти его Императорского величества Петра Великого»³⁵. Желание Нартова предоставить возможность руководству Академии наук ознакомиться с прекрасно выполненными Петром Ермолаевым чертежами для книги «Театрум Махинарум» было своеобразной защитой. Тем самым он достигал двух целей. Во-первых, обосновывал свою работу над книгой верноподданническим стремлением увековечить память о Петре I. Против этого Академия никогда не посмела бы протестовать. Во-вторых, он избегал упреков в том, что не только сам занимался не входящим в круг его служебных обязанностей делом, но и привлекал к нему высокооплачиваемого работника Инструментальной палаты.

О высокой аттестации Ермолаева говорит редкий для Академии наук того времени факт прибавки ему жалования. В декабре 1750 года об этом просил в своей докладной мастер Ф. Тирютин, оговаривая, что Ермолаев «добрый рисовальщик машин» и давно работает при токарной палате, и предлагал прибавить к его окладу 50 рублей с тем, чтобы он, как и Михаил Семенов, получал 150 рублей «годовых». Кроме того, Тирютин отмечал, что работающий с давних лет в палате Леонтьев стареет и «надобно такого содержать другого»³⁶. Возможно, что это обращение было подсказано Тирютину Нартовым.

Однако Канцелярия Академии не сразу согласилась с переходом Ермолаева и Семенова в «токарные» ученики, чтобы в будущем заменить стареющего Леонтьева. В самом конце 1750 года они были направлены к мастеру Скотту, руководившему в то время восстановлением Готторпского глобуса, и в географический департамент. И лишь после того, как Скотт ответил, что у него для них никаких дел нет, Ермолаев и Семенов уже в январе 1751 года получили «словесный приказ до выпущенной Канцелярии Академии наук, чтоб до полудня быть в географическом департаменте, а после полудни при токарных делах»³⁷.

Получив «словесный приказ», Семенов и Ермолаев обратились в Канцелярию с просьбой: «В деле знающему (И. Леонтьеву. — М. Г.)

соблаговолите наслать ордер, чтоб нам мог показывать со всякой ревностью безо всякого запрета при точении на курьезных, овалистых и партретных и прочих махинах летним временем, а ныне до того времени точить и привычку иметь на простых токарных махинах ибо за нетоплением печей в означенных курьезных махинах работать невозможно»³⁸.

Канцелярия распорядилась следующим образом. До полудня они должны были быть при географическом департаменте, а после обеда переходили в подчинение старейшему подмастерью токарного дела Ивану Леонтьеву, умеющему «точить на курьезных и простых станках в кости, дереве и серебре». Он был предупрежден о том, что «ежели неприлежно или скрытных оных гезеля Семенова и ученика Ермолаева обучать будет и от них Канцелярии произойдут жалобы, [в] таком случае он, Леонтьев, имеет быть штрафован»³⁹. П. Ермолаев и М. Семенов с апреля 1751 года стали обучаться токарному искусству. Леонтьев, который знал уже их 20 лет, с момента их прихода в придворную Токарню в 1731 году, учил их не только точению, но и умению разбираться в погрешностях станков. Работали они «со старанием. Из чего в знаниях понятие свободное приобрели»⁴⁰, — так писали они в очередном доношении в Академию наук. На время обучения Михаила Семенова освободили даже от обязанностей канцеляриста «с тем, чтобы... практике на курьезных овалистых и партретных махинах не было помешательства»⁴¹.

Однако обучались они у Леонтьева недолго — он умер в 1756 году. Ермолаев и Семенов вернулись к Нартову и в дальнейшем все время работали с ним. Они помогали ему в изготовлении пластин, медальонов, цилиндров и всех иных скульптурно-барельефных композиций из пальмового дерева, бронзы и листовой меди, которые должны были стать «копирами», или образцами, для вытачивания по ним задуманного Нартовым Триумфального столпа из слоновой кости; его деревянная модель, упоминание о которой есть в описи 1741 года, до наших дней не дошла.

Много времени Ермолаев и Семенов уделяли иллюстрациям книги Нартова «Театрум Махинарум». Большая часть из них представляет собой перспективное изображение очень сложных по конструкции станков или «машин»: токарно-копировальных, строгальных, винторезных, зуборезных, сверлильных и прессов. В книге они занимают 33 таблицы из 80. Остальные заполнены изображениями инструментов и выгачиваемых на станках изделий и объяснительным текстом. Все иллюстрации — это прекрасные чертежи-рисунки. К сожалению, все листы этой рукописной книги не подписаны, но можно с уверенностью предположить, что наиболее удачные из них исполнены Ермолаевым, меньшее количество хорошо выполненных таблиц принадлежит руке Семенова, так как его вскоре вернули в Инструментальную палату к обязанностям приема и выдачи материалов. Наименее же интересные, с точки зрения художественного исполнения, таблицы сделаны, очевидно, несколькими новыми учениками, присланными к Нартову из Инженерного корпуса. Над исполнением чертежей Ермолаев и Семенов могли работать в помещении Академии наук и в

собственном доме Нартова, «состоящем на васьильевском острове в 10 линии на бывшей перспективе»⁴².

Книга эта была закончена, судя по ее заглавному листу, в 1755 году⁴³. Вскоре после завершения работы над ней уже долго и тяжело болевший Нартов потребовал, чтобы ключ и его собственная печать, которыми была закрыта токарная мастерская, где хранились курьезные махины, изделия и инструменты, были принесены к нему домой. Это было в конце марта 1756 года, а 16 апреля этого же года Андрей Константинович Нартов умер.

После смерти Нартова положение Михаила Семенова и Петра Ермолаева изменилось. Они потеряли не только прекрасного руководителя, с которым проработали 25 лет, но и человека, всегда и во всем поддерживающего их. В январе 1757 года ими, по предложению Канцелярии, была составлена подробная ведомость «имеющимся в Лаборатории механическим токарным курьезным махинам и прочим находившимся вещам и инструментам при Академии наук»⁴⁴. После того, как Ермолаев и Семенов составили эту ведомость, им было приказано быть при Инструментальной палате «и порученные при этой палате работы исправлять и приходить в указанные дни и часы»⁴⁵. Семенову «по понедельникам и четвергам до полудня быть при кунсткамере для содержания трех токарных махин и для показания приходящим зрителям»⁴⁶, и, кроме того, ему, как и Ермолаеву, было поручено «чищение и разборка токарных махин Государя императора Петра Великого».

Однако ни один, ни другой добросовестно исполнять возложенные на них обязанности уже не могли, по месяцу и более они не ходили на работу. Руководитель Инструментальной палаты мастер Ф. Тирютин не мог не обратить на это внимание. После их медицинского освидетельствования в сентябре 1758 года стало известно, что у Петра Ермолаева «на левой ноге оцунготные и застарелые язвы и для того к делу своему ходить невозможно»⁴⁷. До выздоровления ему снизили жалованье до 100 рублей. Хуже был аттестован при обследовании Михаил Семенов. У него «никаких болезней не явлено кроме того, что руки и ноги трясутся, как у тех, которые в пьянстве находятся»⁴⁸. О нем было принято более суровое решение: «ежели он дела отправлять не будет, то и совсем от Академии отрешен быть имеет»⁴⁹. Жалованье ему было снижено до 75 рублей в год, и с этой суммой в 60-х годах он ушел на пенсию, которую ему выплачивали, как это было принято в Академии, каждые четыре месяца за прошедшую треть года. Последние годы ему деньги приносили домой, а сам он уже расписываться не мог, а «за болезнью его расписывался канцелярист Матвей Яковлев»⁵⁰.

Первым ушел на пенсию в начале 60-х годов токарного дела подмастерье Петр Ермолаев. Он умер 20 января 1778 года, оставив четверых детей — сына Алексея и дочерей — Авдотью, Марию и Дарью. Ему было 65 лет⁵¹.

Токарного дела гезель Михаил Семенов, переживший друга на 9 лет, получал до конца своих дней пенсию и скончался 17 января 1787 года в возрасте семидесяти четырех лет.

Так завершили жизненный путь верные помощники Андрея Кон-

Петр Ермолаев и Михаил Семенов — создатели иллюстраций к книге А. К. Нартова

стантиновича Нартова, создавшие прекрасные листы-рисунки к рукописи «Театрум Махинарум». Эта рукопись еще ждет своего опубликования, после чего имена Петра Ермолаева и Михаила Семенова по праву займут достойное место в числе художников-графиков первой половины XVIII века.

- ¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886—1900. Т. 3. С. 10.
- ² Памятники русской культуры первой четверти XVIII в. Л., 1966. С. 350.
- ³ Ченкал В. Л. Русские приборостроители первой половины XVIII в. Л., 1953. С. 250.
- ⁴ История Академии наук СССР. Т. 1. М.; Л., 1958.
- ⁵ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 169. 1752. Л. 264 об., 273, 297 об.
- ⁶ Ровинский Д. Академия художеств во времена императрицы Екатерины II // Отечественные записки. 1855. Т. 102. IX—X. С. 45.
- ⁷ Иогансен М. В. Михаил Земцов. Л., 1975. С. 43.
- ⁸ Материалы... Т. 5. 1889. С. 59.
- ⁹ Там же. Т. 3. 1886. С. 85—86.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 86.
- ¹² Там же.
- ¹³ ПФА РАН. Там же. Ед. хр. 863. 1737. Л. 37.
- ¹⁴ Там же. Л. 140.
- ¹⁵ Материалы... Там же. С. 157.
- ¹⁶ Там же. С. 85—86.
- ¹⁷ ПФА РАН. Там же. Ед. хр. 28. 1737. Л. 277.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 868. 1737. Л. 158.
- ¹⁹ Там же. Л. 175 об.
- ²⁰ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 93. 1740. Л. 3 об.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 864. 1740. Л. 269.
- ²² Там же. Оп. 7. Ед. хр. 93. 1740. Л. 3 об.
- ²³ Материалы... Т. 5. 1889. С. 1050, 1061.
- ²⁴ Там же. С. 599—600.
- ²⁵ Там же. С. 307.
- ²⁶ Там же. С. 523—524.
- ²⁷ Там же. С. 600.
- ²⁸ Там же. Т. 7. 1895. С. 584.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1329. Именные указы. Оп. 1. Ед. хр. 74 (именные указы 1746 года).
- ³⁰ Материалы... Т. 8. 1895. С. 135.
- ³¹ Ровинский Д. Там же. С. 52.
- ³² ПФА РАН. Там же. Оп. 1. Ед. хр. 128. 1749. Л. 43.
- ³³ Там же. Л. 46.
- ³⁴ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 93. 1740. Л. 3 об.
- ³⁵ Материалы... Т. 10. 1900. С. 116.
- ³⁶ ПФА РАН. Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1150. 1749. Л. 694.
- ³⁷ Там же. Ед. хр. 149. 1751. Л. 467.
- ³⁸ Там же. Л. 467 об.
- ³⁹ Там же. Л. 468.
- ⁴⁰ Там же. Ед. хр. 218. 1757. Л. 533.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 1150. 1749. Л. 149.
- ⁴² ЦГАЛИ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1. 1779. Л. 27 об.
- ⁴³ Рукопись «Театрум Махинарум» хранится в РНБ (СПб). Отд. рук. Ф. Эрмитажный, № 160.
- ⁴⁴ ПФА РАН. Там же. Ед. хр. 218. 1757. Л. 556, 558—559 об., 360—393.
- ⁴⁵ Там же. Л. 557, 588, 553 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 558.
- ⁴⁷ Там же. Л. 557—557 об.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Л. 559.
- ⁵⁰ Там же. Ед. хр. 1969. 1779. Л. 13, 27, 47 об., 112 об.
- ⁵¹ Там же. Ед. хр. 50. 1778. Л. 24—25.

М. П. ОКОЛЬЗИНА

Материалы к биографии В. И. Вернадского в документах 1863—1890 годов

В последние годы активно печатаются и издаются научные труды и архив выдающегося ученого и мыслителя Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945). Появилась и обширная литература о нем, но многие факты жизни ученого оказались искаженными или просто вымышленными. Примером тому служит книга Л. И. Гумилевского «Вернадский», вышедшая в серии ЖЗЛ (3-е изд. М., 1988).

Многие годы В. И. Вернадский жил, учился и работал в Петербурге. Однако исследователи называют только два петербургских адреса ученого: улица Маяковского (бывшая Надеждинская), 34, квартира 8, и 7-я линия, 2, квартира 12 («Дом академиков», где Вернадские жили с 1914 по 1935 год). Поэтому поиск и анализ документов, до сих пор не вошедших в научный оборот, представляется насущной необходимостью¹.

«Я родился в Петербурге на Миллионной улице...»², — писал Вернадский в своих воспоминаниях. К сожалению, пока нет точного адреса, по которому проживала семья Вернадских с лета 1862 до лета 1865 года³. Однако некоторыми косвенными данными мы располагаем.

С 1857 по 1861 год в Петербурге дважды в неделю выходил «Экономический указатель» с приложением «Экономист», издававшийся под редакцией Ивана Васильевича Вернадского, отца будущего ученого. В этих изданиях указан адрес редакции — «на Моховой ул., 28» или «на Моховой ул., в доме Быченской (28)». Этот адрес известен также как место жительства И. В. Вернадского в 1857—1861 годах. В декабрьской книжке «Экономиста» за 1861 год редактор сообщил о прекращении издания «Экономического указателя» и о начале ежемесячного выпуска «Экономиста». С января по июнь 1862 года редакция «Экономиста» находилась по прежнему адресу: Моховая ул., 28.

С 7-й и 8-й книжек — в июле и августе появляется новый адрес редакции: «на 6. Миллионной ул., 11» или «на 6. Миллионной ул., в доме Жеребцова (11)». Переезд журнала по времени совпадает с женитьбой родителей Владимира Ивановича.

Из воспоминаний современников известно, что в качестве поме-

щения редакции И. В. Вернадский всегда использовал свой домашний кабинет, в котором также проходили многочисленные заседания различных комитетов и комиссий.

Книжки «Экономиста» свидетельствуют, что редакция издания в апреле 1864 года находилась все еще по прежнему адресу. Можно предположить, что в этом доме и родился В. И. Вернадский.

В «Метрической книге Исаакиевского Кафедрального собора для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1863 год», в ее первой части «О родившихся» есть запись под № 27 о том, что 28 февраля родился мальчик, а 2 марта он был крещен и назван Владимиром. Его родители — «Чиновник особых поручений при Министерстве* внутренних дел Действительный Статский Советник Иван Васильев Вернадский и законная жена его Анна Петрова, оба православного вероисповедания, он 2, а она 1-м браком». Восприемниками, или крестными родителями новорожденного, были «Действительного Статского Советника Ивана Васильева Вернадского сын Николай Иванов Вернадский, Коллежский Советник Петр Васильев Гославский и жена Надворного Советника Лидия Карлова Вульферт»⁴.

Николай Иванович Вернадский (1851—1874) — сводный брат Владимира Ивановича, сын Ивана Васильевича и Марии Николаевны Вернадской (1831—1860), в девичестве — Шигаевой. Дореволюционные справочные издания сообщают, что она была «первой русской писательницей по политической экономии». Под руководством мужа Мария Николаевна изучала политическую экономию и смогла приобрести обширные познания в этой области. В издававшемся И. В. Вернадским еженедельном журнале «Экономический указатель» Мария Николаевна без подписи поместила целый ряд статей, которые имели большой успех у читателей (позже статьи были собраны в книгу и изданы И. В. Вернадским). Одной из первых она стала писать о женском труде. Ей принадлежит также «Опыт популярного изложения основных начал политической экономии» (СПб., 1861). Портреты Марии Николаевны и Николая Ивановича имеются в Кабинете-музее В. И. Вернадского в Москве, в Институте геохимии и аналитической химии, носящем его имя. Причиной ранней смерти Николая Ивановича, как и его матери Марии Николаевны, явился туберкулез легких — самая распространенная в те годы болезнь петербуржцев.

Через полтора года после смерти Марии Николаевны Иван Васильевич женился на ее двоюродной сестре Анне Петровне Константинович, ставшей матерью Владимира Ивановича Вернадского.

Вторым восприемником при крещении Владимира Ивановича был двоюродный брат Марии Николаевны, дядя Николая Ивановича, П. В. Гославский. Он служил в Министерстве юстиции. После смерти Николая Ивановича Вернадского имение его матери Марии Николаевны в Рязанской губернии Иван Васильевич передал П. В. Гославскому.

Крестной матерью ученого стала двоюродная сестра матери Л. К. Вульферт. Она запечатлена на многих семейных фотографиях Вернад-

* Здесь и далее в документах сохраняется орфография подлинника.

ских. В архиве Владимира Ивановича хранятся письма, адресованные ему Лидией Карловной.

1 мая 1864 года Иван Васильевич Вернадский подал рапорт в департамент общих дел Министерства внутренних дел: «Представляя при сем официальное извещение об утверждении меня в звании профессора Императорского Александровского Лицея, по определению Совета 28 декабря 1863 года и об избрании Почетным членом Общества для распространения просвещения между евреями в России 25 января с. г., покорнейше прошу о занесении в Послужной мой список. Вместе с сим честь имею просить о вписании в оный родившихся детей моих: сына Владимира 28 февраля 1863 г. и дочерей Ольги и Екатерины (двойни) 18 февраля 1864 г.»⁶.

С увеличением семьи — у Вернадских теперь четверо детей — пришлось подыскивать новую квартиру. В 4-й книжке «Экономиста» за 1864 год редактор-издатель И. В. Вернадский сообщил: «Подписка на «Экономист» принимается: в Конторе книгопродавца Давыдова, на Невском проспекте, а также в книжном магазине Сеньковского и К° и в «Газетной экспедиции...»⁷. Квартира тогда еще не была нанята, адрес редакции не определен. По обыкновению того времени, квартиры нанимали с осени, а лето проводили на дачах, за городом. Известно, что летом 1864 года семья Вернадских жила вблизи Петербурга на «даче 37/107 Лесного корпуса на углу Парголово-ской дороги и Лесной улицы» (дом не сохранился, территория перепланирована). Этот адрес указан в любопытном письме И. В. Вернадского к А. А. Краевскому от 17 августа 1864 года по поводу найма квартиры: «Многоуважаемый Андрей Александрович. Мне очень приглянулась одна квартира в Вашем доме (кажется, № 20), цена за которую мне заявлена: 700 для холостых и 800 (а потом 775) р. для женатых. Хотя я не только не холост, но даже не имею права быть таковым, тем не менее просил бы Вас не ставить мне этого в вину и согласиться отдать эту квартиру за 700 р. в год, которые я с удовольствием предлагаю...»⁸.

Очевидно, переезд Вернадских в дом Краевского на Литейный проспект, 36 (современный адрес), состоялся, ибо с 1865 года «Экономист» начал печататься в типографии Краевского, хотя с 1857 по 1864 год включительно все издания Вернадского выходили в типографии Корпуса жандармов.

Во «Всеобщей адресной книге С.-Петербурга 1867—1868 годов» адрес Вернадских указан: Ивановская улица, 9, квартира 12. Напротив дома в угловом здании располагалась 1-я С.-Петербургская гимназия, воспитанником которой в 1865—1868 годах был старший брат Вернадского — Николай.

В ноябре 1868 года семья Вернадских покинула Петербург и на 8 лет поселилась в Харькове, куда отец будущего ученого был назначен управляющим конторой Государственного городского банка.

Летом 1876 года И. В. Вернадский подал в отставку, и семья вернулась в Петербург. «В 1876 г. отец имел со мной разговор, предложив мне решить, хочу ли я продолжить свое учение в гимназии или я могу перейти в Александровский лицей, который откроет мне карьеру.

Но в нашей семье «профессор» в глазах матери было понятие важное, несравнимое с чиновником, и этот культ постоянно поддерживался матерью и отцом...»⁹ — вспоминал В. И. Вернадский.

С осени 1876 года Владимир Вернадский, окончив три класса Харьковской губернской гимназии¹⁰, стал учеником четвертого класса¹¹ 1-й С.-Петербургской гимназии. Располагалась гимназия все там же, как и в пору учебы старшего брата: на углу улиц Ивановской и Кабинетской¹² (современных Социалистической и Правды). Преобразованная в 1830 году из Благородного пансиона (1819), 1-я гимназия была одним из лучших средних учебных заведений столицы. В справочнике «Петербург на ладони» сообщалось, что в 1874 году в 1-й гимназии было 272 воспитанника: «пансионеров, полупансионеров и приходящих».

1 января 1877 года, в свои неполные 14 лет, гимназист четвертого класса В. Вернадский на первой странице специальной тетради записал: «Я хочу вести аккуратно один год мой дневник, чтобы потом, посмотрев, вспомнить счастливую жизнь моей молодости». Ведение дневника стало потребностью на всю жизнь.

Гимназическое «Дело о полупансионере Владимире Вернадском»¹³ содержит всего 5 листов и начинается прошением: «Желая, чтобы мой сын, Владимир Вернадский, ученик IV-го класса, в следующем году был переведен из числа полупансионеров в число приходящих воспитанников гимназии, покорнейше прошу сделать для этого надлежащие распоряжения. Мая 23 дня 1877 г. Тайный советник Иван Вернадский». Написано было прошение юным В. Вернадским, только в его конце Иван Васильевич приписал свой чин и подписался. Ниже прошения подпись: «Документы мои обратно получил 4-го июня 1881 года. Вл. Вернадский».

В «Деле» находится и второе прошение, написанное рукой будущего ученого: «Имея намерение отправиться в Париж на каникулярное время с сыном моим, учеником VI класса, Владимиром Вернадским, прошу покорно разрешения Вашего на заграничный его отпуск. ...июнь 1878». Разрешение на поездку было заготовлено, но не было востребовано.

«Наш гимназический класс был можно сказать блестящий. Учился я средне, отличался по сочинениям на уроках русского языка, когда интересовался, но и теперь жалею классические языки — латинский и греческий, в которых преобладала грамматика, и образованные немцы и чехи, не знающие русский язык, благодаря этому и программу преподавали убийственно»¹⁴, — вспоминал В. И. Вернадский.

Из наименования предметов гимназического курса, указанных в аттестате зрелости, явствует, что преобладали историко-философские дисциплины и изучение классических и современных иностранных языков. В краткой характеристике, данной В. Вернадскому в Аттестате зрелости, читаем: «...на основании наблюдения за все время его обучения в С.-Петербургской первой гимназии поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ вполне удовлетворительная, прилежание постоянное и любознательность в весьма значительной

степени ко всем предметам гимназического курса, особенно же к математике»¹⁵.

«Странным образом, — писал позднее В. И. Вернадский, — стремление к естествознанию дала мне изуродованная классическая толстовская гимназия благодаря той внутренней, подпольной, неподозреваемой жизни, какая в ней шла в тех случаях, когда в ее среду попадали живые талантливые юноши-натуралисты. В таких случаях их влияние на окружающих могло быть очень сильно, так как они открывали перед товарищами новый живой мир, глубоко важный и чудный, перед которым совершенно бледнело сухое и изуродованное преподавание официальной школы. В нашем классе таким юношей-натуралистом был Краснов»¹⁶. Первый в выпуске 1881 года, награжденный золотой медалью, Андрей Николаевич Краснов¹⁷ стал оригинальным талантливым ученым, создателем Батумского ботанического сада, путешественником. В. И. Вернадский писал о нем: «Он в своей жизни, как редко кто, остался верен своему молодому плану и провел его до конца без больших изменений»¹⁸.

Семья Красновых почти десять лет занимала квартиру по соседству с гимназией, на Ивановской улице, 4, квартира 10. В воспоминаниях Владимира Ивановича есть запись: «1885 г. 23 ноября наблюдал в квартире А. Н. Краснова (в районе Разъезжей) метеорный поток Андромед. Связывают с кометой Биелы. Огромное на меня произвело впечатление»¹⁹. В 1885 году А. Н. Краснов жил «при родителях» по Николаевской улице, 72, квартира 11 (ныне улица Марата, 76).

Другой гимназический друг — Евгений Ремезов, у которого бывал В. Вернадский, тоже жил неподалеку: Загородный проспект, 2, квартира 19.

В гимназических документах Вернадского отсутствуют какие-либо сведения о том, где он жил все эти годы. Это еще предстоит выяснить. Однако через полтора месяца после окончания гимназии в прошении о принятии «в число студентов С.-Петербургского университета» Вернадский указал свой адрес: Разъезжая улица, 11, квартира 3. Этот дом находится на расстоянии нескольких минут ходьбы от 1-й С.-Петербургской гимназии. Современный адрес: Разъезжая улица, 3. (После капитального ремонта в 1982—1985 годах полностью перепланированы квартиры, расположенные по лицевому фасаду.)

По возвращении семьи из Харькова в Петербург Иван Васильевич Вернадский возобновил издательскую деятельность и с этой целью приобрел небольшую типографию — «Славянскую книгопечатню». Одновременно с этим он открыл книжный магазин со льготной продажей для «иногородних». В 1877 году он издал небольшого формата «Каталог книжника-магазина для „иногородних“». В выходных данных каталога указаны фамилия издателя и адреса магазина и типографии: «...магазин на Невском проспекте, 44, в С.-Петербурге и „Славянская книгопечатня“ на Гороховой улице, 46».

В воспоминаниях В. И. Вернадский писал: «В моей жизни этот магазин играл огромную роль <...> Я имел право читать — быстро — любую книгу, разрезанную и неразрезанную»²⁰.

В «Славянской книгопечатне» И. В. Вернадского печатались поли-

тическая и литературная газета либерального направления «Северный вестник», негласным редактором которой был В. Ф. Корш²¹. После попытки опубликовать 5 апреля 1878 года письмо В. И. Засулич, написанное ею после оправдательного приговора за покушение на жизнь С.-Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, «по высочайшему повелению» газета была закрыта. В. И. Вернадский вспоминал: «Корректуры отписки не пропущенной статьи одному из первых попали мне в руки»²².

«Дело Императорского Санкт-Петербургского университета о студенте Владимире Ивановиче Вернадском от 20 июля 1881 г.» начинается распиской-заявлением о выполнении правил для студентов и прошением: «Желая поступить в С.-Петербургский Университет, на физико-математический факультет, по разряду Естественных наук, покорнейше прошу зачислить меня в число студентов сего Университета. При сем прилагаю аттестат зрелости и метрическое свидетельство.

Вл. Вернадский

Июль 18. 1881

Адрес: Разъезжая улица, д. № 11, кв. 3»²³.

20 декабря 1885 года вдоль левого поля прошения В. И. Вернадский приписал: «Все документы обратно получил».

В имеющемся в личном деле «Свидетельстве для свободного проживания в С.-Петербурге» от 31 августа 1881 года сообщается, что «...Студент Вернадский жительство имеет Московс. части... в доме № 11, кв. 3 по Разъезжей ул.» Этот же адрес обозначен на штемпелях Управления пристава 3-го участка Московской части с добавлением: «... записан при родителях ...» до 13 сентября 1882 года.

В «Свидетельстве для свободного проживания...» от 10 июня 1883 года указан новый адрес: Надеждинская улица, 40, квартира 1 (современный адрес: улица Маяковского, 46). Эта квартира располагалась в первом этаже. В ней 26 февраля 1884 года скончался Иван Васильевич Вернадский. Очевидно, переезд был связан с наймом квартиры меньшей площади, так как к этому времени сестры-близнецы В. И. Вернадского вышли замуж. Екатерина переехала в имение мужа, Сергея Александровича Короленко, а Ольга с мужем Кириллом Алексеевичем Алексеевым поселилась неподалеку от родителей, тоже в Литейной части, на Малой Итальянской улице.

16 августа 1884 года в «Свидетельстве для свободного проживания...» назван новый адрес студента В. Вернадского: Надеждинская улица, 34, квартира 8. Она находилась во дворе, в правой его части, на первом этаже.

Этот же адрес В. И. Вернадский сообщил своей будущей жене Наталье Егоровне Старицкой в письме от 13 июня 1886 года: «Если бы получил Вашу, коротенькую хотя бы, записку (адрес: СПб., Надеждинская, д. 34, кв. 8). Это было бы счастьем для меня...»²⁴. (Современный адрес: улица Маяковского, 40²⁵. Дворовые постройки не сохранились.)

В воспоминаниях И. М. Гревс писал: «На меня сильное впечатление произвела его комната в квартире, где он жил вместе с матерью на Надеждинской улице: темная, в нижнем этаже, во дворе, она за-

ставлена была книгами и какими-то научными приборами. Единственное окно закрыто было почти все большою клеткою с разными птицами: представлялся невольно кабинет алхимика, полный тайн и чудес...»²⁶

В эти же годы семья Н. Е. Старицкой занимала просторную квартиру на втором этаже в доме на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы (ныне Салтыкова-Щедрина). Дома, в которых жили Н. Е. Старицкая и В. И. Вернадский, находятся друг от друга в нескольких минутах ходьбы. 3 сентября 1886 года состоялась свадьба В. И. Вернадского и Н. Е. Старицкой.

В июне и первой половине июля 1887 года В. И. Вернадский находился в Рославльском уезде Смоленской губернии, куда был командирован Вольным экономическим обществом для исследования в этом районе залежей фосфоритов. Наталья Егоровна еще с середины мая вместе со своими родными переселилась на дачу в Териоки (ныне Зеленогорск). В молодой семье Вернадских к середине августа ожидалось пополнение. В письмах Владимира Ивановича к жене²⁷ появляется тема совместного с Гревсами найма квартиры и ухода за детьми. Судя по письмам, эта идея принадлежала женам друзей, которые были двоюродными сестрами²⁸. Мария Сергеевна Зарудная вышла замуж за И. М. Гревса в 1885 году и привлекла в кружок по изучению народной литературы Наталью Старицкую, где она с Владимиром Вернадским и познакомилась. В конце мая Старицкая, после сделанного ей Вернадским предложения, назначила ему свидание у Гревсов. 24 мая 1886 года Владимир Иванович ответил: «Получил я Ваше письмо и не все в нем понял — в конце стояло: вечером буду у "М" ... Задали Вы мне работу — найти предлог попасть к Гревсам, так как без предлога явиться я все еще не решусь и по моей сноровке, и по застенчивости, все еще у меня оставшейся, и по привычке скрытничать...»²⁹

В 1885—1886 годах Гревсы жили на Васильевском острове, 6-я линия, 17. Видимо, это повлияло и на выбор первой семейной квартиры молодой четы: «Мы в карете Егора Павловича³⁰ поехали на нашу квартиру — Васильевский остров, 6 линия, за Малым проспектом...»³¹, — вспоминал В. И. Вернадский.

Предложение о совместном с Гревсами проживании Владимир Иванович встретил без энтузиазма. Все свои «за» и «против» он обосновал и просил Наталью Егоровну с адресованными ей письмами познакомить Гревсов.

«Итак, не считая жизнь вместе осуществлением идеи братства, сомневаясь даже, что так мы приближаемся к этой идее, я все-таки хочу и могу жить вместе с Гревсами»³², — писал он 10 июня. У Гревсов 27 июня родилась дочь. Владимира Ивановича очень беспокоило, что, если Мария Сергеевна в середине августа возобновит преподавание в школе, то вся тяжесть ухода за малютками ляжет на Наталью Егоровну, а это может подорвать ее и так некрепкое здоровье: «...в твоём здоровье — мое счастье...» — писал ей Владимир Иванович.

В письме от 1 июля среди своих условий к нанимаемому жилью (близость к университету, невысокий этаж, размеры комнат и пр.)

Владимир Иванович писал: «Наконец, последнее — это помесечное нанимание квартиры, так как, очень может быть, зимой я получу командировку за границу»³³. 20 августа у Вернадских родился сын Гуля — Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973).

Известно, что в марте 1888 года В. И. Вернадский был командирован «с ученою целью на два года в Мюнхен, Париж и Вену... с содержанием по 1500 р. в год из общей стипендиальной суммы С.-Петербургского университета»³⁴.

27 ноября 1887 года на заседании физико-математического факультета профессор В. В. Докучаев выступил с ходатайством: «Факультету известно, что Консерватор Минералогического Кабинета* Владимир Иванович Вернадский в начале нынешнего года вполне успешно сдал экзамены на степень магистра Минералогии и Геогнозии. Прибавлю к этому, что Вернадский, свободно владея четырьмя европейскими языками, превосходно знаком с минералогической литературой, что он отчасти уже и доказал своей кандидатской диссертацией об изоморфизме и своими рефератами. Кроме того, этот же молодой ученый вот уже два года успешно и с большим знанием дела ведет практические занятия по Минералогии со студентами. Ввиду всего этого, ввиду несомненного таланта и значительного прилежания г. Вернадского, было бы крайне желательно облегчить ему путь к профессорскому званию. Мне казалось бы, что лучшим средством для этого послужит командировка Вернадского за границу, о чем я и прошу покорнейше Физико-математический факультет ходатайствовать перед Г. Министром Народного Просвещения, тем более, что ученых в России, специалистов, занимающихся кристаллографией, очень и очень немного.

Если факультету угодно будет согласиться на такое ходатайство, я рекомендовал бы Вернадского на два года в Мюнхен, Париж и Вену.

В настоящее время Мюнхенский университет, без всякого сомнения, один из первых в Европе по организации преподавания Минералогии. Там недавно устроен роскошный, приспособленный ко всяким последним требованиям науки, Минералогический институт, которым заведует один из первостепенных Европейских минералогов, профессор Грот. В этом институте, кроме чисто научных задач, преследуются и педагогические цели — систематическое ознакомление со всеми способами исследования, какими только обладает Минералогия и Кристаллография. Занятия у Грота должны продолжаться не менее года.

С другой стороны, ввиду того, что Вернадский с особой любовью занимается вот уже два года синтезом минералов, а эта отрасль нашей науки, заметим, весьма важная и с каждым годом приобретающая все большее и большее значение, — особенно синтез силикатов — наилучшее всего поставлена во Франции, было бы весьма желательно, чтобы Вернадский проработал около года в лаборатории известных ученых Фуке и Мишель Леви.

26 ноября 1887 г. Профессор В. Докучаев»³⁵.

* Так в оригинале.

2 декабря 1887 года декан физико-математического факультета профессор С. П. Глазенап³⁶ от имени факультета направил ректору С.-Петербургского университета постановление:

«Физико-математический факультет в заседании своем 27 ноября сего года постановил, согласно представлению проф. Докучаева, ходатайствовать о командировании на два года за границу, в Мюнхен, Париж и Вену, на средства Министерства Народного Просвещения, консерватора Минералогического Кабинета, магистранта Владимира Ивановича Вернадского, о чем Факультет имеет честь сообщить Вашему Превосходительству с приложением данного ходатайства проф. Докучаева»³⁷.

5 декабря 1887 года ходатайство о командировании В. И. Вернадского за границу было направлено в Министерство народного просвещения.

Среди документов, относящихся к «Делу о командировании за границу... Консерватора В. И. Вернадского», имеется частное обращение к министру Народного просвещения И. Д. Делянову: «Милостивый Государь Иван Давыдовыч! Физико-математический факультет С.-Петербургского Университета постановил ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о командировании на два года за границу зятя моего консерватора Минералогического Музея*, выдержавшего Магистерский экзамен по минералогии и геологии, Владимира Ивановича Вернадского. Принимая живейшее участие в Вернадском, как по родственному отношению, так и по полной уверенности моей в том, что он, по своим нравственным качествам, обширным познаниям и редкой добросовестности вполне оправдывает высокое к нему внимание, оказанное начальством, я решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в благосклонном утверждении представления Факультета.

Только что перенесенная мною операция глаза, лишает меня возможности лично передать Вам мою просьбу. Пользуюсь сим случаем, чтобы просить Вас принять уверение в глубоком уважении и преданности покорного слуги Вашего.

Е. Старицкий

4 декабря 1887 г.»³⁸

В Министерстве народного просвещения письмо Е. П. Старицкого было зарегистрировано 7 декабря, и это дает возможность предположить, что оно было отправлено по почте. На письме сверху есть запись: «Должено Его Высокопревосходительству Господину Министру 9 декабря. Приказано ожидать представления попечителя».

Блестящая характеристика, данная В. В. Докучаевым (позже она будет почти полностью повторена в представлении попечителя Санкт-Петербургского учебного округа) и личное многолетнее знакомство с И. Д. Деляновым давало Е. П. Старицкому право с достоинством выступить в роли поручителя В. И. Вернадского.

Однако 18 декабря 1887 года на бланке Министерства народного просвещения И. Д. Делянов собственноручно составил черновик письма № 427 в Департамент полиции: «Его Превосходительству П. Н.

Дурново. Конфиденциально Милостивый Государь Петр Николаевич. По встретившейся мне надобности имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать сообщить мне сведения, если таковые имеются в вверенном Вам Д[епартаменте], о политической благонадежности консерватора Минералогического кабинета С.-Петербургского Университета Коллежского Секретаря Владимира Вернадского. Примите уверения в совершенном почтении и преданности»³⁹.

Сенатор и член Государственного совета, 70-летний И. Д. Делянов, составляя запрос, отнесся к этому, по-видимому, как к исполнению долга. «Просветитель с полицейскою душой» — так называли современники министра народного просвещения.

Ответ на запрос о благонадежности Вернадского пришел через полтора месяца, и, как видно из ответа, сведения о нем были собраны самые свежие. В поступившем 3 февраля 1888 года письме на имя И. Д. Делянова сообщалось:

«Вследствие письма от 18-го Декабря минувшего года за № 427, имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству нижеследующее: консерватор минералогического кабинета С. Петербургского Университета Владимир Иванов Вернадский, как оказалось по собранным о нем сведениям, 29 лет, проживает вместе с женой Натальей Егоровой, 22 лет (дочь Действительного Тайного Советника Старицкого), по 7-ой линии, в доме № 60, в квартире кандидата С.-Петербургского Университета Ивана Михайлова Гревса. Квартиру их посещают некоторые неблагонадежные лица, а именно: известные Вашему Высокопревосходительству Александру и Сергею Зарудные и сестры их Екатерина и Анастасия, бывшие студенты С.-Петербургского университета; привлеченные ныне к дознанию при С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении Василий Воловцов и Михаил Сосновский; слушательницы высших женских курсов: Татьяна Постникова, Гитля Гордон, Надежда Лобко, Анна Руленко и высланная в начале сего января Александра Тимофеева, а также сын и дочь Действительного Тайного Советника, Члена Государственного Совета Любоцинского, Марк и Софья Любоцинские»⁴⁰.

В сообщении Департамента полиции совершенно произвольно указываются возрасты Н. Е. и В. И. Вернадских: филеры определили их чисто визуально.

На левом поле документа есть запись: «Должено Его Высокопревосходительству 10 февраля, приказано, не принимая во внимание сей отзыв, передать ходатайство о командировании за границу на рассмотрение Университетской комиссии».

8 марта 1888 года в ректорате С.-Петербургского университета было выдано следующее свидетельство:

«Предъявитель сего, Хранитель Геологического кабинета⁴¹ С.-Петербургского университета Коллежский секретарь Владимир Иванович Вернадский, Высочайшим приказом по Министерству Народного Просвещения, командирован с ученою целью за границу на два года; в удостоверение чего выдано г. Вернадскому это свидетельство для предъявления в Канцелярии С.-Петербургского Градоначальника при получении заграничного паспорта»⁴².

* Так в оригинале.

Во время заграничной командировки В. И. Вернадский был приглашен на преподавательскую работу в Московский университет. В середине сентября 1890 года, получив разрешение на отпуск, он отправился в Москву для переговоров о предстоящей работе. Семья В. И. Вернадского находилась в Полтаве, в имении родителей Наталии Егоровны.

26 октября 1890 года В. И. Вернадский подал прошение на имя ректора Петербургского университета: «Вследствие поступления моего в число приват-доцентов Московского Университета честь имею просить Ваше Превосходительство уволить меня от занимаемой мною должности. Бумаги мои и формулярный о службе список прошу переслать в Московский Университет»⁴³.

В середине ноября 1890 года Вернадские переехали в Москву. По словам ученого, он не порывал связи с Петербургом ни на один день: здесь остались учителя, друзья, родные.

В Петербургском университете в 1891 году он защитил магистерскую диссертацию, в 1897 году — докторскую. В 1906 году В. И. Вернадский был избран в Императорскую Академию наук.

В 1911 году Вернадские вернулись в Петербург. Впереди были почти двадцать пять лет жизни в этом городе.

¹ Некоторые новые данные о жизни и деятельности ученого были впервые сообщены автором на заседаниях Ленинградского отделения Комиссии АН СССР по разработке научного наследия В. И. Вернадского в 1989—1990 годах.

² Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 13.

³ На этот период отсутствуют адресные книги жителей Петербурга.

⁴ На обороте титульного листа значится: «Одобрено цензурой С-Пб 1863 февраля 24 дня». Заметим, что дата рождения В. И. Вернадского — 28 февраля.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 848. Л. 30 об., 31.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 75. Д. 145. Л. 206.

⁷ В связи с цензурными осложнениями издание «Экономиста» было прекращено в 1865 году.

⁸ РНБ. Рукописный отдел. Ф. 391. Ед. хр. 237. Л. 3.

⁹ Страницы автобиографии... С. 21.

¹⁰ В некоторых публикациях иногда ошибочно указывается поступление Вернадского в 3-й класс 1-й С.-Петербургской гимназии.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4504. Л. 3.

¹² Краткие сведения по истории здания гимназии (без упоминания о В. И. Вернадском) приведены в кн.: Кириков Б. М., Марголис А. Д. Пионерская площадь. Л., 1983. С. 39—42.

¹³ ЦГИА СПб. Там же.

¹⁴ Страницы автобиографии... С. 26.

¹⁵ ЦГИА СПб. Там же. Д. 21648. Л. 3.

¹⁶ Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 326.

¹⁷ Краснов Андрей Николаевич (1862—1914) — старший брат казачьего генерала Петра Николаевича Краснова (1869—1947), непримиримого противника советской власти. Братья росли в высокообразованной семье. Отец — казачий генерал Войска Донского, выпускник Академии Генерального штаба, историк Донского казачества и писатель; мать — профессиональная переводчица с европейских языков.

¹⁸ Вернадский В. И. Указ. соч. С. 332.

¹⁹ Страницы автобиографии... С. 49.

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Корш Валентин Федорович (1828—1883) — журналист и историк литературы. В 1856—1862 годах был редактором «Московских ведомостей» и в 1863—1874 — «Санкт-Петербургских ведомостей».

²² Страницы автобиографии... С. 25.

²³ ЦГИА СПб. Там же. Ед. хр. 21648. Л. 1—2.

²⁴ Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1886—1889. М., 1988. С. 38.

²⁵ Во многих изданиях ошибочно указывается и воспроизводится дом № 34 современной нумерации, в котором Вернадский не жил.

²⁶ Гревс И. М. В годы юности // Былое. 1918. № 12. С. 54.

²⁷ За полтора месяца Наталья Егоровна получила от В. И. Вернадского 15 писем.

²⁸ Отец М. С. Зарудной и мать Н. Е. Старицкой были родными братом и сестрой.

²⁹ Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. С. 13.

³⁰ Старицкий Егор Павлович (1825—1899) — член Государственного совета и председатель Департамента законов, отец Натальи Егоровны Вернадской.

³¹ Страницы автобиографии... С. 54. К сожалению, установить точный адрес пока не удалось.

³² Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. С. 86.

³³ Страницы автобиографии... С. 104. В единственном художественно-документальном повествовании о жизни и деятельности ученого, книге Л. И. Гумилевского «Вернадский» (М., 1988. 3-е изд. С. 47—49), эти факты изложены вопреки имеющимся документам.

³⁴ ЦГИА СПб. Там же. Ед. хр. 8718. Л. 420б.

³⁵ Там же. Л. 15—160б.

³⁶ Глазенап Сергей Павлович (1848—1937) — астроном. С 1877 по 1924 год — преподаватель Петербургского университета. Один из организаторов и председатель Русского астрономического общества.

³⁷ ЦГИА СПб. Там же. Л. 17.

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 127. Ед. хр. 313. Л. 232.

³⁹ Там же. Л. 239.

⁴⁰ Там же. Л. 253. Краткие сведения о людях, упомянутых в документе, приводятся в приложении к статье.

⁴¹ Так в оригинале.

⁴² ЦГИА СПб. Там же. Л. 28.

⁴³ Там же. Л. 36.

Приложение

Неблагонадежными лицами названы братья и сестры Зарудные, о которых сказано: «известные Вашему Высокопревосходительству».

В начале 20-х чисел декабря 1887 года многие газеты России поместили некролог о смерти 18 декабря «по пути» в Ниццу С. И. Зарудного, отца Александра, Екатерины и Анастасии Зарудных, а также Марии Сергеевны Гревс, в девичестве Зарудной.

Зарудный Сергей Иванович (1821—1887), сенатор и член Государственного совета, был одним из создателей судебных реформ Александра II.

Зарудный Александр Сергеевич (1863—1934) окончил Училище правоведения, приобрел широкую известность как защитник на политических процессах: 1-го Совета рабочих депутатов 1905 года, ЦК Крестьянского Союза, лейтенанта Шмидта, по делу о покушении на Николая II, по делу Бейлиса и др. После Октябрьской революции по ходатайству Общества политкаторжан получил персональную пенсию.

Зарудная Екатерина Сергеевна (1861—1917) училась в Академии художеств у П. П. Чистякова, в 1885—1886 годах брала уроки живописи в художественных студиях в Париже. В 1888 году вышла замуж за Е. Ц. Кавоса¹, двоюродного брата А. Н. Бенуа. И. Е. Репин отнес Е. С. Кавос «к выдающимся женщинам художницам, окончившим старую академию художеств». Среди портретов, выполненных Е. С. Кавос

(В. С. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Ф. Комиссаржевская, А. Ф. Кони, И. Н. Крамской, А. Н. Бенуа и др.), есть два портрета В. И. Вернадского. Они были написаны в 1913 году во время летнего отдыха в имении Вернадских Шишаки недалеко от Полтавы, куда на лето поселилась семья Кавос. И. М. Гревс писал о смерти Е. С. Кавос: «Она скончалась в конце 1917 года от жестокой болезни, вызванной потрясениями рокового года».

Зарудная Анастасия Сергеевна (1865—?) посещала Высшие женские курсы, входила в кружок по изучению народной литературы. Ее муж, Родичев Ф. И. (1856—?), — юрист, один из лидеров кадетов, депутат Государственной думы всех созывов. За свою думскую активность получил прозвище Трибун Государственной думы.

Зарудный Сергей Митрофанович (1865—1940) был сыном Митрофана Ивановича Зарудного (1834—1883), брата Сергея Ивановича. По матери, Софье Альбертовне, в девичестве Кавос, приходился двоюродным братом А. Н. Бенуа: их матери были родными сестрами. С. М. Зарудный, как и его отец, окончил Училище правоведения и стал прокурором.

Водовозов Василий Васильевич (1864—1933) одновременно с В. И. Вернадским учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета. За участие в народническом движении он неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В конце 1887 года был приговорен к высылке в северные губернии на пять лет. Члены «Братства» были дружны с его родителями — Василием Ивановичем Водовозовым (1825—1886) и Александрой Михайловной Калмыковой (1849—1926) — педагогами и просветителями. В. И. Водовозов организовал одну из первых воскресных школ при 1-й С.-Петербургской гимназии. А. М. Калмыкова входила в редакции журналов «легальных марксистов», открыла в столице книжный магазин-склад народных изданий, оказывала большую материальную помощь в издании большевистских газет. В семье Водовозовых воспитывался П. Б. Струве (1870—1944), известный экономист и философ. В. В. Водовозов отошел от народничества и вступил в 1906 году в Трудовую партию. Октябрьскую революцию он не принял и после смерти матери эмигрировал.

Любошинский Марк Николаевич (1817—1889) — государственный деятель, служил в Министерстве юстиции, в Сенате, принимал участие в работах по отмене крепостного права и других важных государственных установлениях. Его сын, М. М. Любошинский, в ноябре 1888 года женился на сестре Н. Е. Вернадской — Анне Егоровне Старицкой (1864—1930). У их дочери, Софьи Марковны Бакуниной, Вернадские нашли приют в маленьком имении «Горная щель» неподалеку от Ялты, где в течение многих дней находился между жизнью и смертью во время сыпняка Владимир Иванович. О М. М. Любошинском в 1929 году в письме к сыну В. И. Вернадский писал: «Дядя Марк лишился места без права поступления на государственную службу — т. е. фактически — если не снимется, — обречен на голод и положение па-ри...»³

Тимофеева Александра Павловна (1864—1892) — курсистка, в пос-

ледствии жена Сергея Федоровича Ольденбурга, одного из ближайших друзей Владимира Ивановича.

¹ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1980. С. 51.

² Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. № 1. Л., 1988. С. 51.

³ Вернадский В. И. Пять «вольных» писем к сыну. 1929 // Минувшее: Ист. альм. Париж, 1987. С. 448.

Ю. В. ТРУБИНОВ

Строгановский дворец: уточнение времени строительства

При изучении истории Строгановского дворца мы обратили внимание на расхождения в датах строительства здания. Попытка разобраться в этом, казалось бы, частном вопросе привела к неожиданному результату.

Существующий Строгановский дворец построен на месте другого каменного одноэтажного здания, возведенного «на завороте Невской першпективы по речке Мье» для портного мастера Иоганна Неймана в 1738 году по проекту, предположительно, архитектора М. Г. Земцова. В 1742 году дом купили сыновья «именитого человека» Григория Строганова, удостоенные Петром I за заслуги отца титула баронов. Владельцем этого участка стал младший из братьев барон Сергей Григорьевич Строганов. Он достроил бывший дом Неймана и прожил в нем до осени 1753 года, когда здание сгорело.

Традиционные хронологические рамки строительства Строгановского дворца с 1752 по 1754 год, принятые в настоящее время большинством исследователей, восходят к Н. М. Колмакову, историографу «рода владельцев строгановского дома», который жил в нем в 1840-х годах и пользовался материалами семейного архива, находившегося в этом же здании. В 1887 году, приступая к очерку «Дом и фамилия графов Строгоновых», он писал: «Строгоновский дом, как увидим впоследствии, построен графом Растрелли в 1752—1754 годах»¹.

Откуда у Колмакова появился 1752 год, можно только догадываться, ибо в документах, которыми он пользовался и которые, по счастью, сохранились, названа другая дата. По какому-то недоразумению Колмаков совместил разные события: отъезд в мае 1752 года за границу графа Александра Сергеевича, будущей знаменитости, пожар 1 ноября якобы того же года в старом доме и начало строительства нового дворца. Справедливо утверждая, что, благодаря переписке отца и сына Строгановых, «мы имеем сведения о последних годах жизни барона Сергея Григорьевича и о постройке описываемого нами дома»², Колмаков не точно, а близко к тексту цитирует документы, небрежно обращаясь при этом с датами.

В 1902 году И. Божерянов подверг сомнению начальную дату стро-

ительства дворца, сообщив в печати о том, что барон С. Г. Строганов устроил в 1754 году «бал в своем новом доме, построенном на Невском проспекте графом Растрелли после пожара в 1750 году»³.

Возможно, 1750 появился вследствие опечатки, поскольку чуть раньше, в «Художественных сокровищах России», Божерянов строго придерживался колмаковской датировки. Тем не менее, новая датировка была замечена И. Э. Грабарем и взята «на вооружение» при создании фундаментальной «Истории русского искусства», где сказано, что Строгановский дворец «построен Растрелли в 1750—1754 годах»⁴.

Эту датировку попытался опровергнуть А. М. Матвеев в 1938 году, полагая, что ошибся не Божерянов, а процитированные им «Санкт-Петербургские ведомости» за 1754 год, сообщившие о бале в Строгановском дворце⁵. Однако А. М. Матвеев при составлении капитальной монографии о Ф. Б. Растрелли пользовался исключительно вторичными материалами и игнорировал не только архивные документы в подлиннике, но и чтение периодики XVIII века, в частности, упомянутые им «Санкт-Петербургские ведомости», где ни о каком строительстве Строгановского дворца нет и намека. Отвергнув одну случайную дату (1750), Матвеев принимает на веру другую, колмаковскую (1752), и придумывает, что письмо С. Г. Строганова о пожаре написано 2 ноября 1752 года.

Промежуточную дату начала строительства — 1751 год — предложил, без какой-либо оговорки, В. А. Курбатов в 1913 году⁶. Авторитет Курбатова оказал влияние лишь на авторов ряда путеводителей по Ленинграду.

Предпринимались попытки расширить предложенные Колмаковым границы строительства дворца за счет конечной даты. Так, великий князь Николай Михайлович в двухтомной монографии о П. А. Строганове, изданной в 1903 году, отмечал: «Хотя по архивам невозможно точно установить года окончания постройки Строгановского дворца, но постройка его должна была происходить в период 1752—1756 годов, одновременно с сооружением Шуваловского дворца, что ныне Пажеский корпус, так как строителем обоих дворцов был тот же знаменитый архитектор граф Растрелли»⁷. Шаткость его аргументации очевидна, поскольку ему неведомы были ни сроки строительства Пажеского корпуса (1749—1757), ни его первоначальная принадлежность вице-канцлеру М. И. Воронцову (а не Шувалову). Точку зрения великого князя Николая Михайловича разделили авторы путеводителей по Ленинграду 1930-х годов и А. Г. Яцевич, составитель паспорта на Строгановский дворец в те же годы.

Публикация материалов Ф. Б. Растрелли З. Батовским (1939) и Д. Аркиным (1940), среди которых центральное место занимает «Общее описание зданий, построенных ... Растрелли», составленное зодчим в 1755 году, заставила некоторых исследователей принять эту дату в качестве завершающей строительство Строгановского дворца. Дело в том, что именно этим годом сам Растрелли датирует ряд своих построек, в том числе и Строгановский дворец: «В этом же году я построил также каменный дворец в 3 этажа, принадлежащий господину барону Строганову, нынешнему придворному императрицы»⁸.

Одной из первых признала эту дату в 1948 году М.С.Коноплева, но без ссылки на источник. В монографии о Джузеппе Валериани она отметила: «Особняк Строганова строился в 1753—1755 годах. Его строитель Растрелли жил у Строганова и даже занимал комнаты молодого путешественника»⁹.

Не без оговорок приняла 1755 год Г.К.Козьян. Началом строительства дворца для нее явился 1752 год: «Пока разбирали руины сгоревшего дома, подвозили строительные материалы, проект нового дворца был готов. Работы начали в 1753 году и полностью завершили в 1755 году ... Растрелли указал дату окончания строительства дворца — 1755 год. Но почти все работы в залах были закончены осенью 1754 года. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» 19 октября этого года поместила сообщение о грандиозном бале, данном С.Г.Строгановым в новом доме»¹⁰.

Осторожно и дифференцированно подошли к датам строительства дворца Ю.М.Денисов и А.Н.Петров в 1963 году. Принимая начальную дату Колмакова и скептически относясь к дате Растрелли, они привлекли другие источники, в частности, свидетельство А.И.Богданова. Они писали: «Это здание 1 ноября 1752 года было уничтожено пожаром. В следующем, 1753 году, по свидетельству первого историка Петербурга А.И.Богданова, развалины были разобраны и на их месте начали сооружать «большие великолепные палаты о трех апартаментах» .... Датировка окончания работ по постройке и отделке Строгановского дворца затруднительна. Сам Растрелли указал в качестве даты завершения работ 1755 год. С другой стороны, А.И.Богданов сообщает, что в 1760 году владелец дворца «выклял каменный канал перед палатами своими» .... Этими работами, по-видимому, и завершилось строительство дворца»¹¹.

Благоустройство территории (создание канала перед зданием, ограждение его чугунными тумбами и т.д.), конечно же, имеет отношение к истории дворца, но отодвигать завершение его строительства к 1760 году вряд ли целесообразно. А вот к дате А. И. Богданова следует отнестись более внимательно: «На Большой перспективе, на углу подъемного моста, против зимнего дома Ея Величества, были небольшие поземные палаты господ Строгановых. И сего 1753 года оные палаты разобраны, а на том месте состроены большие великолепные о трех департаментах его сиятельства барона Сергея Николаевича Строганова»¹². Здесь все лаконично и четко: в 1753 (а не в 1752!) году одни палаты разобраны и в том же году другие «состроены», то есть завершены — это однозначно, вопреки интерпретации Ю. М. Денисова и А. Н. Петрова.

Подлинные архивные документы, расставляющие все на свои места, хранятся в Центральном государственном архиве древних актов в фонде Строгановых. По совершенно необъяснимым причинам их игнорировали абсолютно все исследователи.

Наблюдение А. И. Богданова о строительстве дворца подтверждается письмом С. Г. Строганова за границу сыну от 10 января 1754 года, где со всей определенностью названы сроки возведения нового дворца и дата первого бала, пропущенные Н. М. Колмаковым: «Теперь,

друг мой, сообщаю вам здешние ведомости: прошедшего декабря 15 числа в высочайший день рождения Ея Императорского Величества празднован у нас со обыкновенною церемониею и в новопостроенном доме, понеже прежний дворец ноября 1 числа весь выгорел, о чем я тогда не сообщил таких вам печальных ведомостей. И так, ныне, вместо оного, на том же месте чрез 6 недель такой огромный дворец построен и с такими украшениями как внутренними, так и наружными, что крайнему удивлению достойно, и почти не знать, что когда горело»¹³.

Шесть недель! Видимо, Н. М. Колмаков не поверил своим глазам и опустил столь важную подробность: сообщение С. Г. Строганова о празднестве в доме по завершении работ и по случаю дня рождения Елисаветы Петровны, в результате чего у него получилось следующее, ставшее классическим, выражение: «Потом другим письмом ... барон С. Г. Строганов сообщил сыну, что „наш петербургский дом, 1-го ноября 1752 года, сгорел до основания и что на том же самом месте он начал строить новый и такой огромный и с такими украшениями внутри и снаружи, что удивления достойно“»¹⁴.

Подправленная А. М. Матвеевым, эта фраза стала поистине крылатой и цитируется не только в текстах книг, но и в заголовках статей, посвященных Строгановскому дворцу. Приведем и ее для наглядного сравнения с колмаковским вариантом и с подлинным письмом: «В одном письме, от 2 ноября 1752 года, говорится: „Наш петербургский дом сгорел до основания и на том же месте я начал строить новый и такой огромный и с такими украшениями и внутри и снаружи, что удивления достойно“»¹⁵.

Но вернемся к подлиннику. Указанный С. Г. Строгановым срок строительства нового дворца — 6 недель — смутил не только Н. М. Колмакова, обнаружившего это письмо спустя 133 года, когда секреты скоростного строительства были в значительной мере утрачены, но даже получатель письма, А. С. Строганов, был поражен таким известием и высказал сомнение отцу в первом же за 1754 год письме из Женева. Его сомнения были окончательно рассеяны ответом С. Г. Строганова 14 февраля 1754 года, также сохранившимся в архиве: «В первом вашем письме упоминаете о случившемся пожаре, токмо оной случай построением с чрезвычайною скоростью дворца и во всем лучше прежнего уже здесь взабыты»¹⁶.

Таким образом, на основании подлинного свидетельства барона С. Г. Строганова, подтвержденного им вторично, а также на основании независимого суждения очевидца событий, первого историка Петербурга А. И. Богданова, следует считать, что Строгановский дворец на Невском проспекте в Петербурге был построен по проекту архитектора Ф. Б. Растрелли с 1 ноября по 15 декабря 1753 года, то есть за 1,5 месяца.

Возможно ли это? История градостроительного искусства показывает, что такие случаи, особенно в первой половине XVIII века, были не единичны. Более того, по утверждению С. С. Ожегова, «строительство в чрезвычайно сжатые сроки отдельных сооружений, крепостей и даже целых городов было распространено на Руси с незапамятных времен»¹⁷.

Последнее, правда, относится к так называемому «типовому» строительству, в основном, деревянных зданий. Строгановский же дворец — монументальное каменное здание. Оказывается, и в этих случаях строительство в кратчайшие сроки было возможно при соблюдении определенных условий: наличия огромного количества квалифицированных специалистов и разнорабочих, концентрации строительных материалов и четкой организации производственных процессов. Примеры тому встречались в строительной практике XVIII века. Менее чем за год построил на Васильевском острове грандиозный по тем временам четырехэтажный дворец светлейший князь А. Д. Меншиков: сваи под него начали бить в августе 1710 года, а 1 октября 1711 года генерал-губернатор Санкт-Петербурга отметил в нем новоселье (отсюда следует вычесть зимние месяцы, когда строительная деятельность сворачивалась)¹⁸.

Архитектор Ф. Б. Растрелли, отличавшийся огромной работоспособностью и кипучей энергией, с 1716 года находился в гуще архитектурной жизни столицы как помощник отца своего, скульптора и архитектора К. Б. Растрелли, а затем и вполне самостоятельно проектировавший и руководивший строительством самых разнообразных зданий, умел, как и его русские коллеги, строить исключительно быстро.

По стечению обстоятельств 1 ноября 1753 года сгорел не только дом барона С. Г. Строганова на Невском проспекте в Петербурге, но и царская зимняя деревянная резиденция Анненгоф в Москве на берегу Яузы, построенная в начале 1730-х годов по проекту Ф. Б. Растрелли и А. П. Евлашева. 4 ноября 1753 года появился указ о строительстве нового дворца на месте сгоревшего Анненгофа, 12 ноября около 800 плотников приступили к работе, а 23 декабря 1753 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили о завершении всей внутренней отделки 170 комнат дворца, исполненной по проектам архитекторов А. П. Евлашева и Д. В. Ухтомского¹⁹. Строительство продолжалось менее полутора месяцев.

Из практики самого Растрелли также можно извлечь примеры исключительно быстрого строительства зданий разного назначения. Так, по его собственным словам, в 1741 году он за 58 дней возвел здание оперы в 3 яруса с ложами, декорациями и машинами²⁰. Наконец, еще один пример из его «реестра» 1755 года, подтвержденный авторскими чертежами и другими источниками, — строительство деревянного Зимнего дворца Елисаветы Петровны на углу Невского проспекта и Мойки, напротив Строгановского дворца, осуществленное в 1755 году, по утверждению «Санкт-Петербургских ведомостей», «не более, как в шесть месяцев»²¹. По описанию Ф. Б. Растрелли, «этот дворец состоял более чем из 156 комнат, с каменными погребками, большой галереей, выходящей прямо на большой проспект»²².

Строгановский дворец органично вписывается в этот ряд. С. Г. Строганов, по-видимому, давно задумал перестройку своего дома на Невском. Осуществить ее согласился сам обер-архитектор императорского дворца Ф. Б. Растрелли. И вот знаменитый зодчий в марте 1753 года переселился в старый дом Строганова, чтобы на месте составить

проект нового господского дома. Можно только предполагать, что так развивались события, ибо документальных свидетельств этому (контракта с зодчим, проекта и сметы, ведомостей на заготовку и расход строительных материалов, подрядов на рабочую силу и др.) нет. Фраза из письма С. Г. Строганова сыну от 29 марта 1753 года о том, что «граф Растрелли ... сделал для посылки к вам фасад питербургского дому»²³, далеко не однозначна: ведь он мог изобразить фасад как существовавшего в натуре дома, так и фасад предполагаемого дворца. Что это был за чертеж и какое впечатление он произвел на А. С. Строганова, неизвестно, поскольку в следующих письмах отцу он ограничивается «нижайшими поклонами графу Растреллию», а о получении «фасада питербургского дому» даже не упоминает. Поэтому утверждать без всяких оговорок, как это сделал Н. М. Колмаков, на основании только этого письма С. Г. Строганова, будто «Александр Сергеевич получил от отца извещение о том, что граф Растрелли тогда жил у него в доме ... и что сей последний составил план и фасад новому дому»²⁴, можно с большой натяжкой. С другой стороны, очевидно, что Ф. Б. Растрелли исполнил не только фасад, отправленный в Женеву, но и тщательно разработал проект. Работы по строительству дворца были проведены за полтора месяца и настолько успешно, что в середине декабря 1753 года С. Г. Строганов смог дать бал в своем новом дворце по случаю сорокачетырехлетия императрицы.

В конце декабря 1753 года Елисавета Петровна вторично посетила своего камергера в его новом дворце²⁵. В следующем, 1754 году, балы и маскарады в Строгановском дворце стали обычным явлением. Один из них, особо пышный и торжественный, устроенный С. Г. Строгановым 19 октября 1754 года по случаю рождения внука императрицы, великого князя Павла Петровича, нашел отражение в «Санкт-Петербургских ведомостях». Если верить содержащейся там информации²⁶, на балу присутствовало более 500 человек, среди которых были не только придворные дамы и кавалеры, но и иностранные купцы и министры зарубежных держав. Веселье с танцами и музыкой происходило в большом зале и, кроме того, «в трех больших покоях», где были накрыты столы «дорогими напитками, фруктами и конфетами». В других трех покоях развлекались картежники, «а еще в некоторых особливых покоях маски переодевались». Весь дворец был украшен огнями: снаружи — плюшками, а изнутри — восковыми свечами.

Вот этот осенний бал многие исследователи и отождествили с моментом завершения строительства дворца. Однако еще весной 1754 года, подчеркнем еще раз, С. Г. Строганов завершил своего сына в том, что происшедшее в конце 1753 года «построение с чрезвычайной скоростью дворца и во всем лучше прежнего уже здесь забыты».

¹⁸ Колмаков Н. М. Дом и фамилия графов Строгановых. 1752—1887 // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 576.

¹⁹ Там же. С. 582.

²⁰ Божерянов И. Невский проспект. СПб., 1902. Т. 1. С. 134.

²¹ Грабарь И. История русского искусства. М., 1912. Т. III. С. 194.

²² Матвеев А. Растрелли. М., 1938. С. 43.

²³ Курбатов В. Петербург: художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. СПб., 1913. С. 71.

- 7 Николай Михайлович, в кн.: Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). СПб., 1903. Т. 1. С. 7.
- 8 Батовский З. Архитектор Растрелли о своих постройках / Пер. с фр. Львов, 1939. С. 61.
- 9 Коноплева М. С. Театральный живописец Джузеппе Валериани. Л., 1948. С. 23.
- 10 Козьмин Г. Ф. Б. Растрелли. Л., 1976. С. 92.
- 11 Денисов Ю., Петров А. Зодчий Растрелли. Л., 1963. С. 14.
- 12 Титов А. А. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга с 1751 по 1762 год, сочиненное А. Богдановым. М., 1903. С. 34—35. У Богданова описка в отчестве Строганова, следует читать «Григорьевича».
- 13 ЦГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 125.
- 14 Колмаков Н. М. Дом и фамилия графов Строгоновых. С. 583.
- 15 Матвеев А. Растрелли. С. 43.
- 16 ЦГАДА. Там же. Л. 125 об.
- 17 Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII—XIX веках. М., 1984. С. 5.
- 18 Денисов Ю. М., Трубинов Ю. В. Дворец Меншикова или Кадетский корпус? // Строительство и архитектура Ленинграда. 1977. № 5. С. 36.
- 19 Денисов Ю., Петров А. Зодчий Растрелли. С. 7—8.
- 20 Батовский З. Архитектор Растрелли о своих постройках. С. 59.
- 21 Санкт-Петербургские вед. 1755. 5 нояб. № 89.
- 22 Батовский З. Архитектор Растрелли о своих постройках. С. 61.
- 23 ЦГАДА. Там же. Л. 79.
- 24 Колмаков Н. М. Дом и фамилия графов Строгоновых. С. 583.
- 25 ЦГАДА. Там же. Л. 125 об.
- 26 Санкт-Петербургские вед. 1754. 25 окт. С. 677.

М. В. НАЩОКИНА

Николай Султанов (1850—1908)

Архитектор, строитель, инженер, реставратор, теоретик и историк всеобщей архитектуры, исследователь древнерусской культуры, педагог, ректор Института гражданских инженеров и выдающийся общественный деятель — все это многообразие творческой деятельности соединял в себе неутомимый Николай Владимирович Султанов. И ни одно из названных направлений не было для него формальным — всему он отдавался с энтузиазмом и основательностью подлинного профессионала. Постоянный труд, освещенный интеллектом ученого и заинтересованностью творца, стал содержанием и целью его жизни, оставившей цельный и, думается, прочный след в истории русской архитектуры.

Петербургец Султанов получил архитектурно-строительное образование в северной столице. В 1873 году он окончил Строительное училище и был причислен к Техническо-строительному комитету (ТСК) Министерства внутренних дел и одновременно приглашен преподавать в Строительное училище (СУ), преобразованное в 1882 году в Институт гражданских инженеров (ИГИ). Служба в ТСК познакомила Султанова с реальностями архитектурной практики и дала определенный опыт, но на протяжении всей его жизни одним из основных занятий оставалась преподавательская деятельность.

Он читал лекции и вел учебные курсы и в ИГИ, и в Николаевской инженерной академии, и в Санкт-Петербургском Технологическом институте, и в Археологическом институте, и даже в кондукторских классах инженеров ведомства военного министерства. Стройность мыслей, живой язык, блестящая эрудиция, академические способности делали лекции Султанова не только информативно наполненными, но и увлекательными для студентов. Не случайно конспекты лекционных курсов, записанные его студентами, издавались впоследствии в качестве полноценных учебных пособий¹.

После окончания училища Н. В. Султанов тотчас же окунулся в профессиональную строительную работу. В качестве помощника архитектора А. К. Серебрякова в 1874—1877 годах он строил дома князя Мурузи и графа Шереметева в Петербурге и производил ремонтные работы в знаменитом дворце Шереметева в Останкине. Участие в по-

стройке дома С. Д. Шереметева на Литейном проспекте в Петербурге оказалось счастливым для Султанова событием, надолго предопределившим его творческую жизнь, во многом связанную с этой аристократической фамилией. Будучи с 1878 по 1891 год постоянным архитектором Шереметева, он не только вел необходимые работы в городских домах графа и капитально перестраивал его Странноприимный дом (1883—1886) в Москве, но и занимался хозяйственными делами знаменитых подмосковных шереметевских усадеб — Останкино, Кусково, Михайловское.

В Кускове Султанов построил подъемный мост, фонтан, дачи со службами, металлическое здание тропической оранжереи, танцевальный зал в парке, создал систему орошения всего сада. К сожалению, эти постройки не сохранились.

Особенно много работ Султанова связано с усадьбой Михайловское, принадлежавшей роду Шереметевых с первой половины XIX века. Здесь им были возведены многочисленные хозяйственные сооружения: две оранжереи, конюшня, прачечная, каретный сарай, дом для прислуги, птичий двор, кирпичный завод и т. д. Приобретенный здесь опыт пригодился в дальнейшей педагогической деятельности в Институте гражданских инженеров, где он с 1890 года заведовал проектированием «служб и хозяйственных построек»².

По проекту Султанова перестраивался главный усадебный дом Михайловского — прекрасный образец раннего классицизма конца 1770 — начала 1780-х годов, который нередко связывают с именем И. Е. Старова. К сохранению старинной части дома Султанов пристроил с двух сторон обширные крылья, стилистически соответствовавшие центральному ядру. Увеличение площади дома было связано с просветительской деятельностью С. Д. Шереметева. Здесь был организован музей местной природы, разместились Общество любителей древней письменности, картинная галерея³.

Султанов принимал активное участие в работе Общества любителей древней письменности. Здесь, по-видимому, произошло его углубленное знакомство с памятниками археологии, рукописями, предметами декоративно-прикладного искусства Древней Руси, что нашло отражение в его научной работе. В это время он занимался переводом книги известного французского архитектора и историка архитектуры Э. Виолле-ле-Дюка — «Русское искусство. Его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущее» (М., 1879). Издание этой книги Султанова имело большой общественный резонанс, вызвало широкую полемику в кругах специалистов и любителей искусства, так как явилось первым обобщенным трудом по истории искусства Руси. Публикация вызвала интерес к этой малоизученной области истории отечественной культуры, убедила многих русских ученых в необходимости проведения методичных скрупулезных исследований. Работа над переводом книги Виолле-ле-Дюка немало способствовала формированию художественного мировоззрения самого Султанова.

Эмоциональный, глубоко понимавший и любивший русское искусство, он внутренне полемизировал с точкой зрения Виолле-ле-Дюка и других западных ученых на протяжении всей своей жизни⁴. Высту-

пая позднее на V Археологическом съезде в Тифлисе, он говорил: «Странная судьба русского искусства! Оно ... составляет, так сказать, "открытие современной критики", и лет пять-десять тому назад никто и не подозревал его существования. Затем появились исследователи, посвятившие ему свои силы, но, к сожалению, в большинстве случаев ученые эти видели в нем лишь одно наслоение различных иноземных основ и влияний, так что среди миллиона влияний, признанных на наше искусство как русскими, так и иноземными авторитетами, кажется одному только мексиканскому влиянию не отведено почетного места, так как некоторые из них, например, Виолле-ле-Дюк, признают даже сильное китайское влияние. И только в самое последнее время в нашей науке стали появляться теории, которые неопровержимо доказывают, что русское искусство не могло быть простым наслоением разных влияний, что такой великий, многомиллионный народ, каков народ русский, должен был иметь кое-что своего в этом отношении и что Россия никогда не была таким пустым местом, где всякая горсть пришельцев могла бросить какие угодно семена»⁵.

В начале 1880-х годов для периодического издания «Памятники древней письменности», издававшегося Обществом любителей древней письменности, Султанов написал работу «Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. Исследование по рукописи XVI века "Житие Николая Чудотворца"»⁶. Этот труд, впервые затронувший важную историко-архитектурную проблему, завершился научно обоснованным выводом, ставшим отправной точкой для дальнейших исследований в этой области: «На основании сделанных сравнений мы должны признать, что архитектурные формы "Жития" — формы существовавшие, а не вымышленные»⁷.

К этим же годам относится и увлечение Султанова историей русской одежды, увенчавшееся замечательно иллюстрированным трудом «Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной» (СПб., 1881—1884). Неослабевающий интерес к подлинным древним рукописным памятникам не просто составлял характерную черту Султанова как исследователя, но был осмыслен им в этой книге как творческое кредо: «Опуская все неверные, противоречащие один другому рассказы и умышленные искажения, я обращаюсь к более верному источнику, разъясняющему жизнь и обстановку наших древних славян, — это сохранившиеся их памятники искусства, которые нам скажут более и правдивее, чем неверные сказания западных писателей»⁸.

В «шереметевский» период жизни Султанов углубленно занимался самообразованием — совершал поездки по историческим русским городам, где изучал памятники отечественной архитектуры, а в 1886 году, будучи командированным Министерством внутренних дел, путешествовал по Италии. На годы, связанные со службой у Шереметевых, приходится и вторая продолжительная поездка Султанова — в 1890—1891 годах он посетил Берлин и Париж, а потом снова Италию, где подробно изучал архитектурное наследие ее древних городов. В историко-археологическом и архитектурном обществах Франции он выступил с докладами о русском искусстве и археологии, отмеченными медалью⁹.

Другим важным направлением творчества Н. В. Султанова была практическая реставрационная деятельность, тогда еще только складывавшаяся как отрасль отечественной науки. Первым его произведением (совместно с архитектором А. К. Серебряковым) в этом виде архитектурного творчества была реставрация знаменитой Останкинской церкви второй половины XVII века, которую на протяжении всей жизни он считал лучшим созданием древнерусской архитектуры, наряду с церковью Грузинской Божией Матери в Никитниках. Работая у Шереметевых, Султанов в 1870—1880-х годах реставрировал дворец и Итальянский павильон в Кускове, «Фонтанный дом» в Петербурге, кроме того, необходимо упомянуть реставрацию дворца царевича Дмитрия в Угличе и собора Никитского монастыря в Москве (1889—1890).

Многоплановая исследовательская, реставрационная, педагогическая деятельность Султанова претворилась в его творчестве. Знание структурных, пространственных, декоративных и инженерных особенностей древнерусского зодчества позволяло ему легко оперировать формами отечественного архитектурного языка при создании самостоятельных произведений.

Не считая различных проектов, служебных построек и оформленных Султановым интерьеров, его первой крупной архитектурной работой явился храм Черниговской Божией Матери с приделами Св. Бориса и Глеба и Пророка Илии в Пещерном отделении Гефсиманского скита (1886—1889) близ Троице-Сергиевой лавры. Два сооружения — сам храм и поставленная на линии ограды колокольня — выполнены в формах русской архитектуры второй половины XVII века. Традиционное московское пятиглавие храма покоится на трех рядах килевидных кокошников, также характерных для московской школы зодчества. В целом храм характерен для 1880-х годов как по своей композиции, так и по образному решению, тяготеющему к формам русского узорочья. Он принадлежит к той линии развития русского культового зодчества, которая представлена творчеством А. И. Томишко, А. Н. Померанцева, А. А. Парланда, М. Т. Преображенского и некоторых других.

Если храм Черниговской Божией Матери (с усыпальницей князя Б. А. Черкасского в подземной части) типичен для своего времени, то колокольня представляет собой весьма своеобразное сооружение. Это высокая вертикаль, обладающая стройным изящным пирамидальным силуэтом, восходит к знаменитым колокольням XVII века типа «ярославская свеча». Некоторые архитектурные мотивы колокольни напоминают об изученных Султановым ростово-ярославских храмах. Например, первый ярус звона имеет проем в виде арки с двумя висячими гирьками, аналогичный использованному в композиции крыльца ярославского храма Св. Иоанна Златоуста в Коровниках, а оформление ворот рядами ширинок прямоугольной формы походит на декор западного въезда в Ростовский кремль. Вместе с тем убранство и композиция шатра колокольни и боковых декоративных главков, созданных Султановым, опирается и на московские памятники второй половины XVII века: например, можно отметить сходство с шатрами церкви Рождества Богородицы в Путинках.

Архитектурный почерк зодчего отличался совершенством проработки деталей декора, что наглядно показывают оба сооружения Гефсиманского скита. С одной стороны, это, по-видимому, обусловлено кругом избранных образцов, пониманием гармонического идеала древнерусского зодчества, сформировавшимся у Султанова. Показательно, что Останкинская церковь, столь им ценимая, выделяется среди памятников своего времени строгой симметрией композиции, правильностью и тщательной отделкой деталей. С другой стороны, манера Султанова окрашена рационализмом своего времени, для которого педантичная точность архитектурного чертежа служила профессиональной нормой, а точнеее исполнение проекта в натуре являлось своеобразным достижением строительного дела второй половины XIX века. Однако постройкам скита присуще и еще одно существенное качество — тонкая передача национально-русского понимания гармонии и красоты. Это позволило Султанову не просто дополнить комплекс зданий скита, но и придать ему качество полноценного художественного ансамбля, органично существующего в окружающем ландшафте.

Параллельно со строительством Гефсиманского скита Султанов создал архитектурный ансамбль усадьбы Новотомниково графа И. И. Воронцова-Дашкова, расположенной в Тамбовской губернии (1885—1890). В число спроектированных для нее сооружений входили каменная церковь на 500 человек, а также главный усадебный дом и хозяйственные постройки. В 1889 году по проекту Султанова была построена нарядная часовня-усыпальница семьи Козловых под Тулой и проведена реконструкция домовых церквей московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Во всех этих сооружениях Султанов интерпретирует столь любимое им кирпичное узорочье XVII века, причем следует отметить, что отношение самого Султанова к использованию тех или иных форм наследия Древней Руси было не столько художническое («использую, потому что красиво»), сколько функционально и содержательно мотивированное («использую потому, что именно здесь избранная форма более логична»). Это подтверждается его описанием церкви в доме московского генерал-губернатора¹⁰.

Рационализм, присущий творчеству Султанова, отражают и другие монументальные постройки зодчего. В 1890 году после трех туров конкурса был утвержден проект памятника императору Александру II, освободителю крестьян, созданный архитектором совместно с художником П. В. Жуковским. Он был заложен в 1893 году на бровке Боровицкого холма Московского Кремля.

Обосновывая избранное решение монумента, Султанов отмечал две главные трудности проектирования¹¹. Во-первых, поскольку памятник намечено было сделать скульптурным, то куда должна быть обращена фигура? Если к городу, то ее тыльная сторона будет выходить к священным храмам Чудова монастыря, если к Ивановской площади, то она встанет спиной к Замоскворечью. Во-вторых, возникла проблема масштаба памятника. На открытой бровке Боровицкого холма рядом с соборами и колокольней Ивана Великого, перед природной чашей замоскворецких далей любая скульптура была бы слишком мелка. И Султанов нашел, по-видимому, единственное правильное решение в

такой ситуации — он поместил фигуру императора под шатровую сень, сразу переводя таким образом памятник в разряд архитектурных сооружений. Объем всего монумента в определенном смысле воссоздал утраченную в первой трети XIX века небольшую церковь Николы Гостунского, находившуюся примерно на этом же месте. Султанов разместил шатер на площадке таким образом, чтобы с Москвы-реки и ближайших набережных Замоскворечья фигура была фактически не видна, и памятник превращался в чисто архитектурное сооружение. Это дало возможность поставить фигуру лицом к площади, что было естественно. Трудно, конечно, судить сегодня об истинном художественном впечатлении, производимом этим творением Султанова, — памятник давно не существует.

Интересны рассуждения Султанова о стиле памятника Александру II. Он избрал стиль, по его словам, соответствующий Кремлю — смесь итальянских форм с русскими, «по общему виду и по форме крыш это сооружение вполне русское; а по деталям — это здание в стиле Возрождения»². В соответствии с такой стилистической интерпретацией была трактована и площадка с галереей вокруг статуи, откуда посетители могли любоваться панорамой Москвы — она представляла «собой как бы небольшой императорский форум наподобие древнего Рима и Царьграда»³. К обработке и декорированию сооружения, облицованного многими драгоценными полихромными отделочными материалами, были привлечены именно итальянские мастера, в частности знаменитые мозаичисты из Мурано.

В том же 1893 году, когда состоялась торжественная закладка памятника в Московском Кремле, Султанов стал действительным членом Академии художеств, что было очень почетным и весьма редким для гражданского инженера. Тогда же он исполнил еще один важный для его творческой биографии проект Придворной Петропавловской церкви в Новом Петергофе. Закладка этого монументального сооружения произошла позже — в 1895 году, когда Н. В. Султанов окончательно переехал в Петербург, став ректором Института гражданских инженеров. Будучи облечен новыми обязанностями, он не вел строительство церкви сам — производителем работ был известный архитектор, гражданский инженер по образованию, Вас. А. Косыков.

В этой постройке, пожалуй, наиболее полно выразилось понимание Султановым гармонии национальной архитектуры. Как всегда, он избрал для храма стиль русских церквей XVI—XVII веков, «рассеянных во множестве в центральных русских областях и отличающихся в Москве и Ярославле особым богатством и красотой форм»⁴. Итак, зодчий сам назвал круг своих художественных приоритетов. Однако Султанов не ограничился этим. В изданном им описании церкви он отметил, что крыльцо Петропавловского храма «сродни» крыльцу в селе Тайнинском, некоторые шатры близки формам Дьяковской церкви и собора Василия Блаженного, щипцы над входами напоминают аналогичные детали церквей Ярослава и Романова-Борисоглебска, «пирилки» повторяют своих предшественниц в церквях Рождества и Покрова в Путинках и Троицы в Останкине, подвесная арка навешана крыльцом Успенского собора Аристотеля Фюравенти, а иконостас исполнен по

образцу греческого San Giorgio dei Greci в Венеции⁵. Кирпичи Петергофского храма были приготовлены «всех старых русских шаблонов»⁶.

При такой «мозаичности» использованных форм церковь обладает безусловной образной выразительностью, гармонией и уравновешенностью силуэта, архитектурно-художественной цельностью. Это, пожалуй, и отличает произведение Султанова от работ других представителей так называемого «археологического» направления.

Творческий акт создания нового художественного образа сочетался у Султанова с четкой семантической, символической и рационалистической мотивировкой всех форм, деталей, общих объемно-планировочных решений. Это явилось результатом исследований ученого-архитектора, его многолетних размышлений о развитии русской архитектуры.

Весьма любопытны соображения зодчего относительно функционального содержания Петропавловского храма. Размышляя над некоторыми неудобствами православного богослужения, он как человек нового времени желал сделать храм максимально удобным для прихожан (естественно, не затрагивая существенных канонов богослужения и храмового устройства). Султанов разместил при входе в храм вешалки, сделал отдельное помещение для исповедальни и часовню для отпевания умерших, скамьи на галерее для больных и старых прихожан. Все это, безусловно, одно из знамений грядущей эпохи, провозгласившей в начале XX века примат функций в архитектуре.

В 1904 году строительные и отделочные работы в церкви были закончены, и храм был освящен. В росписи храма принимала участие Палехская иконописная артель. В наши дни реставрируемый и возвращенный церкви храм — одна из достопримечательностей Петергофа.

Среди поздних архитектурных работ Султанова следует упомянуть здание церковноприходской школы в Новом Петергофе (1900-е годы), православный храм в Мариенбаде (окончен в 1902) и отделку церкви Женского педагогического института в Петербурге (1906). Однако, пожалуй, основной с 1895 года была для него преподавательская, административная и научная работа, которым неутомимый Султанов отдавался с присущим ему самозабвением. В годы ректорства в ИГИ (до 1904) он провел Новое положение об институте, с 1903 года стал председателем Техническо-строительного комитета МВД, в котором на скромном посту началась его профессиональная деятельность.

Этот период был плодотворен для Султанова и как теоретика архитектуры. Пришла пора обобщения накопленных знаний. Большинство теоретических трудов Султанова, вышедших в начале XX века, богато иллюстрировано, например: «Памятники зодчества у народов древнего мира. Курс, читанный в Институте гражданских инженеров...» (СПб., 1903), «Последовательные видоизменения искусства Древнего Востока» (СПб., 1906), «Памятники зодчества средних веков и магометанского Востока. Атлас с 625-ю чертежами и рисунками...» (СПб., 1908). Широка интересов, самобытное профессиональное видение, наконец, свободный сравнительный анализ сооружений разных времен и народов делают книги Султанова интересными и ценными и поныне.

не, они информативны и точны. Ему принадлежит первый в России обзор «Хмерского искусства» (Вестник изящных искусств, 1886). В работе «История зодчества у народов древнего и нового мира» (СПб., 1883) автором московского Манежа указан А. Бетанкур (с. 53), хотя много времени его автором считался О. И. Бове.

Наибольший интерес среди работ Султанова 1900-х годов вызывает книга «Теория архитектурных форм. Каменные формы» (СПб., 1901). В предисловии к ней автор высказывает свои взгляды на современную ему архитектуру, когда начал формироваться стиль модерн. Султанов подводит итог развитию русского зодчества через 50 лет после выхода в свет известного труда А. К. Красовского «Гражданская архитектура» (1851), в котором здравствовавшие в то время архитекторы разделены на «классиков», «романтиков» и «рационалистов». Султанов считал, что на рубеже столетий провести такую четкую грань между архитекторами уже невозможно. Современный зодчий, по его мнению, подобрал в себя лучшие черты всех направлений¹⁷. Однако, отмечая явную рационалистичность творческого кредо современных архитекторов, Султанов не видел возможности каких-то быстрых и существенных перемен в архитектуре, которые, по его представлениям, должны были наступить не ранее, чем через 20—30 лет. Объяснить такую «близорукость» признанного метра архитектуры можно, видимо, только одним. Его поколение уже «договаривало» свое слово в зодчестве; новое должно было стать уделом молодых, в том числе тех самых учеников Султанова, воспитанию которых он отдал так много сил и которым он адресовал свои труды.

Завершая обзор творческой биографии Султанова, вспомним его многообразную общественную деятельность, которая была существенной частью его жизни. Он был одним из старейших членов Санкт-Петербургского общества архитекторов, с 1881 года участвовал в издании журнала «Зодчий», состоял членом Московского архитектурного общества, парижского Société nationale des architectes de France, действительным членом Исторического музея, Рязанской архивной комиссии, Императорского русского археологического общества, почетным членом Ростовского музея церковных ценностей, членом Археологического института в Петербурге и т. д. С этими организациями связаны не только доклады и научные сообщения Султанова, но и экспертизы различных реставрационных и архитектурных проектов, организационная работа.

Султанову не суждено было прожить долгую жизнь, но по объему им сделанного кажется, что она была таковой. Значение его деятельности для развития нашей архитектуры велико: «Для России Н. В. Султанов был тем же, чем некогда Виолле-ле-Дюк для Франции»¹⁸, — считали современники.

¹ Султанов Н. В. История архитектуры. Западная Европа. Восток и Россия. Изд. студентов Ф. Булеца и П. Васильева по лекциям Н. В. Султанова. СПб., 1896; Конспект по истории архитектуры. По лекциям профессора Н. В. Султанова / Сост. поручик Беляков и подпоручик Иванов. СПб., 1899.

² Барановский Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров. СПб., 1893. С. 330.

³ Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. II. С. 133—134.

⁴ Султанов Н. В. Русское зодчество в западной оценке // Зодчий. 1880. № 1—2. С. 6—10; № 11—12. С. 104—106. 1881. № 1. С. 1—4.

⁵ Его же. Русские шатровые церкви и их соотношение с грузино-армянским пирамидальным покрытием. М., 1887. С. 6.

⁶ Памятники древней письменности. Т. VIII. СПб., 1881.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Султанов Н. В., Прохоров В. А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1881—1884. С. 5.

⁹ См.: Барановский Г. В. Указ. соч. С. 332.

¹⁰ Султанов Н. В. Церковь в доме московского генерал-губернатора. СПб., 1893. Отдельный оттиск из журнала «Зодчий» за 1893 г.

¹¹ См.: Долгоруков кн. Описание высочайше утвержденного проекта памятника императору Александру II в Московском Кремле, составленного худ. П. Жуковским и инж. Н. Султановым. М., 1890.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Султанов Н. В. Описание новой придворной церкви Св. первоверховных апостолов Петра и Павла, что в Новом Петергофе. СПб., 1905. С. 22.

¹⁵ Там же. С. 26—38.

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ См.: Его же. Теория архитектурных форм. Каменные формы. СПб., 1901. С. I—III.

¹⁸ Красовский Мих. Памяти Николая Васильевича Султанова // Зодчий. 1908. № 37. С. 245.

Б. М. КИРИКОВ

Петербургские особняки второй половины XIX — начала XX века (Особенности объемно-пространственных композиций)

Понятие жанра редко применяется в истории архитектуры. Между тем типология зданий, различаемых по функциональной принадлежности, сродни жанровой структуре изобразительных искусств. Подобно подразделению художественных жанров на основе предмета и характера изображения, типы сооружений различаются по функциональной принадлежности, выявленной в пространственной организации и объемной композиции.

Индивидуальный дом — «чистый» жанр архитектурного творчества. Это наиболее свободный, гибкий и мобильный тип зданий, мало подверженный застою и унификации. Он развивается по законам внутренней целостности. Формообразование здесь не сковано такими жесткими утилитарными требованиями, как, например, в многоквартирных домах; композиционные структуры не столь зависимы от внешних градоформирующих сил и строительных нормативов. В особняках, как ни в одном другом традиционном жанре архитектуры (за исключением экспериментального проектирования), могут выражаться творческие концепции автора и индивидуальные вкусы и потребности заказчика. Особой жанровой разновидностью можно считать собственные дома зодчих. В определенном смысле она родственна автопортрету. Здесь архитекторы имеют возможность полнее раскрыть свое художественное кредо.

Разные жанры архитектуры развиваются неравномерно, потому что в неодинаковой степени отражают преобладающие в тот или иной период социальные запросы и идейно-эстетические воззрения. В середине XIX — начале XX века удельный вес особняков в общем массиве петербургской застройки постоянно снижался. Тем не менее сакамента́льный особняк, теснимый другими типами зданий, неизменно оказывался в фокусе творческих исканий как один из самых плодотворных жанров архитектуры.

Общезвестно, что рассматриваемый период отличался высокой интенсивностью, напряженным драматизмом и противоречивым разнообразием творческих процессов, а в переломные моменты — резкой

сменой ценностных ориентаций. В силу своей типологической специфики индивидуальные дома обладали повышенным потенциалом для воплощения всего спектра формо- и стилиобразующих тенденций, как традиционалистских, так и направленных на поиски современной архитектуры.

Эклектика, или эклектизм, — архитектурный метод и стиль 1830—1890-х годов — представлял собой сложный симбиоз установок историзма и рационалистических идей. В нем соединялись на взаимодополняющей основе программное многообразие художественных решений, варьирувавших приемы, мотивы и формы любых исторических стилей, с целесообразной пространственной организацией зданий, выражавшей их современное назначение. Из плюралистической сущности эклектизма вытекало одно из главных его свойств — полиморфизм.

На рубеже XIX—XX веков началась кардинальная перестройка архитектурного мышления. Она протекала в русле форсированного становления модерна. Его программа — выработка современного художественного языка, поиски оригинальных средств выразительности и создание нового стиля — не была в полной мере реализована, когда зародились ретроспективные течения, занявшие господствующие позиции к началу 1910-х годов. Они продолжали начатые модерном поиски образного единства, но иными, полярными средствами — моделированием определенных (преимущественно классицистических) стилей прошлого. В этом отношении ретроспективизм явился новой стадией историзма XIX века, отличавшейся от последнего стремлением к стиливой «чистоте» и монументальной цельности.

Особняки, дачи и усадебные дома, благодаря своей гибкости и мобильности, могли глубже и последовательнее выражать постулаты тех или иных архитектурных направлений. При этом объемно-пространственная структура индивидуальных жилых домов сохраняла определенную жанровую автопомность, которая оставалась по сути неизменной, несмотря на смену творческих методов и стиливых течений. Вместе с тем композиционные особенности этого типа зданий были во многом обусловлены различиями средового контекста. В сплошной городской застройке особняки приобретали совсем иное выражение и звучание, чем в ландшафтном окружении. Поэтому лишь корреляция типологии, стилистики и архитектурной среды позволяет раскрыть предпосылки и способы формирования композиционных структур этого и других типов зданий.

В эпоху эклектизма и модерна особняки, дачи и усадебные дома являлись одним из опережающих жанров в развитии зодчества. Именно в них впервые проявились принципиально новые черты и приемы: свободная композиция с асимметричным планом и живописной группировкой объемов, множественность ракурсов восприятия и активное взаимодействие с внешним пространством. Эти качества, обычно относимые к архитектуре модерна и противопоставляемые эклектике², в действительности реализовались еще на стадии раннего стилизаторства, и хотя их становление в архитектуре второй четверти XIX века действительно предвосхищало модерн (о чем пишут многие авторы)³,

они, в первую очередь, несомненно отражали сущность самой эклектики. Названные особенности были таким же имманентным ее свойством, как и следование классицистической симметрии и регулярности. Здесь нет противоречия, ибо метод эклектизма, основанный на плюралистичности, допускал сосуществование различных структурных подходов.

Более того, свободная композиция, послужившая одной из фундаментальных основ современной архитектуры, зародилась еще в конце XVIII века в ландшафтном окружении пейзажных парков. Отказ от канонических схем, динамичная асимметрия плана и разнообразных масс, расчет на множественность точек зрения впервые воплотились в Баболовском дворце в Царском Селе (архитектор И. В. Неелов) и дворце Г. А. Потемкина в Островках (И. Е. Старов), возведенных в формах псевдоготики в 1780-х годах. Предромантическое течение в зодчестве той поры явилось первой альтернативой классицизму.

Решительное преодоление нормативной системы классицизма связано с романтическим стилизаторством — ранним этапом эклектики. Ландшафтная среда, проникнутая духом романтизма, и теперь служила питательной почвой для новых формообразующих принципов⁴. Загородные постройки А. П. Брюллова, А. И. Штакеншнейдера, А. А. Менеласа и особенно Г. А. Боссе характерны свободной планировкой, объемной расчлененностью, активной силуэтностью, которые утверждали объект в пространстве, формируя многоплановые взаимосвязи с пейзажным окружением. Вершиной этих поисков стал дворец в «Михайловке», созданный Г. А. Боссе в 1857—1862 годах.

Живописно-асимметричные композиции получили широчайшее распространение в загородном строительстве, особенно в деревянных домах и дачах. Эта линия развивалась непрерывно по восходящей с 1830-х до 1900-х годов. Постройки наделялись особой подвижностью масс и силуэта, конструктивной легкостью форм. Стилистика оказывалась явно вторичной по отношению к структуре сооружения. Можно сказать, что особняки и дачи в окрестностях столицы стали своего рода лабораторией по выработке новых объемно-пространственных решений.

В самом Петербурге эти тенденции наталкивались на сопротивление концентрированной урбанистической среды с ее строго регламентированной застройкой, которая на протяжении полутора столетий (с 1760-х годов) велась «сплошной фасадом» по красным линиям. Непрерывные ленты фасадов обрамляли парадное пространство улиц, противопоставленное внутриквартальным территориям. Двухмерность фронта застройки оставалась устойчивой и труднопреодолимой характеристикой городской среды, фасад выступал самостоятельным объектом творчества. Отдельные здания утрачивали единичность и самостоятельность, встраиваясь во внешне монолитные массивы кварталов с невоспринимаемыми извне и как бы несуществующими «интерьерами» дворов.

На строительство особняков оказывал сильное воздействие средовой контекст центральных частей столицы. Диктат регулярности и ограниченные размеры участков предопределяли привязку домов к

красным линиям улиц и периметральное размещение строений во дворе. Иногда особняки вычленились разрывами с боковыми воротами, что давало намек на объемность и пространственную глубину. В ряду доходных домов они выделялись меньшей высотой, компактностью или горизонтальной протяженностью. Семантика жанра выражалась сочетанием импозантности и представительности с интимностью и камерностью. Этим качествам были созвучны мотивы ренессанса, барокко и французского классицизма, реже — готики и «неогреческого стиля».

Более свободной была организация внутреннего мира здания. Здесь прослеживается эволюция от парадной торжественности к уюту и комфорту — с одной стороны, и от замкнутых помещений к интеграции пространств — с другой. Следует напомнить, что еще в 1780-х годах И. Е. Старов создал в Таврическом дворце грандиозную анфиладу открытых друг в друга залов. Ориентированная перпендикулярно фасаду, она плавно перетекала сквозь величественную колоннаду Большой галереи в просторный зимний сад, раскрытый широкими проемами навстречу пейзажному парку. Ту же тему варьировал позднее А. И. Штакеншнейдер в Мариинском дворце (1839—1844). Этот ключевой памятник раннего эклектизма отличается асимметричной внутренней планировкой с выделением функциональных зон и разнообразной стилистикой интерьеров.

Построение объемно-пространственных структур петербургских особняков второй половины XIX века⁵ определялось противоборствующими силами — внешними (контекстуальными) и внутренними (функциональными). Показателем в этом отношении собственный дом архитектора Г. А. Боссе на 4-й линии, 15 (1848—1849). Он существует как бы в двух «ипостасях». Уплощенный прямоугольный фасад трактован в спокойном, нейтральном характере. Его лейтмотив — метрический ряд проемов, схематично воспроизводящих «окно Брамante» (один из стереотипов неоренессанса середины XIX века). Но вся условность инертной фасадной композиции — своего рода ширмы — становится очевидной при взгляде на план особняка. Свободно расположенные анфилады неравной протяженности развиваются в глубину участка и образуют со стороны двора динамически напряженную группу объемов с перепадом высот от одного до трех этажей. Террасы и аркады, балконы и эркер активизируют диалог разнообразной структуры с дворовым пространством, которое как бы втягивается сквозь ажурную галерею в небольшой зимний сад. Здесь, в отрешенном от улицы уголке внутриквартальной территории, были смело реализованы новые формообразующие принципы.

В большинстве случаев восприятие петербургских особняков ограничивалось фасадной плоскостью — экраном, на котором и разворачивалось основное архитектурное действие. Композиция фасада следовала обычно центрально-осевым схемам или подчинялась равномерной ритмике рядовой застройки.

В сомкнутый фронт зданий Литейного проспекта включены стоящие рядом особняки княгини З. И. Юсуповой (дом 42) и архитектора А. Х. Пеля (дом 44). В постройке Пеля (1852—1854) выделен средний

ризалит с тремя большими арочными окнами в глубоких нишах, но в целом четырехъярусная структура фасада близка модульной сетке доходных домов. Особняк Юсуповой, возведенный Л. Л. Бонштедтом (1852—1858), имеет при той же высоте всего два этажа. Крупномасштабная, поистине дворцовая композиция оригинально варьирует ренессансную тему двухъярусной аркады с поэтической расстановкой ордера. Тектоническую основу обогащают пластическая экспрессия форм и беспокойный усложненный контур, навеянные барокко. Отказ от привычной штукатурки в пользу облицовки из бременского песчаника расценивался как пример «рационального применения к делу строительных материалов...»⁶

Чертами «дворцовости» наделен импозантный особняк П. П. фон Дервиза, сооруженный по проекту А. Ф. Красовского около 1890 года (наб. Красного Флота, 28). Несмотря на позднюю датировку, он традиционен во всем — и в штукатурной разделке фасада под флорентийские палаццо XV века, и в принудительной симметрии структуры, и в периметральной обстройке двора. В лицевой корпус вписана кольцевая анфилада с тремя парадными комнатами вдоль фасада и центральной лестницей в глубине.

Композиционный анализ петербургских особняков бывает затруднен тем, что многие из них включают разновременные напластования. Нередко эклектическая стилистика образует лишь поверхностный слой, нанесенный на прежнюю структуру сооружения, возведенного в более раннюю строительную эпоху. Преображение облика особняков, отражавшее смену вкусовых предпочтений, могло достигаться чисто декоративными средствами (в том числе «косметической» перештукатуркой фасада). Именно декор нес в эклектике основную семантическую нагрузку. Он олицетворял богатство и представительность, иначе говоря, играл роль декорума; наделял постройки узнаваемыми атрибутами исторических стилей.

Таким способом, к примеру, переделывались в 1870-х годах архитекторами К. К. Рахау и Р. А. Гедике особняки на Дворцовой набережной, 8 и 22, Д. Д. Соколовым — дом на Сергиевской улице, 45. В 1870 году по проекту К. К. Шульца был изменен фасад дома графа П. А. Зубова на Исаакиевской площади, 5 (построен в 1840-х годах Г. А. Боссе). Считалось, что его обогащенная штукатурная отделка приобрела определенный стиль⁷. При реконструкции особняка А. Ф. Кельха (Сергиевская ул., 28), осуществленной в 1896—1897 годах В. И. Шене и В. И. Чагиным, сначала предполагали ограничиться «перештукатуркой фасада»⁸. Но затем здание получило новое решение в формах ренессанса и готики (первоначально особняк, построенный в 1858—1859 годах А. К. Кольманом, был трактован в характере «второго барокко»).

В связи с повсеместным уплотнением и повышением застройки некоторые особняки надстраивались и расширялись, превращаясь в дома квартирного типа. Иногда особняки сочленялись на одном участке с многоэтажными флигелями, которые сдавались внаем. Совмещение функций (особняк и доходный дом) несколько размывало типологическую определенность индивидуальных домов. Естественно,

большим разнообразием и оригинальностью отличались сооружения, возводившиеся заново на свободных участках.

Особняк фабриканта Ф. К. Сан-Галли (Лиговский пр., 62), построенный при его предприятии в 1869—1870 годах К. К. Рахау, решен снаружи статичным блоком с деталями, напоминающими флорентийские палаццо. План лишен кольцевых анфилад. Стержень его — ряд парадных помещений, нанизанных на центральную ось и раскрытых широкими арками. Эта анфилада сливается в единое, как бы пульсирующее пространство. Сквозная перспектива завершается в глубине зимним садом — излюбленным атрибутом богатых столичных особняков. Прозрачное ограждение зимнего сада снимает ощущение изолированности интерьера от внешней среды. «Этот переход с улицы под сень тропических пальм, в соединении с разнообразием световых эффектов, производит на зрителя чарующее впечатление. Далее следует ряд комнат, отделанных каждая в ином стиле, выдержанном до мельчайших подробностей...»⁹ Боковая анфилада также образует слитное перетекающее пространство. По-новому, рационально и компактно, организован план второго (жилого) этажа. Введение центрального ядра — холла, с которым непосредственно связаны все комнаты, размещенные по периметру, позволило отказаться от коридоров и анфилад.

Примером усадебного комплекса является дом военного министра (Садовая ул., 4), сооруженный в 1872—1874 годах по проекту Р. Б. Бернгарда. Фасады, обращенные на улицу и в сад, скрывают асимметричную конфигурацию особняка, спланированного в виде неправильной буквы «П». Желая сократить число проходных комнат и компактно сгруппировать парадные помещения, Бернгард использовал в качестве объединяющего узла верхнюю лестничную площадку. Расположенная на диагональной оси, она выполняла роль, подобную холлу в доме Сан-Галли.

Свободная «островная» постановка зданий содействовала проникновению живописных композиций в городскую среду. Один из ранних примеров — дом Л. Нобеля при его заводе на Выборгской набережной, 19. Он построен К. К. Андерсоном в 1873—1875 и расширен в 1885 году. Сложный организм здания складывается из разновысоких частей. Особенности внутренней планировки следуют выступы, ступенчатый силуэт, нерегулярное размещение окон.

Почти целиком в глубине двора расположен особняк Э. А. Кирштена, спроектированный в 1878 году А. Л. Гуном (Рижский пр., 27). Массив Г-образного в плане сооружения еще инертен, но каждая сторона решена асимметрично и в соответствии с ее значением. Основной по протяженности фасад, вдоль которого размещены парадные помещения, обращен в сад. Узлом анфиладно-коридорной планировки служит вестибюль, раскрытый большими арками в пространство лестничной клетки. Почти скульптурной пластикой объемных форм отмечен особняк Ф. Г. Козлянинова, созданный А. И. фон Гогеном в 1891—1892 годах (ул. Писарева, 12).

Если эти здания выдержаны в традиционной стилистике (неоренессанс, необарокко), то особняк архитектора В. А. Шретера на набережной Мойки, 114/2 (1890—1891) явился олицетворением идей «ра-

циональной архитектуры», выраженных на языке «кирпичного стиля». Детали, навеянные готикой, вносят романтическую ноту в строго целесообразную и компактную структуру сооружения. Его внутренняя организация последовательно выявлена на фасадах сложной ритмикой разномодульных проемов. Особняк, как отмечал сам автор, «поставлен на угловом месте совершенно свободно»¹⁰, и это усиливает его роль в панораме прилегающих участков набережных.

По живописности очертаний, непринужденной игре масс, слитности с пластикой земли не имеет равных в петербургской архитектуре XIX века дом А. В. Чернова в имении «Малое Рыбацкое» (Октябрьская наб., 72). Возведенный в 1891—1893 годах А. И. фон Гогеном при участии А. И. Кузнецова, он варьирует формы древнерусского зодчества XVII века. Но главное здесь — не уважая достоверность исторических деталей, а обращение к традиции «палатной» композиции, которая послужила прототипом смелого сопоставления разнообъемных частей. Облик особняка отличается пространственной многомерностью, в нем нет и намека на фасадность. Стержнем плана является сквозная линейная анфилада; остальные группы комнат связаны небольшими коридорами.

Живописная асимметрия начинала выявляться и в тех домах, которые ставились по красным линиям, смыкаясь одной или обеими сторонами с соседними зданиями. Такой прием применяли А. Л. Гун (ул. Герцена, 59), А. И. фон Гоген (Фурштатская ул., 52) и другие архитекторы. Особенно эффектно претворил его И. С. Китнер в особняке К. Б. Зигеля (ул. Марата, 63), сооруженном в 1888—1890 годах вместе с фабрикой. Динамичная игра объемов, экспрессия нарочито усложненного силуэта достигают апогея в угловой части здания. Этот особняк вносит сильный пластический акцент в монотонный фронт застройки.

Однако приверженность симметрично-осевым построениям оставалась в тот период весьма устойчивой. Одним из многих примеров служит особняк Н. В. Спиридонова, сооруженный по проекту А. Н. Померанцева в 1895—1896 годах (Фурштатская ул., 58). Средний ризалит квадратного в плане здания отвечает центральному залу, включенному в традиционную кольцевую анфиладу. Четкая симметрия статичного кубического объема несколько нарушена примыкающим сбоку зимним садом (пристроен И. С. Китнером).

Рассмотренный материал позволяет говорить о синхронном бытовании различных, даже полярных композиционных приемов в строительстве особняков периода эклектики. Причем эти различия в большей степени зависели от средовых ситуаций, чем от стилевых прототипов. Поворот к «новому стилю» — модерну — около 1900 года также не был однолинейным. Своеобразным «мостом» от историзма к модерну послужила в Петербурге неоромантическая «готика». Ключевым произведением этого направления явилась усадьба великого князя Бориса Владимировича в Царском Селе, созданная по проектам английских архитекторов Шерборна и Скотта (1896—1897; служебный дом — 1899 год, А. И. фон Гоген). Прямое влияние этого произведения наиболее заметно в серии царскосельских построек С. А. Данини. С «го-

тической» линией отчасти связаны работы В. В. Шауба, в том числе особняк А. Л. Франка на 21-й линии, 8 (1898—1900).

У истоков столичного модерна стоит дача Е. К. Гаусвальд на Каменном острове, сооруженная В. И. Шене и В. И. Чагиным (1898). По определению самого Шене, «стиль дачи — новый, с преобладанием мотивов американских деревянных построек»¹¹. В основной деревянной части коттеджа воспроизведены фахверковые конструкции. На открытой террасе поставлены кирпичные кубический тамбур и цилиндрическая башня с коническим завершением. Контрастное сопоставление простых геометрических тел говорит о становлении новых эстетических представлений. Пластическая свобода асимметричной композиции сочетается с экономно собранным планом, ядром которого служит двухъярусная столовая-холл.

Законченным образцом раннего модерна, близким немецкому югендстилю, можно считать особняк П. П. Форостовского на 4-й линии, 9, созданный К. К. Шмидтом (1900—1901). Архитектор стремился преодолеть фасадность сплошной застройки за счет заглубления основной части здания и выделения асимметричного ризалита, акцентированного угловой граненой башней. Аналогичный прием позднее применил А. И. фон Гоген в особняке М. Ф. Кнессинской.

Дом Е. И. и В. Д. Набоковых (ул. Герцена, 47) был перестроен в 1901—1902 годах М. Ф. Гейслером и Б. Ф. Густыным с включением стен старого здания. Очевидно, этим и объясняется некоторая тривиальность структуры сооружения, подчиненная плоскости и ритмике фронта застройки. Признаки модерна проявились здесь лишь в трактовке деталей и отделке немногих интерьеров. «При композиции фасада, — писал Гейслер, — преследовалась цель, чтобы избежать локальных форм, не вызываемых конструктивной необходимостью. Орнаментация сандриками, колоннами и т. п. была отвергнута и заменена мотивами из царства растительного»¹². Эта декларация показательна прежде всего своей компромиссностью. Несмотря на кажущийся рационализм авторской позиции и на тяготение к излюбленному стилем модерна флоральным элементам, в ней сквозит привычное эклектическое мышление. Понятие художественной формы сводится к деталям (даже колонны рассматриваются как «орнаментация»), а стилистический характер декора остается независимым от структурной основы.

Использование мотивов модерна как еще одного стиля наряду с историческими неостильями свидетельствовало о неизжитости эклектизма. Одним из самых ярких примеров этой переходной фазы в развитии столичной архитектуры является помпезный особняк Г. Г. фон Гильзе фон дер Пальса (пр. Маклина, 8—10), возведенный в 1901—1902 годах В. Ю. Иогансенем. Тяжеловесный фасад вызывает ассоциации с архитектурой ренессанса и барокко. Но со стороны двора особняк воспринимается в чистоте своих конструктивных форм. Выдержанные в духе раннего модерна мраморная лестница и цветник включены в систему парадных помещений, оформленных в различных исторических стилях. Самостоятельную живописную группу объемов составляют службы в глубине сада, сооруженные «наподобие фахверковых построек»¹³.

«Разве новый стиль заключается только в отделке совершенно обыденно расчлененного фасада лепными украшениями в так называемом декадентском стиле ... Значение нового стиля не лежит вовсе в этих мелочах, исполнение которых очень не хитро; нет, оно лежит гораздо глубже, и только тот зодчий может быть назван самобытным, который умеет создавать нечто действительно оригинальное в общем виде всего здания, в группировке его масс и в распланировке помещений»¹⁴, — писал один из поборников модерна в 1902 году.

Глубинное претворение формообразующих принципов «нового стиля» раньше и отчетливее прослеживается вне концентрированной застройки центра столицы. Вновь, как и на стадии становления эклектики, на авансцену вышло строительство в архитектурно-ландшафтной среде. Особняки и дачи на Каменном и Крестовском островах стали наиболее убедительным воплощением неоромантической и органической линий модерна. «Каменный остров предоставлял зодчим своего рода лабораторные условия для архитектурного эксперимента, они могли в полной мере выразить свое понимание средств и задач архитектуры начала XX века»¹⁵.

Большой интерес представляют в этом плане собственные дома В. И. Шене (1903—1904) и Р. Ф. Мельцера (1904—1906). Особняк Шене, восходящий к типу английских коттеджей, отличается строгой чистотой форм, лапидарной скульптурностью масс. Здесь архитектор вновь обыграл прием столкновения геометрических фигур: куба, цилиндра и конуса, квадрата и круга. В особняке Мельцера активизированы динамизм форм, их устремленность ввысь, острота силуэта. Резкий сдвиг объемов, контрасты фактуры и цвета (бревенчатые срубы, подклеты из красного кирпича и белого известняка) подчеркивают напряженность композиционных движений. Наглядная конструктивность и «правда» материала, яркая декоративность и сакраментальная символика, свойственные народной архитектуре Севера, интерпретированы с явным уклоном к гротескной стилизации, субъективной деформации.

Поблизости от этих домов Мельцер построил в 1904—1905 годах особняк Э. Г. Фолленвейдера. Скульптурная экспрессия его масс нарастает от широкой, открытой в сад террасы и мощного цоколя, облицованного гранитными блоками на неодинаковую высоту, к многоскатной черепичной кровле. Слитность и взаимопереходность форм воспринимаются метафорой реального органического роста. При романтической трактовке образа носителями художественных качеств выступают здесь только конструктивные и утилитарные элементы. Живописность силуэта сочетается с простой и плотной планировкой: продольный коридор разделяет здание на две функциональные зоны.

Скульптурность сооружений, свободно поставленных на открытых участках, вступающих в многомерные связи с пространством парка и друг с другом, отличают дома Каменного острова от большинства особняков, включенных в городскую застройку. Особняк театрального деятеля А. Е. Молчанова и актрисы М. Г. Савиной, построенный М. Ф. Гейслером в 1905—1907 годах на улице Литераторов, 17, решен более фасадно, его кубичный объем отмечен угловым эркером с шатром (как

в доме Шретера). Динамика композиции не устремляется вовне, а концентрируется на самом фасаде. Энергичная «пульсация» внутреннего пространства как бы прорывает массив стены пластичным эркером, спонтанно разбросанными окнами самой разной конфигурации, которые разрывают или изгибают линии горизонтальных членений. Принцип построения формы «изнутри-наружу» получает утрированное заострение, тектоническая логика отступает на второй план перед живописной экспрессией, орнаментальной стилизацией.

В особняке балерины М. Ф. Кшесинской — «классическом» памятнике петербургского модерна — сильнее выявлен объемный и пространственный характер композиции. Здание, построенное в 1904—1906 годах А. И. фон Гогеном, поставлено на углу квартала Троицкой площади. «Кроме небольшой фасадной части, ... все здание расположено в саду и, благодаря счастливому положению участка, возможно было все жилые помещения обратить окнами на солнечные стороны»¹⁶, — писал Гоген. Одноэтажное крыло, заключающее в себе анфилады парадных комнат, как бы прорастает сквозь основной двухэтажный объем — жилую часть. Его угловая граненая башня с куполом напоминает аналогичный мотив особняка Форостовского. Меняющиеся ритмика и масштаб проемов выявляют индивидуальные особенности состава помещений. Равноценными компонентами художественного образа являются «технические» детали, в том числе обпалубленные металлические перемычки окон. Вместе с тем границы горизонтальных полос облицовки — красного и темно-серого гранита, глянцевого светло-серого кирпича — маскируют поэтажные членения и зрительно деформируют внутреннюю структуру.

В главной анфиладе заложена идея слитного перетекающего пространства. Оно переходит во внешнюю среду сквозь почти сплошное остекление стен зимнего сада. Показательно, что парадное ядро особняка (аванзал и зал) решалось в классицистических формах. Они были введены в контекст нового стиля, как несколькими годами ранее элементы модерна включались в систему эклектики. Очевидно, представление о репрезентативности по-прежнему ассоциировалось с историческими стилями.

Дом инженера С. Н. Чаева (ул. Рентгена, 9), созданный в 1906—1907 годах В. П. Апышковым, можно считать одним из высших достижений петербургского модерна. Многие в его внешнем облике, в рисунке деталей навсего последней постройкой Гогена. Но живописность сменилась здесь строгой геометризацией форм, а композиционные движения подчинены центростремительным силам. Их равнодействующей является диагональная ось, пронизывающая весь организм сооружения. Особую оригинальность и новизну композиции придает размещение на этой оси трех цилиндрических объемов. Два наружных цилиндра — тамбур и зимний сад — вкомпонованы в противоположащие заглубленные углы. Внутри диагональ решена как интегральное пульсирующее пространство. Его центральный узел — круглый холл (третий цилиндр). Это многофункциональное помещение зонировано по вертикали: внизу находился вестибюль, на круговом балконе — картинная галерея, наверху — столовая для прислуги; с

ним сообщались все основные комнаты. Главная лестница выступает из холла в зимний сад, полукруглая стена которого прорезана на всю высоту широкими витражами. Движение лестничных маршей подчеркивает сочлененность круглых объемов и динамичную циркуляцию пространства. Творческие находки Апышкова явились новым словом в петербургском строительстве, они предвосхищали архитектурную эстетику 1920-х годов (в том числе некоторые приемы И. А. Голосова и К. С. Мельникова).

В зрелом модерне нарастала тяга к строгости и чистоте форм. Рафинированной простотой отмечены особняки В. С. Кочубея (Фурштатская ул., 24) и В. Э. Бранта (ул. Куйбышева, 2—4), построенные в 1909 году по проектам Р. Ф. Мельцера. Но в них уже отчетливо ощутимы классицистические интонации.

Модерн далеко не исчерпал свой потенциал, когда наметилась смена ценностных ориентаций, предпринимавшая подъем новой волны историзма. В предреволюционные годы неоклассика и родственные ей ретростили заняли ведущие позиции. Программа-максимум ретроспективизма предполагала целостную реконструкцию определенных исторических стилей, воссоздание духа старины. Но последовательный возврат к прошлому был возможен лишь в уникальных постройках преимущественно традиционного назначения. В этих условиях особняк вновь оказался самым продуктивным жанром архитектурного творчества.

Следует отметить, что трактовка исторических прототипов зачастую носила оттенок модернизации, иногда классицистические элементы вкрапливались в чужеродную им структуру. Особенно это было характерно для ранней фазы ретроспективизма. Так, в особняках С. С. Боткина на Потемкинской улице, 9 (1903, А. И. Дитрих) и С. И. Михина на 1-й Березовой аллее, 5 (1909—1910, В. С. Ястржембский) асимметричное построение плана и объема соединяются с барочными или классицистическими мотивами.

В переуплотненной городской среде индивидуальные дома появлялись все реже. При перестройках старых зданий изменялся их стилизованный облик, но сохранялись фасадность и регулярность композиции. Возник своеобразный палиатив — «встроенный особняк» — богатая квартира, включенная в ординарную структуру доходного дома. К их числу принадлежала квартира предпринимателя И. П. Мануса, заново спланированная и отделанная в 1916 году М. И. Рославлевым (Сергиевская ул., 31).

Ретроспективная установка на формирование по законам исторического стиля и на этот раз полнее реализовалась вне тесных городских кварталов — на тех же Каменном и Аптекарском островах. По образу и подобию ренессансных (главным образом палладианских) вилл и усадебных домов русского классицизма были сооружены особняки М. К. Покотиловой на Каменноостровском проспекте, 48 (1909, М. С. Лялевич), М. А. Новинской на Песочной набережной, 10 (1913—1914, Н. Е. Лансере), В. Ф. Мертенса (1911, М. С. Лялевич), М. А. Вургафта (1913, М. М. Синявер), С. Н. Чаева (1913, В. П. Апышков) и Е. А. Криличевской (1914, Н. Н. Веревкин) на Каменном острове.

Благодаря «островному» положению на открытых участках все они решены объемно, трехмерно. Но центрально-осевая композиция, как правило, замкнута и статична, рассчитана на определенные, фиксированные точки восприятия. Она обусловлена не индивидуальностью планировки, а классицистическими архетипами. Строение фасадов выражает прежде всего не внутреннюю организацию, а принципы иллюзорной тектоничности, отвлеченной изобразительности, основным средством которых служил ордер. Несмотря на выступающие портики и ротонды, террасы и лестницы, обращенные к окружающему пространству, каждое здание остается «вещью в себе».

Венцом петербургской неоклассики стали широко известные произведения И. А. Фомина — дом А. А. Половцова на Каменном острове (1911—1913) и особняк С. С. Абаменко — Лазарева на Мойке, 23 (1913—1914). В первом из них варьируется схема усадеб русского классицизма (главный прообраз — дворец Разумовского в Москве), во втором — палладианского городского дома (палаццо Вальмарка). Оба здания отличаются редкой чистотой стиля, цельностью художественной структуры.

Подробное рассмотрение неоклассических особняков представляет самостоятельную тему. Она выходит за рамки настоящей статьи, в которой мы попытались проследить становление новых присмов объемно-пространственной композиции в петербургских особняках второй половины XIX — начала XX века.

Ретроспективизм возрождает классические каноны, предавая забвению многие архитектурные открытия периодов эклектики и модерна. Для воплощения своей идеалистической программы ретроспективизм эффективно использовал повышенную эластичность особняка — того типа зданий, который прежде послужил активным проводником новых принципов формообразования, порывавших с классицистическими схемами. Так замкнулся сложный цикл эволюции особняков в петербургской архитектуре 1830—1910-х годов.

1 См.: Кириков Б. М. Стиль-жанр-среда (К вопросу о формообразовании в архитектуре Петербурга 1830—1910-х гг.) // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции. Л., 1989. С. 148—153.

2 См.: Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830—1910-х годов. М., 1978.

3 См.: Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. С. 62.

4 См.: Чеканова О. А. К вопросу о развитии свободных композиций в русской архитектуре середины XIX в. // Архитектура. Доклады к I научной конференции молодых ученых-строителей. Л., 1965. С. 62—74; Борисова Е. А. Указ. соч., С. 58—68.

5 Архитектура петербургских особняков этого периода впервые рассмотрена А. Л. Пуниним в кн.: Архитектурные памятники Петербурга. Вторая половина XIX века. Л., 1981.

6 Жуковский А. Дом княгини Юсуповой в С.-Петербурге // Архитектурный вестник. 1859. № 3. Стб. 223.

7 РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Ед. хр. 671.

8 ЦГА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Ед. хр. 4415.

9 Пясецкий В. Завод металлических изделий Сан-Галли // Неделя строителя. 1891. № 45. С. 427.

10 Зодчий. 1893. № 12. С. 94.

11 Там же. 1900. № 12. С. 170.

12 Строитель. 1903. № 1—2. Стб. 49.

13 Зодчий. 1905. № 49. С. 520.

14 М-вз П. Новые общественные здания в Лондоне // Зодчий. 1902. № 14. С. 170.

15 Витязева В. А. Невские острова. Елагин, Крестовский, Каменный. Л., 1986. С. 114.

16 Зодчий. 1905. № 37. С. 406.

Б. М. КИРИКОВ

Неоклассицизм в архитектуре
Петербурга—Петрограда

«Два течения господствуют в настоящую минуту в искусстве. Одно — раболепно ретроспективное, другое, враждебное ему, футуристическое, горизонты которого далеко впереди, в оценке потомства», — писал в 1914 году Л. С. Бакст. На протяжении трех десятилетий неоклассицизм, зародившийся в русле ретроспективизма, выступал оппозицией стилю модерн и авангарда. Но при всей антитетичности эти явления были глубоко взаимосвязаны и во многом взаимообусловлены.

Неоклассицизм возник на заре XX века после длительного господства эклектизма (историцизма) и сразу вслед за первым всплеском раннего модерна. Около 1910 года традиционалистские течения отступили модерн на второй план. Накануне первой мировой войны классицистические ретростили достигли апогея и стали полностью доминирующими. На начальном этапе они в большей степени опирались на наследие русской архитектуры XVIII — начала XIX века — классицизма и отчасти барокко. Затем все большее внимание уделялось «первоисточникам» русской классики — итальянскому Ренессансу и прежде всего палладианству. Круг этих исканий очерчен апологетом ретроспективизма, ведущим архитектурным критиком 1910-х годов Г. К. Лукомским: «В Петрограде нас определенно занимает лишь новая классика, но классика во всем ее разнообразии — от самого вычурного барокко до самого холодного и опрощенного стиля Палладио»².

Неоклассицизм оставил глубочайший след в застройке Петербурга. Более полутысячи сооружений первой четверти XX века представляют разные стилистические оттенки и качественные уровни этого направления. Претворение отечественного наследия прослеживается в работах И. А. Фомина, Л. А. Ильина, А. И. Дмитриева, С. С. Серафимова, Н. Е. Лансере. Неоренессансная ветвь связана с именами В. А. Шуко, А. Е. Белогруда, М. М. Перетятковича, М. С. Лялевича (воспитанник петербургской архитектурной школы И. В. Жолтовский работал в Москве). Приемы модернизированной классики развивали Ф. И. Лидваль,

Доклад был прочитан на международной конференции «Авангард I. 1900—1923. Русская и советская архитектура», состоявшейся в мае 1991 г. (Штутгарт, Германия)

Н. В. Васильев, С. Г. Гингер. К различным вариантам неоклассического движения примыкали Л. Н. Бенуа, С. С. Кричинский, Г. А. Косяков, А. И. Клейн, В. П. Альпиков, Б. И. Гиришович, А. Л. Лишневский, Д. А. Крыжановский, А. А. Оль и многие другие архитекторы.

Неоклассицизм — явление по преимуществу петербургское. Здесь, в Северной Пальмире, была его почва, его корни. Разумеется, петербургский неоклассицизм составлял часть общеевропейского ретроспективного движения. Но, в отличие от модерна, сложившегося под воздействием внешних импульсов, он вырос на основе собственной культурной традиции и стал первым в истории петербургского зодчества стилевым направлением, возникшим в результате осмысления своего исторического опыта.

Ретроспективное движение начала XX века можно назвать петербургским ренессансом. Исходной посылкой его послужила позитивная переоценка классицистического наследия XVIII — начала XIX века, которое прежде, в период эклектизма, отвергалось сторонниками национальной самобытности и стилистического разнообразия. В 1895 году архитектор Г. И. Котов первым высказал мысль о высоком художественном значении, прогрессивности и своеобразии отечественного зодчества послепетровской эпохи³. Ностальгия по гниющей красоте прошлого, противопоставление ее великолепия «вульгарному» современному окружению прозвучали в публикации архитектора Н. В. Султанова «Старый Петербург»⁴, которая чуть опередила знаменитые статьи Александра Бенуа, убедительно раскрывшие неповторимую красоту северной столицы. Опубликованные в 1902 году в журнале «Мир искусства», они стали манифестом петербургского ретроспективизма и положили начало апологетическому отношению к заново открытой художественной старине столицы. А. И. Дмитриев, дотоле приверженец модерна, писал в начале 1904 года об «оболестительно чарующих картинах» русского классицизма, таящего «в себе громадный, неисчерпаемый запас художественных идей и форм...»⁵. Из представления о неистраченном потенциале классицистического наследия вытекала программа развития петербургского зодчества в направлении, заданном его ансамблевой застройкой XVIII — начала XIX века. А. И. Клейн отмечал: «Создается новое строгое направление, полный силы стиль, обещающий стать достойным продолжением старопетербургского классицизма».

Ретроспективизм становится средством сохранения и упрочения стилевой цельности города. С этих позиций признается нежелательным для столицы «новорусский стиль», резкой критике подвергается модерн. Ретроспективизм ориентируется не столько на реальный архитектурный фон, в котором соединяются черты разных строительных эпох, сколько на мысленно реконструированную идеализированную модель Старого Петербурга. Эта особенность позволяет определить неоклассику как архитектуру исторического контекстуализма.

Тенденция к контекстуализму проявилась очень рано — еще до появления программных статей А. Н. Бенуа и практически одновременно со становлением модерна в Петербурге. Первыми примерами такого подхода являются новый корпус Публичной библиотеки

(1896—1901, Е. С. Воротилов) и Этнографический музей (1900—1911, В. Ф. Свиньин), композиционно соподчиненные с ампирами ансамблями К. И. Росси; набережная Петра Великого и гранитная дамба Троицкого моста (1897—1903), согласованные «со стилем гладких гранитных набережных эпохи Екатерины II»⁷.

Последующая практика неоклассицизма нередко вступала в конфликт с исторической застройкой, порой приводила даже к утратам памятников старины. Но в принципе установка на ретроспективный контекст преобладала в архитектурном мышлении. Она породила доктрину стилового единообразия, которой пытались подчинить все новое строительство. А. Н. Бенуа, В. С. Карлович, Г. К. Лукомский призывали к жесткой градостроительной дисциплине, к императивной художественной регламентации. Правда, использование традиционных форм именно петербургской архитектуры считалось не обязательным, но следовало придерживаться общего классицистического характера.

Интересна в этом плане самооценка проекта Николаевского вокзала В. А. Шуко (1912), выдержанного, по его словам, в «стиле петербургского Рима», но «не отвлеченном, а наоборот смягченном и подходящем к стилю Петербурга»⁸. И понятен неодобрительный отзыв М. С. Лялевича о здании Германского посольства, сооруженном по проекту П. Беренса: «Главная ошибка заключается в том, что пригласили иностранного архитектора. ... Конечно, постройки в стиле ампира мы не могли ожидать от господина Беренса. Для этого необходимо сжиться с ампиризм. Но все же мы могли надеяться хоть на чутье художника, с помощью которого он мог подойти к характеру данного города, а не строить слишком индивидуальную вещь на таком монументальном месте...»⁹ (Между тем П. Беренс создал образец модернизированной классики, вполне тактично включенный в ансамбль Исаакиевской площади.)

Программа петербургского ренессанса выражала мировоззрение петербургофильства, которое сложилось в круту «Мира искусства» и «стало своеобразной рецепцией западничества»¹⁰. Культ европеизма противопоставлялся поискам национальной самобытности, определявшим содержание идеи «русского ренессанса» конца XIX века. Сторонники последнего стремились воскресить образы допетровской Руси и продолжить линию развития архитектуры XVII века, как бы минувшая разрыв в два столетия. Всеобщность и универсализм классики служили также антитезой регионализму «северного возрождения». На петербургской почве это течение проявилось преимущественно в формах «северного» модерна, родственного скандинавско-финскому национальному романтизму.

Вместе с тем петербургский ренессанс составляет параллель этим двум столь отличным от него явлениям. Идея особого культурного пути Петербурга—Петрограда сопрягалась с концепцией регионализма. А наследие русского классицизма впервые было истолковано как «народное достояние» (А. П. Аплаксин), органическая и ценнейшая часть национальной культуры. И в этом смысле вариант неоклассики, основанный на отечественных источниках, явился как бы новой фазой ретроспективного «национального стиля», прежде представлявшегося

исключительно в формах древнерусского зодчества. Поэтому проводимое рядом исследователей размежевание неоромантизма (включающего «новорусский стиль» и «северный» модерн) и неоклассицизма условно и неточно. Неоклассицизм с его апологией прошлого, идеализацией докапиталистической культуры, неприятием буржуазного прагматизма также составляет неотъемлемую часть романтического движения.

Ретроспективизм замкнул круг развития петербургского зодчества. Неоклассика словно перебрасывала мост от «золотого века» столичной архитектуры к «серебряному веку» отечественной культуры. Но к пафосу возрождения художественных традиций Старого Петербурга приешивался эсхатологический момент, оказавшийся провидческим — предчувствие конца петербургской эпохи русской истории. Неоклассицизм явился по-своему логичным итогом, завершением двухвекового «петербургского эксперимента». Однако приоритет классицистических ценностей прочно укоренился в сознании петроградских и впоследствии ленинградских зодчих. Революция не прервала единого цикла развития неоклассики, продолжавшегося в городе до середины 1920-х годов. Приверженность этим ценностям оказала сильное влияние на всю дальнейшую эволюцию ленинградской архитектурной школы, включая и период конструктивизма.

Возрождение собственной градостроительной традиции — это одна сторона петербургского неоклассицизма. Другая связана с общим движением искусства на рубеже веков в сторону эстетизма, стильности, самоценности формы. Классика покоряла монументальной простотой, ясностью композиционного строя, ансамблевой цельностью. Модерн и ретроспективизм дополняли друг друга в поисках чистоты стиля, визуальной органичности и синтетической художественного образа. Они совпадали по своей антиэклектичной направленности. «Художественность формы стиля признана — и это результат борьбы, результат завоевания последних 10—15 лет, начавшегося революционными методами и перешедшего на исторически вдумчивое течение, полное преемственности»¹¹, — писал в 1910 году Г. К. Лукомский. При чем петербургская неоклассика явилась высшим проявлением эстетики стилизма.

Модерн и ретроспективизм — это альтернативные пути преодоления эклектизма. Первый стремится к созданию беспрецедентного, подчеркнуто современного стиля. Второй, напротив, наследует парадигму историзма, но его обращение к традиции глубже и последовательнее, чем в эклектике. Ретроспективизм не приемлет ее плюралистичности, допускавшей принципиальную равноправность и совместимость любых исторических стилей, и противопоставляет ей четкие предпочтения и жесткий волюнтаризм выбора прототипов.

Суждение о том, что неоклассицизм изначально был реакцией на модерн, далеко от истины. Ретроспективные тенденции созрели раньше, чем модерн достиг зенита. Правда, в начале 1900-х годов неоклассика проходила еще «инкубационный период». Новое и традиционалистское направления развивались в значительной степени параллельно, диалектически взаимодействуя. Над петербургским модерном словно

вита́л дух класси́чности, и это наложило на его произведения печать сдержанности и строгой элегантности. К тому же «новому стилю» была свойственна определенная ретроспективность в постижении закономерностей формообразования. В неоклассицизме, в свою очередь, образы прошлого как бы преломлялись сквозь призму модерна.

Другое дело, что в реальной строительной практике модерн далеко не всегда достигал искомой цельности, а его полемическая новизна, импульсивная оригинальность порой приводили к нарочитым, неубедительным решениям. Отсюда — разочарование в поисках новой гармонии и обращение к архетипам, выверенным многовековой традицией.

Проблема соотношения модерна и неоклассицизма — одна из сложнейших. Строго говоря, эти понятия лежат в разных плоскостях: в первом определяется стилевой метод, во втором — круг интерпретируемых источников. Если провести классификацию архитектуры начала XX века по стилевым методам, то в ряду с модерном должны стоять не неоклассицизм, а ретроспективизм, объединяющий все пассивистские тенденции, и эклектизм, который отнюдь не сошел со сцены после 1900 года. Неоклассика, будучи порождением ретроспективизма, принадлежит всем трем методам, хотя и в неодинаковой степени. Проходя через их фильтры, классицистическое наследие предстает в трех основных модификациях, зависящих также от типологической (функциональной) специфики зданий.

Ретроспективный вариант неоклассики тяготел к творческому воссозданию целостной структуры традиционного стиля, к исторической достоверности и даже иллюзии старины. Эта утопическая программа могла реализоваться лишь в идеальных условиях: в проектной графике, в строительстве уникальных зданий — храмов, особняков. В доходных домах и общественных зданиях она воплощалась уже не на уровне общей структуры, а в композиции фасадов и отдельных интерьеров. Модернизированный вариант отличался свободной заостренной стилизацией, граничившей подчас с субъективной деформацией и гротеском. Иллюзия старины подменялась в нем аллюзией исторического стиля. Вольно перефразированные классицистические формы гибко сочетались с новыми конструктивными решениями и свободной планировкой. Эклектический вариант допускал произвольное разъятие целостной системы взаимосвязей и сочленение элементов в любом композиционно-стилевом контексте. Особое место занимал академический классицизм, переступивший вместе с эклектикой порог нового столетия.

Различные принципы формообразования и способы интерпретации наследия обусловили полиморфизм неоклассики, поэтому неправомерно считать ее самостоятельным и единым стилевым направлением.

Совершенные образцы ретростилей соседствовали в городской среде с рядовой застройкой сниженного уровня, которая несла на себе схематичный отпечаток классицистических форм. В массовом строительстве неоклассицизм как бы сходил с романтического пьедестала, подчиняясь меркантильной расчетливости применения его мотивов —

в силу их простоты и легкости исполнения. Издатель серии *Увражей* В. Стори констатировал, что «в смысле экономической практичности наиболее целесообразный стиль: модернизированный ампи́р»¹².

Предвоенная стадия петербургской архитектуры, синхронная формированию становлению русского авангарда, была отмечена усилением рационализма, с одной стороны, и тягой к повывпленной монументальности — с другой. Четкая упорядоченность классицистической композиции становилась созвучной исканиям зрелого рационалистического модерна. Происходило скрещение новых, в том числе каркасных структур с привычной ордерной системой. Традиционные «дополнительные художественные формы» (выражение Е. И. Кириченко) иносказательно отображали реальную работу конструкции, служили средством ее гармонизации. Но все же классицистические приемы были в большей степени направлены на создание самодовлеющей внешней формы.

Высшее стремление неоклассицизма «к чисто строительной красоте» (по определению его теоретика В. Я. Курбатова)¹³ было свободным и от утилитарной целесообразности, и от декорировки. Главное — художественная законченность целого, ясная логичность общего впечатления. В поисках выразительного лаконизма ретроспективное направление шло параллельно с модерном. Характерны в этом плане требования программы конкурса на проект особняка Волконского, объявленного в 1903 году: «Обязательно соблюдение принципа простоты снаружи и внутри здания. Требуется холодно-архаическая строгая красота, в ней может быть заметна эпоха Екатерины II и Александра I. ... Желательно иметь большие гладкие поверхности...»¹⁴

Обретение простоты — одно из важнейших завоеваний неоклассицизма. Геометризация объемов, очищение плоскости, лапидарная общность и выверенность формы возвращали архитектуре строгость и монументальность, утраченные во второй половине XIX века. Отсюда тянутся нити к работам конструктивистов и рационалистов 1920-х годов. «В геометрической упорядоченности композиций их произведений, — писал С. О. Хан-Магомедов, — определенно сказывалось косвенное влияние классицистической эстетической концепции ... Речь, разумеется, идет не о прямых аналогиях, а о методе мышления...»¹⁵

Однако неоклассика шла путем, противоположным Современному движению. Она исходила из универсальности классики как внеисторической художественной системы, обладающей непреходящей эстетической ценностью и способной воплощать разные идеи и социальные функции. Поборники ретроспективизма считали, что они создают «свое, новое» (об этом писали Г. К. Лукомский, А. И. Клейн и другие). Новизна заключалась в преодолении пассивной подражательности и свободном реконструировании традиционного стиля, основанном на понимании его внутренней логики. При этом самим классицистам будущее архитектуры виделось за горизонтами ретроспективизма. Александр Бенуа призывал не подражать классике, а постигнув, чему она «учит вообще», «забыть Палладио» и перейти к свободному твор-

честву¹⁶. Конструктивная ясность классицизма (пусть иллюзорная) рассматривалась как потенциальная основа «нового, живого стиля»¹⁷.

Однако на фоне смелых новаторских экспериментов первых после-революционных лет большинство петроградских архитекторов оставались приверженцами концепции преемственного эволюционного пути. К лидерам ретроспективизма, выдвинувшимся в довоенный период — И. А. Фомину, В. А. Шуко, А. Е. Белогруду, Л. А. Ильину, присоединились молодые мастера — Н. А. Троцкий, Д. П. Бурьшкин, В. Г. Гельфрейх, И. Г. Лангбард и другие. Первая волна эмиграции способствовала экспорту идей и приемов петроградской неоклассики. Так, А. И. Клейн работал в Германии, М. С. Лялевич — в Польше, Ф. И. Лидваль — в Швеции, М. А. Сонгайло — в Литве.

Петроградская неоклассика 1918—1925 годов впитала настроения революционного романтизма и в какой-то степени отразила воздействие кубофутуризма и супрематизма. В ее образном строе усилились архаизирующая символика, тяжеловесная экспрессия, гипертрофированный масштаб, эпическая мощь и суровая лапидарность. Более отчетливо, чем в дореволюционный период, выявились ассоциации с античностью, расчет на большие массы людей, героизированное звучание. И. А. Фомин и его последователи были разработаны и реализованы концепция «пролетарской классики». Она подразумевала использование схематизированного ордера как основы архитектурного порядка и дисциплины, причем трактовка ордерных форм находила аналогию в работах П. Беренса. Творческая формула Фомина:

Единство, сила, простота,
Стандарт, контраст и новизна,

изложенная почти рифмованными строками, была созвучна постулатам Современного движения.

После того как в 1925—1926 годах произошел поворот к конструктивизму, ленинградская архитектурная школа в целом не пошла по линии последовательного новаторства. Позиция ленинградцев выражалась, как отмечал Н. В. Марковников, «не в отрицании новых принципов, а скорее в осторожном к ним подходе»¹⁸. В. С. Карпович писал: «Каждое архитектурное произведение, по мнению зодчих Ленинграда, должно быть связано с общей картиной городской архитектуры»¹⁹. Резкий сдвиг в сторону классического наследия в начале 1930-х годов оказался для многих ленинградских архитекторов естественным и даже желанным. Здесь получил распространение схематизированный вариант модернизированной классики, опиравшийся на творчество И. А. Фомина, но в еще большей степени — на ордерную композицию здания Германского посольства П. Беренса. Эта упрощенная неоклассика явилась переходной фазой от архитектуры 1920-х годов к помпезно-монументальному «сталинскому ампиру».

Три способа интерпретации наследия, существовавшие в начале XX века, — ретроспективный, модернизированный и эклектический — прошли через всю последующую историю архитектурного традиционализма. По отношению к модерну ретростили могут быть определены как постмодерн. Ассоциация с современным постмодернизмом здесь

не только терминологическая, но и типологическая. Она прослеживается и на уровне общих принципов (контекстуализм, символика, исторические аллюзии), и в конкретных приемах стилизации, особенно характерных для послереволюционного этапа неоклассики.

¹ Бакст Л. Об искусстве сегодняшнего дня // Столица и усадьба. 1914. № 8. С. 18.

² Лукомский Г. К. Современный Петроград. Пг., 1917. С. 9.

³ См.: Неделя строителя. 1895. № 10. С. 48.

⁴ Зодчий. 1902. № 5. С. 53—54.

⁵ Известия Общества гражданских инженеров. 1904. № 7. С. 50.

⁶ Klein Alexander. Bemerkungen zum Russischen Klassizismus von 1910—1915 // Wasmuth's Monatshefte für Baukunst. 1926. № 8. S. 326.

⁷ Городская комиссия по постройке Троицкого моста... СПб., 1903. С. 7.

⁸ Петербургская газ. 1912. № 109.

⁹ Там же. 1913. № 19.

¹⁰ Лурье Л. Я., Кобак А. В. Заметки о смысле петербургского краеведения // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 73.

¹¹ Лукомский Г. К. Архитектурные вкусы современности // Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911. С. 32.

¹² Стари В. Фасады городских домов. СПб., 1912. С. 6.

¹³ Курбатов В. Я. Подготовка и развитие неоклассического стиля // Старые годы. 1911, июль — сентябрь. С. 151.

¹⁴ Зодчий. 1903. № 18. С. 245.

¹⁵ Хан-Магомедов С. В. Ф. Кринский и архитектурное течение — рационализм // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры 60—70-х годов. М., 1979. С. 215.

¹⁶ См.: Речь. 1915. 20 нояб. и 1917. 17 февр.

¹⁷ Кон-Винер. История стилей изящных искусств / Пер. под ред. и с добавлениями М. С. Сергеева. М., 1916. С. 289.

¹⁸ Строительная промышленность. 1928. № 9. С. 652.

¹⁹ Там же. 1927. № 4. С. 287.

Г. Ю. НИКИТЕНКО

Возрождение петербургской топонимики (От Невского до Гороховой за 47 лет)

Основу знаменитой трехлучевой планировки центра Петербурга с начала XVIII века составляют Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект. Но в первое советское десятилетие они как бы исчезли, скрытые за новыми, революционными названиями. Горожане, хранившие их в памяти, верили, что прежние имена вернутся. И когда жизнь подтвердила их правоту и Невский снова стал Невским, многим показалось: еще шаг — и в городской обиход возвратятся Гороховая, Вознесенский... Кто же мог предположить, что этот шаг будет сделан лишь спустя сорок семь лет?

В 1987 году в Исполком Ленсовета и в Музей истории города хлынул поток писем на одну и ту же тему. Ленинградцев, да и не только их, воодушевило сообщение о том, что в Москве восстановили название улицы Остоженки, ранее переименованной в Метростроевскую, Фрунзенскому валу возвратили название Хамовнического, а станции метро «Лермонтовской» — «Красные ворота». Авторы писем призывали городские власти и специалистов музея последовать примеру Москвы. Во всем можно было соглашаться с этими письмами, кроме одного. В пример надо ставить не Москву, а наш город, ибо восстанавливать исторические названия первым начал Ленинград. И было это почти полвека назад.

До сих пор остается тайной, как оказалось возможным отказаться от таких революционных названий, как проспект 25-го Октября, улица 3 июля и еще от восемнадцати, посвященных событиям и деятелям революции. Но факт остается фактом: главная улица Ленинграда получила право опять называться Невским проспектом, Садовая — Садовой, главная площадь — Дворцовой... Решение было принято в дни подготовки к разгрому немецко-фашистских войск, все еще сжимающих город в тисках блокады. В постановлении бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 5 января 1944 года говорилось: «Ввиду того, что ряд прежних наименований улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связан с историей и характерными особенностями города, в силу чего прочно вошел в обиход населения, и, следовательно, лучше обеспечивает нормальную связь населения внутри города,

считать необходимым восстановить прежние наименования следующих улиц, проспектов, площадей и набережных...»¹

Помимо перечисленных выше названий, городу возвращались Марсово поле, Адмиралтейский, Суворовский, Измайловский, Литейный и Владимирский проспекты, Адмиралтейская и Дворцовая набережные, Введенская и Таврическая улицы, Казанская, Измайловская и Исаакиевская площади, Большой, Средний и Малый проспекты на Васильевском острове и Большой проспект на Петроградской стороне. Столь значительных реставраций названий — как по числу, так и по значению — не было после этого почти полвека. Этот длительный период был заполнен противоречивыми событиями в жизни городской топонимики, когда параллельно с конъюнктурными переименованиями происходило восстановление некоторых старых названий. Так, в 1952 году, когда заменили около ста двадцати старинных имен, наряду с ними упразднили и одно советское — Республиканский мост, воскресив прежнее — Дворцовый. Тремя годами ранее улица Пролеткульта стала, как и до революции, Малой Садовой.

В начале 1953 года для нескольких улиц удалось даже отменить переименование 1952 года: Кишиневская улица опять стала Барочной, Шумская — Средней Колтовской, Белгородская — Вяземским переулком, а Сумская — Бармалеевой. Восстановили имена Плуталовой, Полозовой, Теряевой и Шамшевой улиц, упразднив Горловскую, Краматорскую, Брестскую и Житомирскую. На Крестовском острове Барвенковская снова разделилась на Эсперу улицу и Эсперов переулок. Набережная Бехтерева на Каменном острове стала набережной Малой Невки.

Но если на Петроградской стороне таким образом удалось хоть как-то восполнить потери, то в других районах не смогли этого добиться даже в самой малой степени. Обстановка официально негативного отношения к дореволюционным названиям не позволяла организовать сколько-нибудь планомерное их восстановление. Речь могла идти разве что о сохранении оставшегося.

В этом деле значительную роль сыграл Государственный музей истории Ленинграда. Он активно включился в работу Городской комиссии по наименованию улиц и объектов местного подчинения при Исполкоме Ленсовета, действовавшей с 1961 года. Его объективная научная аргументация позволила комиссии отклонить огромное число предложений по замене старых названий. Есть немалая доля заслуги музея и в том, что с середины 1960-х годов не состоялось ни одного переименования в центральных частях города. Удавалось даже восстанавливать некоторые наименования. Так, в 1975 году безликий Городской детский парк получил право на собственное имя, существовавшее до 1956 года, — Таврический сад. В 1980 году, когда на месте засыпанного Витебского канала проложили транспортную магистраль, ее назвали улицей Введенского канала, ибо до 1935 года он был Введенским.

Конечно, такие редкие и скромные подарки великому городу уже не воспринимались как достойная дань его прошлому. В общественной и культурной жизни все настойчивее стала звучать тема истории Пе-

тербурга—Петрограда—Ленинграда. Это отражалось и в именах новых улиц. Суздальский проспект, Купчинская улица, Коломязский проспект и другие напоминали о старинных названиях местностей.

В 1987 году решением Исполкома Ленсовета был создан Методический совет по наименованию улиц при Музее истории Ленинграда. Началась подготовка к планомерной реставрации петербургской топонимики.

Реабилитация дореволюционных названий оставалась для городских властей делом все еще непривычным, и потому каждый шаг на этом пути давался тяжело. Из первого предложенного списка в 1987 году были восстановлены исторические имена лишь Сенного и Полостровского рынков.

Не менее сложный характер носило заседание комиссии в начале 1989 года, но все же четыре старинных топонима из нового списка были приняты.

Это, во-первых, Почтамтская улица. Почти ровесница города, она в 1720—1730 годах именовалась Пушкарской, с 1738 — Большой Дворянской, со второй половины XVIII века — Новой Исаакиевской, с начала XIX — Почтамтской (по зданию Главного почтамта), а с 1922 — улицей Союза Связи.

Второй была Малая Посадская — тоже одна из старейших. В 1730-х годах она значилась Второй Дворянской улицей, в середине XVIII века — Малой Дворянской и 1-й Торговой, в конце столетия — Певческой и Дворянской, с начала XIX века — Малой Посадской, с 1964 года — улицей Братьев Васильевых.

Предлагалось восстановить название Александровского сада. Разбитый в 1870-х годах перед главным фасадом Адмиралтейства, он включил в себя Адмиралтейский бульвар, существовавший с начала XIX века, и Адмиралтейскую площадь. В 1874 году стал Александровским садом, с мая 1917 — Адмиралтейским, с 1920-х годов — Садом трудящихся. В 1936 году к названию добавлено имя М. Горького. Комиссия остановилась на последнем дооктябрьском варианте — Адмиралтейский сад.

Название Каменного острова было известно еще до основания города и существовало до 1920 года, когда его заменили другим — остров Трудящихся. Теперь ему также возвратили прежнее наименование. В 1987 году эти почти не вызывавшие возражений наименования не были приняты, а в феврале 1989 года Исполком утвердил их. При этом список дополнили Биржевой площадью, переименованной в 1937 году в Пушкинскую.

Осенью 1989 года восстановили еще четыре названия из шестнадцати, предложенных Методическим советом в очередном списке. В их числе — Мошков переулок, существовавший под этим именем с 1720-х по 1952 год, когда стал Запорожским. Вернули старое название Преображенской площади, существовавшее с 1830-х годов и замененное в 1923 на площадь Радищева.

Снова появилась на карте города Пироговская набережная. С XVIII века она была известна как набережная Большой Невы, с 1887 — как

Арсенальная, с 1898 — Пироговская, а в 1979 была включена в Выборгскую набережную.

Современный железобетонный мост между Стрелкой Васильевского острова и Петроградским островом стал Биржевым подобно своему деревянному предшественнику, называвшемуся так с середины XIX века по 1918 год, когда его переименовали в мост Строителей.

Демократизация жизни общества позволила наконец-то заняться реставрацией в широких масштабах. В феврале 1990 года Методический совет завершил научную разработку списка из сорока с лишним наименований, относящихся к первой половине XVIII века, и представил его в Исполком Ленсовета. Но решение было принято лишь через полтора года. За это время Городская комиссия по наименованию улиц и объектов местного подчинения была преобразована в Топонимическую комиссию, работающую под руководством депутатов городского Совета — теперь уже не Ленинградского, а Санкт-Петербургского. В подготовке заседаний участвуют активисты и сотрудники городского отделения Российского фонда культуры.

В октябре 1991 года президиум городского Совета утвердил список восстанавливаемых названий, переработанный совместно Методическим советом и фондом культуры. Он имеет 43 пункта. Под седьмым номером обозначена Гороховая улица. Она с 1738 года именовалась Средней улицей, во второй половине столетия ее участки значились как Адмиралтейский проспект, Гороховая и Семеновская улицы. С 1840-х — Гороховая, с 1918 — Комиссаровская, с 1927 — Дзержинского.

Под шестнадцатым номером — Вознесенский проспект, сохранявший это название с 1738 года по 1923, когда был переименован в проспект Майорова.

Итак, спустя сорок семь лет после возвращения Невского, мы можем именовать все три луча так, как они значились в первой половине XVIII века.

Недавно обретенную Почтамтскую пересекает уже не переулок Подбельского, известный с первых послереволюционных лет, а Почтамтский, носивший это имя с 1820-х годов (а еще раньше — с середины XVIII века — значившийся Выгрузным переулком). И начинается он не от бульвара Профсоюзов, как было с 1918 года, а от Конногвардейского бульвара, как было с 1845-го. Этот бульвар, как известно, разбит над засыпанной частью Адмиралтейского канала, уцелевшая часть которого в 1922 году была переименована в «канал имени товарища Крунштейна». Сооруженный еще в петровское время, он с 1717 года значился как Прядильный канал, а с 1738 — Адмиралтейский. Теперь, с 1991 года, он опять Адмиралтейский.

Улица, идущая параллельно каналу и бульвару, с 1738 года была известна как Исаакиевская, во второй половине столетия — Старая Исаакиевская, с 1790-х — Галерная, с 1918 — Красная. Ей возвращено название Галерной.

Между Дворцовой площадью и Марсовым полем оставалась улица Халтурина, получившая это имя в 1918 году. Одна из старейших вблизи дворца, она с первой четверти XVIII века была известна как

Немецкая, с 1738 — как Большая Немецкая, с 1740-х по 1918 — Миллионная, Теперь она снова Миллионная.

По соседству, за Мойкой, с давних пор существует семейство названий, происшедших от здания Конюшенного ведомства. После революции оно несколько поредело. Но теперь в него возвратилась Большая Конюшенная улица, именовавшаяся так с 1739 года, пока в 1918 не стала улицей Желябова. Проезд, идущий параллельно ей, именовался с 1739 года Большой Рождественской, с 1770-х — Малой Конюшенной, с 1918 — Софьи Перовской. Теперь ему возвращено прежнее название — Малая Конюшенная улица.

В 1830-х годах к Невскому проложили новую улицу — Михайловскую. В 1918 году ей дали имя Лассала, а в 1940 году — Бродского. Теперь восстановили первоначальное название.

Вместе с Михайловской вернули и Итальянскую. Эта старинная улица проходит параллельно Невскому от канала Грибоедова до Фонтанки. С 1739 года она была Итальянской, а с 1871 — Большой Итальянской, но в 1923 году стала улицей Ракова.

Подобно Большой и Малой Конюшенной, Михайловской, к Невскому выходит теперь Караванная улица — так именовалась она со второй половины XVIII века до 1919 года, когда была переименована в улицу Толмачева.

С детских лет большинству из нас известен Екатерининский сад. Никогда не требовалось пояснять, что он находится на Невском, перед Александринским театром. Но большинство горожан даже не подозревало, что это название, существовавшее со второй половины XIX века, упразднили в 1923 году и заменили таким: «Сквер писателя Островского». Но, очевидно, в связи с тем, что памятник изображает все же не Островского, оно со временем преобразовалось в «сквер на площади Островского». Теперь — Екатерининский сквер.

За Фонтанкой снова появился Графский переулок. В середине и второй половине XIX века он был Головинским, а также Троицким, в конце столетия стал Графским, в 1923 — Пролетарским, в 1964 — улицей Марии Ульяновой.

Мост через Фонтанку у улицы Пестеля обрел свое историческое имя — Пантелеймоновский, которое он носил с 1824 по 1915 год. Затем он был Гангутским, а с 1923 — мостом Пестеля.

Реставрация коснулась и старинных улиц, пересекающих начало Литейного проспекта. Первая из них теперь снова Шпалерная, а не улица Воинова, как было с 1918 года. В первой половине XVIII века она была известна как 1-я линия и 1-я Береговая улица, с середины столетия — Воскресенская Набережная улица, с 1887 — Шпалерная.

Соседняя с ней была в первой половине XVIII века 2-й линией и 2-й Береговой улицей, с середины столетия — 1-й Артиллерийской, в конце XVIII века стала Захарьевской, в 1923 — улицей Каляева. Теперь она снова Захарьевская.

Улица Петра Лаврова, известная под этим именем с 1923 года, теперь снова Фурштатская, как была названа еще в конце XVIII века. Еще раньше — во второй половине столетия — она называлась 3-й

Артиллерийской, в середине столетия — Пушкарской, а первоначально (в первой половине XVIII века) — 4-й линией.

Манежная, или Старая Манежная улица, получившая это имя еще в конце XVIII века, с 1871 года стала Кавалергардской, а в 1923 ее сделали улицей Красной Конницы. Теперь она снова Кавалергардская.

Решился и вопрос о площади Мира, которой вернули название Сенная. С 1739 года — Большая площадь, она же в середине XVIII века — Конная, а со второй половины столетия — также и Сенная, которую в 1952 переименовали в площадь Мира.

Расположенный недалеко от этой площади Детский парк Октябрьского района снова называется Юсуповским садом, как было с середины XVIII века.

Место, где стоит Николо-Богоявленский Морской собор, с 1739 года именовалось Адмиралтейской Сборной площадью, а в первой четверти XIX века — Никольской. Ее переименование в площадь Коммунаров, относящееся к 1923 году, ныне отменено. Восстановлено старое название — Никольская площадь. Мост, находящийся неподалеку и известный с 1927 года как Комсомольский, теперь обрел прежнее имя — Харламов мост, существовавшее с середины XVIII века.

Небольшая Смольная улица в Коломне, названная так в 1739 году, стала известна во второй половине столетия как Хлебная, а с 1859 — как Витебская. Переименование 1922 года в честь П. М. Войтика теперь упразднено, и улица опять Витебская.

Старинная магистраль, начинающаяся за Фонтанкой, от Калинкина моста, называлась в середине XVIII века Петергофской дорогой, позднее — Петергофским проспектом, который во второй половине XIX века параллельно стал именоваться и Старо-Петергофским проспектом в связи с появлением Ново-Петергофского, позднее вошедшего в Лермонтовский. В 1922 году Петрогубисполком переименовал Старо-Петергофский проспект в проспект Юного Пролетария, а спустя одиннадцать лет — в проспект Газа. С 1991 года — снова Старопетергофский проспект. Пересекающий его проспект Огородникова стал Рижским. Первоначально, во второй половине XVIII века, он был Измайловской улицей, затем, с 1830-х годов, — Ново-Измайловским проспектом, с 1859 — Рижским, пока в 1923 не был переименован в проспект Огородникова.

Нынешняя реставрация названий оказалась весьма важной для топонимики Петроградской стороны, ибо затронула ее важнейшие магистрали.

Проспект, именовавшийся с 1934 года Кировским, а до этого (с 1918) улицей Красных Зорь, стал Каменноостровским, как было с первой четверти XIX века. Расположенная у его начала старейшая площадь города сейчас обрела свое первоначальное имя — Троицкая. Оно сохранялось до 1923 года, когда ее назвали площадью Революции. Троицким стал и мост через Неву возле Троицкой площади. С начала XIX столетия он был известен и как Суворовский, и как Петербургский. С 1820-х, еще оставаясь плашкоутным, он получил название Троицкий, которое все же уступило место Петербургскому. В 1891 году городская Дума, решив соорудить на его месте металлический мост,

сразу назвала его Троицким. Это решение утвердил Александр III. Но с 1918 года это мост Равенства, а с 1934 — Кировский.

Расположенный по трассе Каменноостровского проспекта Пионерский мост, называвшийся так с 1936 года, теперь получил право носить то имя, под которым он был известен в конце XVIII века, — Силян мост. А сад имени Ф. Э. Дзержинского опять стал Лопухинским. Под этим названием он существовал еще в конце XVIII века.

Проспект Максима Горького — теперь Кронверкский, как было с 1830-х годов до переименования в 1932 году. Вернулась Большая Монетная улица. Одна из старейших на Петроградской стороне, она в 1730-х годах значилась 2-й Малой Ружейной и Наличной Ружейной, на рубеже XVIII и XIX веков — 2-й Монетной, а также Оспенной улицей и Оспенным переулком. В 1830-х она уже Большая Монетная, которую в 1922 году переименовали в улицу Скороходова.

Восстановлено название Малого проспекта Петроградской стороны. В середине XVIII века он значился Средней Гарнизонной улицей, а в конце столетия стал Малым проспектом, но в 1941 году его переименовали в проспект Щорса.

Очередной поворот произошел в драматической судьбе еще двух улиц. Имя Введенской улицы, существовавшее с середины XVIII века, в 1923 году заменили другим, и появилась улица Розы Люксембург. В январе 1944 года восстановили Введенскую, но в 1952 году ее назвали улицей Олега Кошевого. И вот теперь вторично вернули Введенскую. Такая же история произошла и с названием Полозовой улицы, появившимся на рубеже XVIII и XIX веков. В 1952 году его заменили на Краматорскую улицу. Через год Полозову восстановили, но еще через одиннадцать лет опять переименовали — в память об Анне Ульяновой. С 1991 года это опять улица Полозова.

Начинается восстанавливаться историческая топонимика Выборгской стороны. Одна из главных ее магистралей — проспект Карла Маркса, носившая это имя с 1918 года, обрела прежнее название — Большой Сампсониевский проспект, закрепившееся за ней в первой половине XIX века. До этого, с середины XVIII века, она именовалась Сампсониевским проспектом. Вернулся и Малый Сампсониевский. Со второй половины XVIII века он был Сампсониевской улицей, с 1820-х — Малым Сампсониевским проспектом, пока в 1923 году его не переименовали в улицу Братства. Находящийся неподалеку мост Свободы, значившийся так с 1923 года, обрел свое прежнее имя — Сампсониевский, существовавшее с первой половины XIX века.

Упразднили название «Парк Челюскинцев», присвоенное ему в 1930-х годах, и восстановили — Удельный, известное с XIX века. Возвращены имена Елецкой и Енотаевской улиц, существовавшие со второй половины XIX века до 1977 года, когда их переименовали в улицы Фотиевой и Фофановой.

Проспекту имени Н. И. Смирнова, получившему это имя в 1962 году, возвращено привычное название, известное с первой половины XIX века, — Ланское шоссе.

Вернулись исторические имена гастронома «Елисейский» и Мальцевского рынка.

Таков список восстановленных названий 1991 года — самый крупный после 1944 года.

Реставрация названий будет продолжена — в этом трудно сомневаться, тем более что она предусмотрена городскими властями. Но нельзя считать, что с восстановлением всех старых топонимов задача сохранения исторических названий решится раз и навсегда. Вспомним драматичную историю переименований Введенской, Полозовой и Теряевой улиц. Название первой было восстановлено в 1944 году и опять утрачено в 1952 году, двух других — восстановлены в 1953 году и повторно переименованы в 1964 году. Теряева улица, кстати, не восстановлена и поныне.

Почему же так легко переименовывали даже те улицы, названия которых были признаны исторически ценными? Потому что их имена не имели законодательной защиты. Архитектурные объекты и исторические адреса получают статус памятников, охраняемых государством, а названия до сих пор этого не имеют. Вот почему ученый совет музея в 1986 году поддержал предложение учредить в Ленинграде Красную книгу: городские топонимы, включенные в нее, становятся памятниками истории и культуры, сохраняются городом².

В феврале 1989 года Ленсовет вынес решение об учреждении «Красной книги названий улиц, площадей, набережных Ленинграда, имеющих историческую ценность». Она явилась первым в стране охранным актом подобного рода.

Сейчас в Красной книге более сотни названий, в основном XVIII века. Все они утверждаются Президиумом городского Совета. В очередной список намечено включить еще одну группу топонимов XVIII века и наименования, восстановленные в 1991 году.

¹ ЛПА. Ф. 25. Ед. хр. 4850. Л. 3.

² Никитенко Г. Ю. Имена старых улиц // Ленинградская панорама. 1986. № 10. С. 23—25; 1987. № 7. С. 40; *ее же*. Улицы... в Красную книгу // Вечерний Ленинград. 1987. № 150.

Сведения об авторах

Альдина Ивановна Барабанова — историк, старший научный сотрудник ГМИ СПб. В музее работает с 1957 г. Темы исследований — история Петропавловской крепости, история революционного движения 1880-х гг. Автор книги «Народовольцы в Петербурге» (Л., 1984, в соавторстве с Е. А. Ямшиковой), выставок по истории строительства Петропавловской крепости, по революционному движению в Петербурге, одна из создателей экспозиции «История С.-Петербурга—Петрограда. 1703—1917 гг.»

Мариэтта Эрнестовна Гизе — архитектор-художник, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник ГМИ СПб. В 1942—1945 гг. работала в Гос. оптическом институте, в 1945—1948 — в мастерской № 13 треста Ленпроект под руководством А. С. Никольского. В 1948—1978 гг. преподавала историю современной архитектуры и всеобщую историю искусств в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомой. В ГМИ СПб. работает с 1985 г. Автор книг «Очерки истории художественного конструирования в России XVIII — начала XX в.» (Л., 1977), «Нартов в Петербурге» (Л., 1988) и ряда статей. Член Союза архитекторов и Союза художников России.

Наталья Кирилловна Дубова — историк, заведующая отделом истории города ГМИ СПб. Работает в музее с 1979 г., занимается изучением истории Петропавловской крепости, революционного и общественного движения начала XX в. Автор статей по истории тюрьмы Трубецкого бастиона. Участник создания экспозиций «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.», «Самодержавие накануне краха».

Галина Петровна Игнатьева — историк, старший научный сотрудник ГМИ СПб. В музее работает с 1965 г. Тема исследований — история Шлиссельбургской крепости XVIII — начала XX в. Автор книги «Шлиссельбургская крепость» (Л., 1986, в соавторстве) и ряда научных публикаций, а также экспозиций в крепости-музее Орешек.

Маргарита Владимировна Идельсон — см. «Памяти коллеги» в наст. сборнике.

Борис Михайлович Кириков — искусствовед, заместитель директора ГМИ СПб. по научной работе, старший научный сотрудник Россий-

ского НИИ искусствознания, преподаватель С.-Петербургского университета. В ГМИ СПб работает с 1969 г., в 1980—1988 гг. заведовал сектором истории архитектуры. Основные области научных исследований — архитектура Петербурга—Ленинграда, искусство русской провинции. Автор и соавтор 10 книг и брошюр (Архитекторы — строители Петербурга—Петрограда начала XX века, Л., 1982, в соавторстве; Углич, Л., 1984; Кашин, Л., 1988; Улица Желябова / Большая Конюшенная, Л., 1990 и др.), около 200 статей, один из составителей издания «Ленинград. Путеводитель» (Л., 1986—1988). Участник и организатор ряда научных конференций, выставок и экспозиций. Член международной организации по изучению и сохранению памятников архитектуры Современного движения (ДОКОМОМО).

Мария Владимировна Нащокина — кандидат архитектуры, старший научный сотрудник НИИ теории архитектуры и градостроительства (Москва). Преподавала в Московском архитектурном институте и Российской Академии художеств. Специалист по истории русского зодчества XIX—XX вв., исследователь теоретических проблем архитектуры. Автор многочисленных научных публикаций, в том числе и за рубежом. Член Российского Союза архитекторов, комиссии ЮНЕСКО по изучению архитектурного наследия Ар Нуво и международной организации по изучению и сохранению памятников архитектуры Современного движения (ДОКОМОМО).

Галина Юрьевна Никитенко — старший научный сотрудник ГМИ СПб., где работает с 1976 г. Основная тема исследований — история улиц и топонимии Петербурга. Автор книги «Большой проспект Васильевского острова» (Л., 1981, в соавторстве с В. Д. Соболев) и ряда статей. Создатель выставки «Васильевский остров. XVIII — начало XX в.» Научный редактор топонимического справочника «Городские имена сегодня и вчера» (Л., 1990). Член городской топонимической комиссии, инициатор создания «Красной книги» — охранного свода исторических названий петербургских улиц.

Марина Петровна Околызина — историк, старший научный сотрудник ГМИ СПб. В музее работает с 1978 г. Основная тема исследований — история развития науки в Петрограде—Ленинграде. Участвовала в создании ряда экспозиций и выставок. Член С.-Петербургского отделения Комиссии РАН по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского.

Юрий Викторович Трубинов — искусствовед, старший научный сотрудник института «Ленпроектреставрация». В институте работает с 1966 года. Специалист по истории архитектуры Петербурга, опубликовал более тридцати исследований. Один из авторов проекта реставрации Меншиковского дворца. Член творческого Союза работников культуры.

Список сокращений

ГМИ СПб. — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ЛПА — Ленинградский партархив
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека
ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

От научного редактора	5
Идельсон М. В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров	7
Памяти коллеги	23
Дубова Н. К. Записки Г. А. Иванишина — новый источник по истории Петропавловской крепости	24
Иванишин Г. А. Манифест 17 октября в «Петропавловке». Пьеса (публикация Н. К. Дубовой)	33
Игнатьева Г. П. Новая тюрьма Шлиссельбургской крепости	68
Барабанова А. И. Место казни первомартовцев	76
Кириков Б. М. Подъездной переулочек (из истории Семеновского плаца)	83
Гизе М. Э. Петр Ермолаев и Михаил Семенов — создатели иллюстраций к книге А. К. Нартова «Театрум махинарум»	87
Окользина М. П. Материалы к биографии В. И. Вернадского в документах 1863—1890 годов	98
Трубинов Ю. В. Строгановский дворец (уточнение времени строительства)	112
Нащокина М. В. Николай Султанов (1850—1908)	119
Кириков Б. М. Петербургские особняки второй половины XIX — начала XX века (Особенности объемно-пространственных композиций)	128
Кириков Б. М. Неоклассицизм в архитектуре Петербурга—Петрограда	140
Никитенко Г. Ю. Возрождение петербургской топонимики (От Невского до Гороховой за 47 лет)	148
Сведения об авторах	156
Список сокращений	158

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Исследования и материалы
Выпуск 1

Редакторы Л. Н. Коннова, М. И. Лаптева
Художник А. И. Бородин
Художественный редактор Л. Е. Миллер
Технический редактор А. Г. Закиров
Корректоры Е. И. Белова, С. А. Батото

Сдано в набор 26.03.93. Подписано к печати 9.04.93. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 10.5.
Тираж 2000 экз. Издательство "АКРОПОЛЬ", 191011, Санкт-Петербург, Садовая ул., 2.

Зак. 165

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука»
199034, С.-Петербург, В-34, 9-я линия, 12.